

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

*Россійской Императорской Академии Президента
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

Ч А С Т Ъ VII.

С. П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академии.

1826.

D.T. Flint
16V
113

891.78
S55727
1818a
v. 7

61-372188

~~PG3364~~

~~S45~~

~~1819~~

П Е Ч А Т А Н О:

По определению Императорской Российской Академии.

МАЯ 12 ДНЯ 1817 ГОДА.

Slavic Division

461919

Am 15, 34

ОГЛАВЛЕНІЕ

С Е Д Ъ М О Й   ч а с т и .

	Стран.
1) Слово о походѣ Игоря, сына Святосла- вова, внука Ольгова	1.
2) Дафнисъ. Сочиненіе Геснера. Перев. съ Нѣмецкаго	151.
3) Карпина изъ попопа или Семира и Се- минъ	250.
4) Евандръ и Алцимна, пастушья комедія въ прехъ дѣйствіяхъ. Сочин. Г. Гес- нера	256.
5) Гомеровою Илиадою пѣснь XVI	307.
6) ————— пѣснь I-я :	354.

О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, а) О ПОХОДЪ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны башетѣ,
братіе, нагати стары-
ми словесы трудныхъ
повѣстій о плѣку Иго-
ревѣ, Игоря Святѣсла-
влита! нагати же ся
тѣмъ пѣсни по былинамъ
сего времени, а не по
замышленію Бояню б).

Пріятно намъ, братцы,
начать древнимъ слогомъ
прискорбную повѣсть о
походѣ Игоря, сына
Святославова! начать же
сію пѣснь по быліямъ
того времени, а не по
вымысламъ Бояновымъ.
Ибо когда мудрый Боянъ

а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Свя-
томъ крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году
на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володими-
ровича Галицкаго. Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ
Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя
пясть сыновей.

б) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ
Русской, кошорой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ
него писателей. Изъ нѣкошорыхъ въ примѣръ здѣсь при-
веденныхъ словъ его явствуетъ, что Боянъ воспѣвалъ все-
гда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвы-
шенно. Когда и при кошоромъ Государѣ гремѣла лира его,
ни по чему узнать не лѣзя; ибо не оспалось намъ ника-
кого ошрывка, прежде великаго Князя *Владимира Святосла-
вича* писаннаго. Ошъ временъ же его дошла до насъ
Ч а с т ь VII.

Боянъ бо въщій, аще
колицъ хопяше пѣснь
творити, то растѣка-
шетса мыслию по дре-
ву, сбрыль вѣлкомъ по
земли, шизыль орломъ
подъ облакы. Помя-
шетъ бо реть пѣрвыхъ
временъ цубицъ; тогда
тущашеть ꙗ соколовъ
на стадо лебедѣй, ко-
торый дотеташе, та
преди пѣсь пояше, спа-
рому Ярославу в), хра-
брому Мстиславу г),

хотѣлъ прославлять ко-
го, то носилса мыслию по
деревьямъ, сѣрымъ вол-
комъ по землѣ, сизымъ
орломъ подъ облаками.
Памятно намъ по древ-
нимъ преданіямъ, чѣю
повѣдая о какомъ-либо
сраженіи, примѣняли о-
ное къ десяти соколамъ,
на стадо лебедей пущен-
нымъ: чей соколъ скорѣе
долеталъ, тому прежде
и пѣснь начиналася, ли-
бо старому Ярославу,

между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ которой
находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ стихо-
творствѣ называемое; но вѣроятно, что и та въ послѣд-
ствіи переправлена:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пиrowаніе почешное,
Почешное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ полѣ-сыша баря наѣдалися,
Въ полѣ пьяна баря напивалися.
Послѣдняя ѣсхва на сполѣ пошла,
Послѣдняя ѣсхва лебединая:
Спали бояре тушь хвасташи: и проч.

- в) Чрезъ стараго Ярослава сочинитель разумѣетъ здѣсь ве-
ликаго Князя Ярослава Владиміровича, даваго Нового-
родцамъ законы, подъ именемъ Русской Правды до нынѣ
извѣстные. Онъ былъ прапрадѣдъ Игорю Святославиту,
которому воспѣвается пѣснь сія.
- г) Храбрый Мстиславъ, также сынъ великаго Князя Влади-
мѣра Святославита, родной брательнъ Ярославу I. Будучи на

иже зарѣза Редедю предѣ
пѣлки Касожьскими,
краснолицу Романови д)
Святѣславлю. Боянѣ
же, братіе, не ї соко-
ловѣ на спадо лебедѣй
пущаше, нѣ своя вѣща
прѣсты на живая стру-
ны вѣскадаше; они же
сами Княземѣ славу ро-
котаху.

Погнемѣ же, братіе,
повѣсть сію отѣ стара-
го Владимѣра е) до ны-

либо храброму Мстисла-
ву, поразившему Редедю
предѣ полками Косо-
жскими, или красному Ро-
ману Святославичу. А
Боянѣ, брашцы! не де-
сятъ соколовѣ на спадо
лебедей пускалъ: но какъ
скоро прикасался искус-
ными своими перстами
къ живымѣ спрунамѣ,
то сіи уже сами славу
Князей гласили.

Начнемѣ же, брашцы,
повѣсть сію опѣ спа-
раго Владимѣра до ны-

удѣлѣ въ Тьмушараканскомѣ Княжествѣ 1022 года, высту-
пилъ онѣ въ походѣ противѣ Косоговѣ. Князь Косожскій
Редедя, понадеясъ на крѣпость мышцѣ своихѣ, будтобѣ
для пощады съ обѣихѣ сторонѣ воиновѣ опѣ напраснаго
кровопролитія, предложилъ ему поединокѣ. Мстиславъ
охотно на сіе согласясъ, сразилсѣ съ нимѣ, и одолѣвъ сво-
его сопрошеника, лишидѣ его жизни. По сдѣланному
предварительно въ пользу побѣдителя условію вступивѣ
во владѣніе Косоговѣ, наложилъ онѣ на нихѣ данѣ, завла-
дѣлѣ всѣмѣ богашествомѣ Княжескимѣ, а жену и дѣтей
его увелѣ въ плѣнѣ за собою.

Опѣ сыновей сего побѣжденнаго Князя Косожскаго
произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: Добрынскихѣ,
Зайцовыхѣ, Бирдюковыхѣ, Поджеевичѣхѣ, Гусевыхѣ, Елиза-
ровыхѣ, Симскихѣ, Хобаровыхѣ и Глѣбовыхѣ.

а) Романъ сынѣ Князя Святослава Ярославита, былѣ на удѣ-
лѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году со-
гласясъ съ Половцами, онѣ хотѣлѣ отнять Переяславѣ
у Великаго Князя Всеволода Ярославита: но наемные со-
юзники его измѣнили ему и заключили особенный мирѣ
съ Великимѣ Княземѣ Кіевскимѣ. Когда онѣ за сію измѣну
спалѣ упрекать Половцевѣ, то произошла изѣ шого ссора,
въ которой онѣ былѣ опѣ нихѣ убишѣ.

е) Равно-Апостольный Великій Князь Владимѣръ Святосла-
вичѣ, просѣдившій Рускую землю святымѣ крещеніемѣ

*

нѣшняго Игоря; иже
истягну члѣмъ крѣпостію
своею, и пооспри серд-
ца своего мужествомъ,
наплѣнився ратнаго ду-
ха, навсѣ своя храб-
рѣя плѣкъ на землю
Половецкую за землю
Русскую. Тогда Игорь
вѣзрѣ на свѣтлое солн-
це и видѣ отъ него
тьмою вся своя воля при-
крыты, и рече Игорь
къ дружинѣ ж) своей:
братіе и дружино! лу-
чежъ бы потягати бы-
ти, неже полонену бы-
ти: а всядемъ, братіе,
на свои брѣзвы комоны,
да позримъ синего До-
ну. Спала Князю члѣмъ
похоти, и жалость ему
знаменіе заступы, иску-
сити Дону великаго.
Хощу бо, рече, копѣе
приложити конецъ по-
ля Половецкаго съ ва-
ми Русици, хощу гла-
ву свою приложити, а
любо испити шелоколю
Дону. О Бояне, соло-
вію стараго времени!
абы ты сіа плѣкъ щекоталъ,
ската славію
по мыслену древу, ле-

нѣшняго Игоря. Сей
Игорь напругши умъ
свой крѣпостію, поощ-
ривъ сердце свое муже-
ствомъ и исполнясь духа
ратнаго, вступилъ съ
храбрымъ своимъ воин-
ствомъ въ землю Поло-
вецкую для опмщенія за
землю Русскую. Тогда
взглянулъ онъ на солнце
свѣтлое, и увидѣвъ мра-
комъ покрытое все вой-
ско свое, произнесъ къ
дружинѣ своей: „Братія
и друзья! лучше намъ
„быть изрубленнымъ,
„нежели доспаться въ
„плѣнъ. Сядемъ на сво-
„ихъ борзыхъ коней, и
„посмотримъ на синій
„Донъ.“ Пришло Князю
на мысль пренебречь ху-
дое предвѣщаніе и извѣ-
дать щастья на Дону ве-
ликомъ. „Хочу, сказалъ
„онъ, съ вами, Россіане!
„переломишь копье на
„помъ краю поля Поло-
„вецкаго; хочу или голо-
„ву свою положить, или
„шлемомъ изъ Дону во-
„ды доспаться.“ О Боянъ!
соловей древнихъ лѣтъ!
щебѣ бы надлежало про-

ж) Дружиною назывались отборные и приближенные воины,
сопровождавшие Государей во всѣхъ походахъ.

тая цмолибъ подб обла-
кы, свивая славы оба
полы сего времени, ри-
ща въ тропу Трояню з)
тресбъ поля на горы.
Пбти было пбсь Иго-
реви, того (Олга) вну-
ку. Не буря соколы за-
несе тресбъ поля широ-
кая; галици стады бб-
жатъ къ Дону велико-
му; тили вбспбти бы-
ло вбщей Бояне, Веле-
совъ и) внуге! Коломи
ржупъ за Сцлою; зве-
нитъ слава вб Киевѣ;
трубы трубятъ вб Но-
вгородѣ; стоятъ стязи
вб Путивлѣ; Игорь
ждетъ мила брата Все-
волода. И рече смц Буй
Турѣ i) Всеволодѣ: одинѣ

возгласишь о сихъ под-
вигахъ, скача соловьемъ
мысленно по дереву, ле-
шая умомъ подъ облака-
ми, сравнивая славу дре-
внюю съ нынѣшнимъ вре-
менемъ, мчась по слѣ-
дамъ Трояновымъ чрезъ
поля на горы. Тебѣ бы
пбшь пбсьнъ Игорю внуку
Ольгову. Не буря соко-
ловъ занесла чрезъ поля
широкія, слетаются гал-
ки спадями къ Дону ве-
ликому. Тебѣ бы, мудрый
Боянѣ, внукъ Велесовѣ!
сіе воспбшь. Ржупъ ко-
ни за Сцлою, гремишь
слава въ Киевѣ, трубятъ
трубы въ Новгородѣ,
развѣвають знамена въ
Путивлѣ, ждешъ Игорь

з) Четыре раза упоминается въ сей пбсьни о Троянѣ, т. е. трона Трояня, вбти Трояни, земля Трояня, и седмый вбкъ Трояновъ: но кшо сей Троянъ, догадаться ни по чему не возможно.

и) Велесъ, Славянскій въ язычествѣ Богъ, покровитель стады. Его считали вторымъ послѣ Перуна. По названію Бояна внукомъ Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи Христіанской вѣры.

i) Буй значилъ дикій, а туръ вола. Ипакъ Буйтуромъ, или Буйволодомъ называется здѣсь Всеволодъ въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что изъ сихъ двухъ словъ составилось попомъ названіе богатыря, ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

Всеволодъ Святославичъ, меньшій братъ Игоревъ превосходилъ всѣхъ своего времени Князей не токмо воз-
растомъ шѣла и видомъ, кошорому подобнаго не было, но

братѣ, одинѣ свѣтѣ
 свѣтлый ты Игорю,
 оба есѣ Святѣславля;
 сѣдай, брате, свои
 брѣзвыи колюки, а мои
 ти готови, осѣдлани у
 Курьска на переди; а
 мои ти Куряни сѣдо-
 ми кѣ мети, подѣ тру-
 бами повити, подѣ ше-
 ломы вѣзлелѣяны, ко-
 нець копѣя вѣскрѣпле-
 ны, пуги иль вѣдоли,
 яруги иль знаели, лу-
 ци у нихѣ напряжени,
 туги отворени, сабли
 изострени, сами ска-
 чють акы сѣрыи вѣлци
 вѣ полѣ, ищуги себе
 тти, а Князю славѣ.
 Тогда вѣступи Игорь
 Князь вѣ златѣ спре-
 мени, и побѣха по ги-
 столу полю. Солнце
 ему тѣмлюю пугѣ за-
 ступаше; ношѣ стону-
 щи ему грозою пугѣ
 убѣди; свистѣ звѣринѣ
 вѣ спазби; дивѣ клитемѣ
 вѣрѣху дрѣва, велитѣ по-
 слѣшати земли незнае-
 мѣ, вѣлѣзѣ, и по морю,
 и по Сурю, и Сурожу,
 и Корсуню, и тебѣ
 Тѣмцѣ ораканьскѣи

милаго брата Всеволода.
 Богатырь же Всеволодѣ
 вѣщаесть кѣ нему: „о
 „Игорь! ты одинѣ у меня
 „братѣ! ты одинѣ у меня
 „ясный свѣпѣ! и мы оба
 „сыновѣя Святѣславовѣ;
 „ты сѣдай, братѣ, сво-
 „ихѣ борзыхѣ коней, а
 „мои для тебя пригото-
 „влены и давно у Кур-
 „ска осѣдланы. Мои Кур-
 „гане вѣ цѣлѣ стрѣлять
 „знаючи, подѣ звукомѣ
 „трубѣ они повиты, подѣ
 „шлемами возлелѣяны,
 „концомѣ копѣя вѣскорм-
 „лены; всѣ пуги имѣ
 „свѣдомы, всѣ овраги
 „знаемы, луки у нихѣ
 „напѣнушы, колчаны оп-
 „ворены, сабли изостре-
 „ны; они скачуть вѣ по-
 „лѣ какѣ волки сѣрые,
 „ища себѣ чести, а Кня-
 „зю славы.“ Тогда Князь
 Игорь, вступи вѣ золо-
 тое спремя, поѣхалѣ по
 чистому полю. Солнце
 своимѣ зашѣмѣниемѣ пре-
 граждаесть пугѣ ему;
 грозная возспавшая но-
 чью буря пробуждаесть
 пугѣ; ревушѣ звѣри
 стадами; кричитѣ фи-

храбростію и всѣми душевными добродѣтелями просла-
 влялся повсюду. — Татищ. Исгор. частѣ III. стр. 320.

блѣванѣ. А Половцы не-
готовали дорогами по-
бѣгоша къ Дону вели-
кому; крылатѣ тѣлѣ-
вы полунощы, рци ле-
беди роспищени. Игорьъ
къ Дону вои ведетѣ:
уже бо бѣды его па-
сетѣ птицѣ; подобію
вѣдци грозѣ вѣсрощатѣ,
по яругалиб; орли клек-
толиб на кости звѣри
зовѣтѣ к), лисицы бре-
шутѣ на трѣлєныхъ щип-
ты. О Руская земле!
уже за Шеломяномѣ л)
еси. Длѣго. Ночь мерк-
нетѣ, заря свѣтѣ за-
пала, мѣгала полз по-
крыла, щекотѣ злавій
цспе, говорѣ галить цбц-
ди. Русити великая по-
ля трѣлєными щипты
прегородиша, ищутѣ се-
бѣ тѣти, а Князю славы.

линь на вершинѣ дерева,
чтобѣ слышали голосѣ
его въ землѣ не знаемой,
по Волгѣ и по морю, по
Сулѣ, по Суражу въ Кор-
сунѣ и у тебя, Тмуша-
раканскій испуканѣ! По-
ловцы бѣгутѣ негото-
выми дорогами къ Дону
великому; скрыпашѣ во-
зы въ полуночи, какѣ ле-
беди скликаея. Игорьъ
къ Дону войска ведетѣ;
уже птицы бѣду ему
предрекаютѣ, волки по-
оврагамѣ вѣпьемѣ сво-
имѣ спрахѣ наводяшѣ;
орлы звѣрей на прупы
сзываютѣ, а лисицы ла-
ютѣ на багряные щипты.
О Рускіе люди! далеко
уже вы за Шеломенемѣ.
Ночь меркнетѣ, свѣшѣ
зари погасаетѣ, мглою
поля успиляютѣся, пѣснь
соловьиная умолкаетѣ,
говорѣ галокѣ начинаетѣ-
ся. Преградили Россіане
багряными щиптами ши-
рокія поля, ища себѣ че-
сти, а Князю славы.

л) Пшичій полетѣ издавна былѣ у многихъ народовъ предзна-
менованіемѣ щастія или нещастія въ предпріятіемѣ намѣ-
реніи; и Римляне гадали по пшицамѣ. Равномѣрно примѣча-
ли, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и тамѣ
неминуемой предполагали бытѣ гибели людской. Волчій
вой также предвѣщаль кровопролитную войну.

л) Руское село въ области Переяславской на границѣ къ Полов-
цамѣ лежащее близѣ рѣки Ольты. Татищ. Ч. III. стр. 120.

Съ зараніа въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы Половецкыя; и рассѣяшася стрѣлами по полю, помташа красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орыблами и японтицами, и кожухы наташа мосты мостити по болотоу и грязымымъ лѣстоу, и всякыми цзроты Половецкыми. Чрвленѣстягъ, бѣла хорюговъ, трвлена толка, сребрено стружѣе м) храброму Святославию. Дремлешъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кресту, ни тебѣ трѣбный воронъ, поганый Половтине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкоу; Контакъ н) ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велика рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; трѣбныя ту-

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и рассыпавшиоь какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатые ткани, и дорогіе бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебряное древко доспались опважному Святославичу. Дремлешъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидѣ терпѣть ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ себя, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сѣрымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

На другой день весьма рано, заря съ кровавымъ свѣтомъ появляе-

---

м) Воинскіе почешные доспѣхи.

н) Гзакъ и Контакъ, оба Половецкіе Князья, предводительствовавшіе тогда войскомъ своимъ противъ Князя Игоря.

ѣя съ моря идуть, хотятъ прикрыти дъ солнца; а съ нихъ трепещутъ синіи млбніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дона великаго: ту ся копїемъ приламати, ту ся саблями потрѣцати о шеломи Половецкыя, на рѣцѣ на Каалѣ, у Дона великаго. О Руская земля! уже не Шеломенемъ еси. Се вѣтри, Сприбожи о) внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тупнеть, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половцы идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русицы прегородиша грѣбными щипты. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщши на вои стрѣлами, гремлещи о

ся, находятъ съ моря пучи черныя, хотятъ закрыть чешыре солнца; сверкаетъ въ нихъ молнія, бытъ грому спрашному, лишься дождю стрѣлами съ Дона великаго. Туть-то копыми полоمائшся, путь-по саблямъ припущишся объ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каалѣ, у Дона великаго. О Рускіе люди! уже вы за Шеломемъ. Уже вѣтры, внуки Сприбога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; пономъ по землѣ раздается, вода въ рѣкахъ мутится, пыль сполбомъ въ полѣ подымается, знамена пущишъ, идуть Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ: войско Руское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили спанъ свой крикомъ, а храбрые Россіане багряными щиптами. О богатырь Всеволодъ! шы споя на спорожѣ, градомъ пускаешь стрѣлы на враговъ своихъ, а

о) Сприбозъ (Славенскій Эолъ) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ богошворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

шеломы мети харалу-
жными. Камо Турѣ
поскогыше, своимѣ зла-
тымѣ шеломомѣ по-
свѣтивая, тамо ле-
жатѣ поганыя головы
Половецкыя; поскепа-
ны саблями калеными
шеломы Оварьскыя отѣ
тебе Ирѣ Туре Всево-
лоде. Кая раны доро-
га, братіе, забывѣ тѣ
и живота, и града
Чрѣнигова, отня зла-
та стола, и своя ми-
лыя хоти красныя Глѣ-
бовны п) свѣтая и обы-
тая? Были вѣти Троя-
ни, минула лѣта Яро-
слава р); были плѣци
Олговы с), Ольга Святы-

булашными мечами гре-
мишь обѣ шлемы ихъ.
Гдѣ ты, богатырь, ни
появишься, блистая зо-
лошымъ своимъ шле-
момъ, тамъ лежатъ не-
чесивыя головы Поло-
вецкія, и разсѣчены бу-
лашными саблями Овар-
скіе шлемы ихъ отъ ше-
бя, храбрый Всеволодъ!
какими, братцы, ранами
подорожишь онъ, забывъ
почести и веселую
жизнь, городъ Черни-
говъ, опеческой золошой
престолъ, всѣ милыя
прихопи, обычаи и при-
вѣпливостъ прекрасной
своей супруги Глѣбовны!
Прошли съѣзды Трояно-

п) Супруга Всеволода Святославича, брата Игоря, дочь
Князя Глѣба Юрьевича Переяславскаго.

р) Тридцати-пяти-лѣтнее Государствование Ярослава I на-
долго оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его
превозносима была за одержанныя имъ многократныя по-
бѣды надъ братоубійцею Святполкомъ и надъ Тьмутараканскимъ
Княземъ Мстиславомъ, за отобраніе у Польскаго Короля Болеслава
принадлежавшихъ Россіи Червекскихъ городовъ и за покореніе
Лифляндіи и Эстляндіи. Не менѣ того и мудрость Ярославова
славилась въ по-
помощь: онъ построилъ порѣкъ Рси и за Днѣпромъ мно-
гіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками; набож-
ностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру,
родителемъ его насажденную, и старался распространить
учебность, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія
книги и нѣсколько оныхъ для народа по Руски сочинить.

с) Князь Олегъ Святославичъ, бывший съ 1065 по 1114 годъ
на Тьмушараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его

славля. Той бо Олегъ метель крамолюковаше, и стрѣлы по земли сбѣ-
ляше. Спѹпаетъ въ златъ стреленъ въ градъ Тму-
тороканъ. Тоже звонъ слыша давній великій Ярославъ т) сынъ Все-
воложъ: а Владиміръ у) по вся цтра цши за-
кладаше въ Черниговъ; Бориса же Вячеслави-
та ф) слава на судъ

вы, пропекли лѣша Яро-
славовы, миновались бра-
ни Олеговы, Олега Свя-
тославита. Сей-по Олегъ
мечемъ крамолу ковалъ
и стрѣлы по землѣ сбѣля.
Онъ спупалъ въ золотое
спремя въ городъ Тму-
торокани; звукъ побѣдъ
его слышалъ спѣрый ве-
ликій Ярославъ сынъ
Всеволодовъ: но Влади-
міръ запыкалъ себѣ уши

и склонность къ возмущеніямъ много навлекли зла на зе-
млю Рускую. Половцы всегда были орудіемъ замысловъ
его. Онъ многократно приглашалъ ихъ на раззореніе сво-
его опечества, и вмѣсто плащы за вспоможеніе, попу-
скалъ имъ опустошать и грабить повсюду. Въ 1096 году
Рускіе Князья рѣшились усмирить его, и соединенно вы-
ступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ; но
по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примире-
ній едва могли удержатъ алчность его, предписавъ ему
съ братьями своими довольствоваться владѣніемъ Черни-
гова, Сѣверы, Вятисей, Муромъ и Тмутаракани, которыя
состояли за опцемъ его.

т) Князь Ярославъ сынъ Князя Всеволода Ольговита, съ 1174
по 1200 годъ Княжесствомъ Черниговскимъ обладавшій.

у) Князь Владиміръ Всеволодовичъ, бывшій потомъ Великимъ
Княземъ Кіевскимъ и проименованіе Мономаха получив-
шій, въ 1094 году лихась Черниговскаго престола опъ
вышеупомянушаго Тмутараканскаго Князя Олега Святосла-
вита, принужденъ былъ ошастъ на удѣлъ въ Переславлѣ.

ф) Сей Борисъ по Ростовской и Никоновской лѣтописямъ Вя-
чеславитемъ, а у Нестора и Ташищева Святославитемъ
названъ, и въ поклѣнной I, росписи Г. Спришпера Исто-
ріи Россійскаго Государства въ 7 шепени показанъ Бори-
сомъ Вячеславитемъ. Но по чему опъ призыванъ былъ на
судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семъ умолчали.

приведе, и на канину зелену паполону пошла, за обиду Олегову храбра и млада Князя. Съ тойже Каялы Святполкъ х) повелѣя отца своего между Угорьскими иноходцы къ Святбѣи Софіи къ Киеву. Тогда при Олѣ Гориславити ц) сѣшется и растяшетъ усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа г) внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣщи теловкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко рапаевъ кикахуть, нѣ часто врани граххуть, прупіа себѣ дѣлае; а галици свою рѣчь говораххуть, хопятъ поле-

всякое утро въ Черниговѣ; Бориса же Вятеславита слава на судъ привела; онъ положенъ на конскую попону зеленую за обиду молодого храбраго Князя Олега. Съ той же Каялы вель Святполкъ войско отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Киевъ ко святой Софіи. Тогда при Олѣ Гориславитѣ сѣялись и возраспали междоусобія, была гибель Дажь-Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалась, и въ Руской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалось: но часто каркали вороны, дѣла между собою

Обрядъ же сѣздовъ для суда Татищевъ (Исторія своея въ Томѣ 2, на стран. 195 и 196) изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванъ былъ въ шашеръ, гдѣ всѣ Князья сидѣли на коврѣ, и по обыкновенію поздравленію сажали его на шакой же коверъ. Потомъ всѣ Князья вышли изъ шашра, сѣли на коней, и раздѣлись, каждой Князь особо разсуждалъ съ своими Болрами, а судимый оставался одинъ, по тому что никто его къ себѣ не допускалъ.

- х) Пяшь исчисляется Святполковъ; до котораго же изъ нихъ касаеться сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.
- ц) Незвѣстенъ.
- ч) Кумиръ, въ Киевѣ богошворимый, — подашель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Дажь-божевымъ, названы его внуками.

тѣти на цѣдіе. То было въ ты рати, и въ ты плѣкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до ветра, съ ветра до свѣта летятъ спрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломахъ; прещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли. Половецкыи. Чрѣна земля подѣ копыты, костью была посѣяна, а кровію поляна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шѣишь, что ми звенить даветя рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворотаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Тѣ ся брата разлучиста на брѣзѣ быстрой Каялы. Тѣ кроваваго вина недоста; тѣ пирѣ доконташа храбріи Русити: сваты погониша, а сами полегоша за землю Рускую ш). Ни-

сшрпы; галки же оплеша на мѣсто покормки, перекликались. Такъ бывало во время прежнихъ браней и отъ погдашнихъ войскъ; а шакого сраженія еще и не слышано, чшобъ съ ушра до вечера, съ вечера до свѣша летали спрѣлы каленыя, гремѣли сабли объ шлемы, прещали копья булашныя, въ полѣ незнаемомъ среди земли Половецкой. Черная земля подѣ копытами костью была посѣяна, а кровію полиша, и по всей Руской землѣ возрасла бѣда. Но что за шумъ, что за звукъ шакъ рано, до зари упренней? Игорь двинулся съ своими полками: жаль ему милого брата Всеволода. Билися день, билися другой, а на прешій передѣ полуднемъ пали знамена Игоревы. Тутъ брашья разлучилися на берегу быстрой Каялы. Недостало у нихъ вина кроваваго;

ш) Половцы возгордясъ побѣдою и взятіемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи прислали къ Великому Князю Святославу купцовъ Рускихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За Игоря положили они цѣну по тогдашнему вре-

титъ права жалоуцали, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрывала. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крыльми на синѣмъ морѣ у Дону плещути, убудди жирня времена. Усобица Князѣмъ на поганья погыбе, рекоста бо братѣмъ брату: се мое, а то мое же; и натяша Князи про малое, се великое млѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ вѣсѣмъ странѣмъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую. О! да леге зайдѣ соколѣ, птиць бѣа къ морю: а Игорева храбраго плѣкунѣ крѣсити ш). Закилѣмъ кликну Карна и

храбрые Руссы шамъ пирь свой кончили, свашовъ попоили, а сами полегли за землю Рускую. Увяла права опѣ жалоуспи, наклонились деревья опѣ печали. Не веселая уже, брашцы, пора пришла: пала въ пустынь сила многая, возспала обида Дажь-Божевымъ внукамъ. Она вшпупивъ дѣвою на землю Троянову, вѣсплескала крыльми лебедиными, на синѣмъ морѣ у Дону купаючись, разбудила времена тяжкія. Перешали Князья нападашъ на невѣрныхъ, брашъ брашу спалъ говоритъ: „се мое, и то мое же.“ Начали Князья за малое, какъ будто бы за великое, ссориться и сами на себѣ крамолу ковать. Тѣмъ временемъ нечестивые со вѣсѣхъ споронъ спекались на одолѣніе Руской земли. О!

мени несносную, а именно 2000 гривенъ (фуншовъ) серебра; и хотя Великій Князь Кіевскій, любя его, хотѣлъ выкупить, но Половцы инако на сѣ не соглашались, какъ пребуя, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Воеводы были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — Татиш; III стр. 266, 269.

ш) Ясное здѣсь знаменованіе глагола крешу доказываетъ что слово Воскресеніе точно опѣ того происходишъ.

Жля б), по скоги по Руской земли, смагу њ) мытюги въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркути : уже налѣ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію смыслити , ни думою сдумати , ни огима сблѣдати , а злата и сребра ни мало того потрепати. А вѣстона бо , братіе , Кіевѣ тугою , а Черниговѣ напастьми ; тоска разлилася по Руской земли ; петаль жирна тете средь земли Рускій ; а Князи сами на себе крамоу коваху ; а поганіи сами побѣдами нарицуще на Рускую землю , емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Ти бо два храбрая Святѣславита , Игорь и Всеволодѣ уже лжу цѣди , которую то бляше успилѣ отецѣ ихъ Святѣславъ грозный Великій Кіевскій. Грозою бляшетъ ; припрепеталѣ

далеко залетѣлъ ты соколъ , побивая птицъ у моря ; а Игоревъ храбраго войска уже не воскресити ! Воскликнули тогда Карня и Жля , и прискакавъ въ землю Рускую спали помить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали пупъ жены Рускія , приговаривая : „уже „намъ обѣ милыхъ своихъ ни мыслію взмыслиши , ни думою вздумаши , ни глазами ихъ увидѣшь , а золота и сребра не возвратитъ.“ Возспеналъ , брашцы , Кіевъ отъ печали , а Черниговъ отъ напасти ; разлилась тоска по всей Руской земле ; тяжкая печаль постигла Рускихъ людей. Князья между собой враждовали , а нечестивые рыская по землѣ Руской , брали дань по бѣлкѣ со двора. Сии то два храбрые Святославици , Игорь и Всеволодѣ , возобновили злобу , копорую прекрашилъ было

ъ) Карня и Жля предводили хищныхъ Половцевъ , безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Рускую.

ы) Смага Малороссійское названіе , жажда , и ошъ шого гогоришся : сожнешъ , смленетъ во рту.

своими сильными плѣкы
и харалужными мези;
наступи на землю
Половецкую; притоп-
та хлѣби и яруги;
взлѣпти рѣки и озеры;
иссуши потоки и боло-
та, а поганого Кобя-
ка ь) изъ луку б) мо-
ря отъ желѣзныхъ ве-
ликихъ плѣковъ Поло-
вецкихъ, яко вихрь вы-
торже: и падесея Ко-
блякъ въ градъ Кіевъ,
въ еридницѣ Святѣсла-
ви. Тѣ Нѣмци и Ве-
недици, тѣ Греци и
Морава поютъ славу
Святѣславлю, каютъ
Князя Игоря, иже по-
ерузи жиръ во днѣ Ка-
ялы рѣки Половецкія,
Рускаго злата насыпа-
ша. Тѣ Игорь Князь
высѣдѣ изъ сѣдла зла-
та, а въ сѣдло Кошче-
во э); чныша бо гра-
домъ забрали, а весе-

ощецъ ихъ, грозный Свя-
тославъ, Великій Князь
Кіевскій. Онъ былъ спра-
шенъ всѣмъ, опъ силь-
наго воинства и опъ бу-
лашныхъ мечей его всѣ
препетали, наступилъ
онъ на землю Половец-
кую, притопталъ холмы
и буераки, помушилъ во-
ду въ рѣкахъ и озерахъ,
изсушилъ источники и
болота, а нечеспиваго
Кобяка изъ луки морской,
изъ середины желѣзныхъ
великихъ полковъ Поло-
вецкихъ, подобно вихрю,
исторгнулъ; и очутился
Кобякъ въ городъ Кіевъ
во дворцѣ Святославо-
вомъ. Тамъ Нѣмцы и Ве-
неціане, шамъ Греки и
Моравцы воспѣвають
славу Святославову и о-
хуждаютъ Князя Игоря,
погрузившаго силу на
дно Каялы, рѣки Поло-
вецкія, и пошопившаго

ь) Коблякъ Князь Половецкій, котораго Великій Князь Святославъ III, въ 1184 году не подалеку отъ рѣки Орла побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячъ войска его.

б) Лука, кривизна, излучина.

э) О Кошчѣ упоминается въ Исторіи Тапищева Том. III, на стр. 159, что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, перебѣжалъ къ нимъ и предупредилъ ихъ о семъ наступленіи.

ліе поните. А Святѣ-
славъ ю) мѹтенѣ сонѣ
видѣ: въ Кіевѣ на го-
рахъ си нощъ сѣ ветра
одѣвахѣте мя, рече,
грьбною паполомою, на
кроватьи тисовѣ. Чръпа-
хуть ми синее вино
сѣ трудомъ смѣшено;
сыпахутьми тѣщи ми
тѣлы поганыхъ тѣлко-
винѣ великій жентюгъ
на лоно, и нѣгутѣ мя;
уже дѣскы безѣ кнѣса
вмоясѣ теремѣ злато-
творѣсѣмѣ. Всю нощъ
сѣ ветра босѣви врани
вѣзеряху, ѹ Пльснѣ-
скѣ я) на болони ѡ) бѣ-
ша дѣбрь Кисаню, и
не сошлю кѣ синемѹ
морю. И ркоша боя-
ре Князю: уже Кня-
же тѹга чѹмъ полони-
ла; се бо два сокола

въ ней Руское золото.
Тогда Игорь Князь изъ
своего золотого сѣдла
пересѣлъ въ сѣдло Каше-
ево. Уныли въ то время
городскія стѣны, помра-
чилось веселіе. Свято-
славу же худой сонъ при-
видѣлся: „на горахъ Кіев-
скихъ въ ночь сію съ ве-
чера одѣвали вы меня
(онъ Боярамъ рассказы-
валъ) чернымъ покровомъ
на песовой кровати;
подносили мнѣ синее ви-
но съ ядомъ смѣшанное;
сыпали изъ пустыхъ кол-
чановъ на лоно мое круп-
ный жемчугъ въ нечи-
стыхъ раковинахъ, и ме-
ня нѣжили. На златовер-
хомъ моемъ теремѣ буд-
тобъ всѣ доски безъ вер-
хней перекладыны; буд-
тобъ во всю ночь съ ее-

ю) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обла-
давшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Иго-
ремъ нещастія.

я) Городъ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ
на Волынѣ — Татищ. Частъ III, стр. 287 и 288.

ѡ) Болтицъ въ крипич. примѣч. на 2 Томъ Исторіи Князя
Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „болоны зна-
„чаютъ порожнее пространство между валомъ, окрестность
„города составляющихъ, которое служило для выгону ско-
„та, для огороновъ, а иногда и нѣкоторыя строенія бы-
„вали шамъ дѣланы.“ — Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ вы-
гонналъ за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигор-
скому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье.

Ч а с т ь VII.

2

свѣтѣста съ отня стола
 ла злѣпа, поискати
 града Тьмѣтороканя *у*),
 а любо испити шело-
 момъ Донѣ. Уже со-
 колома крыльца припѣ-
 шали поганыхъ сабля-
 ми, а самую опусто-
 ша въ пѣтины желѣз-
 ны. Телю бо бѣ въ гѣ
 день: два солнца по-
 мѣркоста, оба багря-
 ная стѣна погасоста,
 и съ нилѣ молодая мѣ-
 сяца, Олегъ и Святѣ-
 славъ тѣмою ся пово-
 локоста. На рѣцѣ на
 Калѣ тѣма свѣтѣ по-
 крыла: по Руской зе-
 мли протрашася По-
 ловцы, аки пардѣ же-
 енѣздо, и въ морѣ по-
 грузиста, и великое бѣи-
 стиво подастъ Хиновѣ.
 Уже смессѣ хѣла на
 хвалѣ; уже треснѣ нѣ-
 жда на волю; уже врѣ-
 жеса дивѣ на землю.

вчера до свѣта вороны
 каркали, усѣвшись у
 Плѣнска на выгонѣ въ
 дебри Кисановой, и не
 полетѣли къ морю сине-
 му.“ Бояре Князю ошѣвѣ-
 чали: „одолѣла печаль
 умы наши!“ сонъ сей зна-
 чилъ: что слетѣли два
 сокола съ золотого роди-
 тельскаго престола до-
 спивашъ города Тьмуша-
 ракани, или шлемомъ изъ
 Дона напиться воды, и
 что тѣмъ соколамъ об-
 рублены крылья саблями
 нечеспивыхъ, и сами
 они попались въ опуш-
 ны желѣзные.“ Темно
 стало на шрѣпій день:
 два солнца померкли,
 оба багряные столпа по-
 гасли, а съ ними и моло-
 дые мѣсяцы, Олегъ и Свя-
 тославъ, помрачилися.
 На рѣкѣ Калѣ свѣтѣ въ
 тѣму превратился; раз-
 сыпались Половцы по

у) Тьмушараканское Княженіе до тѣхъ только порѣ сосшо-
 ло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока едино-
 началіе имѣло еще нѣкоторую силу: но какъ скоро междо-
 усобіе и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ перво-
 престольному Кіевскому Князю превзошли мѣру, то По-
 ловцы, усилившись отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьму-
 шараканью. — Смотри Истор. Исслѣд. о Тьмушараканскомъ
 Княженіи, печат. въ С. Пешербургѣ 1794.

Сѣ бо Готскія а) красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синемѣ морю. Звоня Рускымъ золотомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ мѣсть Шароканю б). А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони золото слово слезами смѣшано, и рече: о моя сыновья Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мети цѣлѣти, а себѣ главы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Вую храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалѣзѣ скована, а въ бѣсти закалена. Се ли створисте моею сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Чер-

Руской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Рускую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиліе возстало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣсни Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звоня Рускимъ золотомъ, воспѣвають онѣ времена Бусовы, славящѣ мѣщеніе Шураканово. А намъ уже, братцы, нѣтъ веселія! Тогда Великій Князь Святславъ вымолвилъ золотое слово, со слезами смѣшанное: „о „кровные мои, Игорь и „Всеволодѣ! рано вы начали воевать землю „Половецкую, а себѣ славы „искать. Нечестно „ваше одолѣніе, не праведно пролиша вами

а) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить не возможно.

б) Кто былъ Бусъ, не извѣстно; а о Шураканѣ, въ Лѣтописяхъ подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего Князя названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донѣ городъ, съ котораго въ 1111 году Рускіе взяли окупъ. — Татищ. Часть II, отпр. 204.

ниговскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топтамы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ, зовяти въ прадедную славу. Нѣ рекосте мѹжа и мѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А ти диво ся братіе старцу помолодити? Коли соколъ въ мытсхъ биваетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княже ми не пособіе; на ниге ся години обратиша. Се Уримъ в) критатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами. Тѹга и тоска сыну Глѣбову г).

„кровь непріятельская. „Ваши храбрыя сердца „изъ крѣпкаго булаша „скованы и въ буйспивъ „закалены. Сего ли я „ожидалъ ошъ васъ при „сребристой сѣдинѣ мойей! Я уже не вижу вла- „спи сильного, богатаго „и многовойнаго брата „моего Ярославъ съ Чер- „ниговскими Боярами, „съ Могутами и съ Та- „транами, съ Шелбира- „ми и съ Топчаками, съ „Ревугами и съ Ольбера- „ми. Они безъ щитовъ „съ кинжалами, однимъ „крикомъ побѣждаютъ „войска, гремя славою „прадѣдовъ. Неговорящъ „они, мы де сами пред- „стоящую славу похи- „шимъ, а прошедшею съ „другими подѣлимся. Но „мудрено ли, братцы, и „старому помолодѣть? „Когда соколъ перелиня-

в) Одинъ изъ поеподъ, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ сраженіи участвовавшій.

г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣетъ подъ именемъ сына Глѣбова, рѣшительно сказать не лзя; ибо изъ современниковъ сему происшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: Владиміръ, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславль; Ростиславъ, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкъ; Романъ, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязань.

Великій Княже Все-
володе д)! не мыслію
ти прелетѣти издале-
га, отня злата стола
поблюсти? Ты бо мо-
жеши Волгу веслы рас-
кропити, а Донъ ше-
ломы выльяти. Аже
бы ты былъ, то была
бы Чага по ногатъ, а
Кощей е) по резанъ ж).
Ты бо можеши посуху
живыми шершширы з)
стрѣляти удалыми
сыны Глббовы. Ты
буй Рюриге и Давы-
де и), не вая ли зла-

„ещъ, тогда онъ пшицъ
„высоко загоняетъ и не
„даетъ въ обиду гнѣзда
„своего. Ношобѣда, что
„мнѣ Князья не въ посо-
„біе; время все переина-
„чило.“ Уже кричипъ
Уримъ подъ саблями По-
ловецкими, а Болоди-
миръ подъ ранами. Горе
и печаль сыну Глббову!
О Великій Князь Всево-
лодъ! почшо не помыс-
лишь ты прилетѣшь из-
далека для защиты опе-
ческаго голомага Пре-
сшолоа? Ты можешь Вол-

д) Сіе огиносился къ Великому Князю Всеволоду III, сыну
Князя Олега Святославича Тмушараканскаго.

е) О Кощей предъ симъ уже упомянуто; а Чага уповашель-
но тоже что и Контакъ Князь Половецкій (о коемъ ниже
упомянется) уменьшилельнымъ либо презришельнымъ
именемъ названный.

ж) Ногата ходячал монета, коихъ въ кунѣ было 4, а въ грив-
нѣ кунами 80. — Рязань также самая мѣлкая монета изъ
ходячихъ, и по соображенію кажется сосшололо ихъ въ ве-
кошѣ 4, а векошей въ ногатѣ 2. — Правда Руская стр. 18.

з) Неизвѣстный уже нынѣ воипскій снарядъ. Можетъ быть,
родъ пращи, кошорою каменя мѣтали, или какое либо
огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени
упоминается: „что въ 1185 году Контакъ Князь Поло-
„вецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы Рускіе,
„имѣя съ собою мужа умѣющаго спрѣлать огнемъ, у ко-
„его были самострѣльные пуги шакъ велики, что едва
„восемь человекъ могли напугивашъ, и укрѣпленъ былъ на
„возу великомъ, чѣмъ онъ могъ бросашъ и каменя въ сре-
„дину града въ подъемъ человекъ: а для мѣшанія огня
„имѣлъ особый малѣйшій возъ. — Татищ. Ч. III, стр. 259.

и) Современные сему произшествію Князя Рюрикъ и Да-
выдъ, сыновья Великаго Князя Ростислава Мстиславича.

теньми теломы по крови плаваши? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы пцури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, бѣго Святославица! Галицкы Осмомыслѣ Ярославѣ 1) высоко сѣдиши на своемѣ златокованномѣ столѣ. Подперѣ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивѣ Королеви пущь, затвори въ Дунаю ворота, мѣта времени трезѣ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямѣ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши сѣ отня злата стѣла Салтани за землями. Стрѣлай Господине Контака, поганого Кошца за землю Рускую, за раны Игоревы бѣго Святославица. А ты бѣи Романе и Мсти-

гу веслами разбрызгать, а Донъ шлемами вычерпать. Когда бы ты здѣсь былъ, побѣ были Чага по ногамѣ, а Кошцей по резани. Ты можешь на сухомѣ пущи живыми шереширами стрѣлять чрезъ удалыхъ сыновъ Глббовыхъ. О вы храбрые Рюрикѣ и Давидѣ! Не ваши ли позлащенные шлемы въ крови плавали? не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, подобно воламѣ изгненымѣ саблями булапными въ полѣ незнаемомѣ? Вступипіе, государи, въ свои злапыя спремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоря, храбраго Святославица. А ты Осмомыслѣ Ярославѣ Галицкій! высоко сидишь на своемѣ златокованномѣ престолѣ. Ты подперѣ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилъ пущь Королю, ты затворилъ Дунаю вороша, бросая пѣгоспи чрезъ облака, и проспирая власть свою до шой рѣки! Гроз-

---

1) Князь Ярославъ, сынъ Князя Владиміра Володарича Галическаго.

славе к)! храбрая
мысль носитъ васъ умъ
на дѣло. Высоко пла-
ваеши на дѣло въ бу-
ести, яко соколъ на въ-
трехъ ширяся, хотя
птицю въ бѣствѣ одо-
лѣти. Суть бо у васъ
желѣзные папорзи подѣ
шеломы Латинскими.
Тѣмъ пресну земля,
и многи страны Хи-
нова. Литва, Ятвя-
зи, Деремела, и По-
ловци сѣлицы своя
повербоша, а главы своя
поклониша подѣ тымъ
меты харалужныи.
Нѣ уже Княже Игорю,

ное имя твое разнеслось
по всѣмъ землямъ; оп-
верзти тебѣ путь къ
Кіеву, спрѣлнешь пы-
сь опеческаго золотого
престола на Солпановъ
въ земли дзльнѣи. Спрѣ-
ляй, о Государь! въ Кон-
така и въ невѣрнаго Ко-
щеля за землю Рускую, за
раны храбраго Игоря
Святославита. А вы, о
храбрые Романъ и Мсти-
славъ! ваша мысль швер-
дая возноситъ умъ на
подвиги. Вы отважно
возвышаетесь въ пред-
пріятіяхъ своихъ подоб-
но соколу, на въпрахъ

к) Великій Князь Романъ, сынъ Великаго Князя Ростислава Мстиславича. Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противъ Литвы, такой страхъ и опустошеніе распространилъ тамо, что никто не смѣлъ прошиво-
сташъ ему. Литовцы бѣгая отъ него, укрывались въ лѣ-
сахъ. По возвращеніи изъ похода своего, множество плѣн-
ныхъ роздалъ онъ по селамъ въ работы и приказалъ ими
пахать. Отъ сего произошла въ Литвѣ пословица: эге,
Романе! робишь, сто Литвиномъ оредишь. — Татищ. Часъ
III, еспан. 183.

Подъ именемъ же Мстислава здѣсь разумѣть дол-
жно Князя Мстислава Ростиславича, роднаго брата вы-
шепомянутому Князю Роману. Онъ равномерно явилъ
опыты храброспи своей противъ Великаго Князя Андрея
Юрьевича Боголюбскаго. Ибо осажденъ будучи въ Выше-
градѣ многочисленнымъ войскомъ и находясь въ крайней
опасности, такъ благоразумно и отважно принималъ свои
мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ кошоромъ нахо-
дилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилъ и прогналъ.

утрпѣ солнцю свѣтѣ, а древо не бологомѣ листвіе срони: по Руси, по Сули гради подблѣша; а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти Княже кличѣ, и зоветъ Князи на побѣду. Ольговити л) храбрыи Князи доспѣли на брань. Ингварь и Всеволодѣ, и вси три Мстиславити м), не худа гнѣзда шестокрилицы, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кос ваши златыи шелома и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы бѣго Святѣславита. Уже бо Сула не тѣтѣ сребренными спрулами къ граду Переяславлю, и Двина бологомѣ тѣтѣ онымѣ грознымѣ Полотаномѣ подѣ кликомѣ поганыхѣ. Едино

ширящемуся и къ одолѣнію пѣпицы быстро спремьящемуся. У васѣ лапы желѣзныя подѣ шлемами Лапинскими. Попрясасѣ опѣ нихѣ земля, и многія спраны Ханскія. Литва, Япвяги, Деремела и Половцы повергнувѣ свои копья, подклонили свои головы подѣ шѣ мечи булатные. Но для Князя Игоря помрачился уже свѣтѣ солнечный; не опѣ добра опали сѣ деревѣ листья. По Руси и по Сулѣ города въ раздѣлѣ пошли; а Игореву храброму полку не воскреснути! О Князь! Донѣ тебя кличѣ и Князей на побѣду созываетѣ. Храбрые Князи Ольговити набранѣ поспѣшили. Ингварь и Всеволодѣ, и всѣ трое Мстиславити, не худаго гнѣзда шестокрилицы, не побѣдами жребій власти вы себѣ доспавили? Кѣ чему же вамѣ золотые шлемы, копья и

л) Князь, опѣ Князя Олега Святѣславита покодѣніе свое ведущіе.

м) Попомки Великаго Князя Мстислава Володиміровича, Мономахова сына, у Мстислава было пять сыновей.

же *Изяславъ* и) сынъ *Васильковъ* позвони своими острыми мечами о шоломы *Литовскія*; притрепа славѣ дѣду своему *Всеславу*, а самъ подѣ трѣбленными щитами на кровавѣ травѣ притрепанъ *Литовскими* мечами. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружинѣ твою, Княже, птиць крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь тѣ братъ *Брягяслава*, ни другаго *Всеволода*; единъ же изрони жемчужну дѣшу изъ храбра тѣла, тресѣ злато ожереліе. Унылыя голоса, поните веселіе. Трубы трубятъ *Городеньскіи*. *Ярославе*, и вси внуце *Всеслави* о) уже понизить стязи свои, вонзить свои мсти верезени; уже бо выскотисте изъ дѣд-

щиты *Польскіе*! Заградите въ полѣ ворота спрѣлами своими острыми, вступитесь за землю Рускую, за раны храбраго *Игоря Святославита*. Уже Сула не печетъ серебрястыми спруями къ городу *Переяславлю*; Двина уже болошомъ печетъ къ пѣмъ грознымъ *Половчанамъ* при восклицаніи нечесливыхъ. Одинъ полюко *Изяславъ* сынъ *Васильковъ* позвенѣлъ своими оспрыми мечами по шлемамъ *Литовскимъ*; помрачилъ славу дѣда своего *Всеслава*, и самъ подѣ багряними щипами на окровавленной правѣ погибъ отъ мечей *Литовскихъ*. На семь-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: „дружинѣ твою, Князь, птицы приодѣли крыльями, а звѣри кровь полизали.“ Не было тушь братьевъ

н) О бѣдствѣнной участи Князя *Изяслава* лѣтописатели Рускіе умолчали.

б) Много было внуковъ *Всеславовыхъ*: *Росвольдъ* сынъ Князя *Бориса Всеславича*, имѣвшій удѣлъ въ *Полоцкѣ*. *Володаръ* и *Ростиславъ*, сыновья *Глѣба Всеславича*: первый также удѣломъ въ *Полоцкѣ* пользовался, а другой въ *Минскѣ*. *Брягиславъ* сынъ Князя *Мспислава Всеславича*, и *Всеславъ* сынъ Князя *Давыда Всеславича*.

ней слава. Вы бо своими крамолами нагасте наводити поганых на землю Рускую, на жизнь Всеславу. Которое бо было насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмолибъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій о двѣцию себѣ любу. Тѣи ключами подпрѣся о кони, и скоти къ граду Кіеву, и допгеся стрѣжѣмъ злата стола Кіевского. Скоти отъ нихъ лютыми звѣремъ въ плѣноги, изъ Бѣла-града, оббисся синѣ мѣлѣ, чѣрѣ же возни стрѣкысы п) отвори врага Новуграду, разшибе славу Ярославу, скоти вѣкомъ до Немеги съ Дудѣтокѣ. На Немеизъ р) снопы степлютъ головали, молодяты тѣи хараужными, на тоцѣ животѣ кладутъ, въ

ни Брягислава, ни Всеволода; онъ одинъ испустилъ жемчужную свою душу чрезъ золотое ожерелье изъ храбраго плѣла. Уныли голоса; поникло веселіе. Затрубили трубы Городенскія. О Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! теперь приклоните вы свои знамена, вложите въ ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы отъ славы дѣда вашего. Вы своими крамолами начали наводити невѣрныхъ на землю Рускую, на жизнь Всеславу. Было ль какое насиліе отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ Всеславъ жребій о милой ему двѣциѣ. Онъ подпершись ключами сѣлъ на коней, поскакалъ къ граду Кіеву и коснулся древкомъ копья своего до золотого преспола Кіевского; попомъ побѣждалъ онъ лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣла-горо-

п) По смыслу рѣчи стрѣкысы не иное что какъ спѣнобитное орудіе, или родъ пираны, при осадѣ городскихъ вороши употребляемого.

р) Немега, что нынѣ Немець, между Минска и Полоцка. — Гатиш. II Частъ, 119 стр.

ютѣ душу отѣ тѣла. Не мизѣ кровави
 брезѣ не бологомѣ
 бяхуть посяни, по-
 сяни костями Рус-
 кихъ сыновѣ. Всес-
 лавѣ Князь людемѣ
 судяше, Княземѣ
 грады рдяше, а
 самѣ въ нощѣ вѣкомѣ
 рыскаше; изѣ Кыева
 дорискаше до Курѣ
 Тьмуторокана; вели-
 кому хрѣсови вѣкомѣ
 путь прерыскаше с). То-
 му въ Полотскѣ
 позвониша заутрен-
 нюю рано ѹ Святыя
 Софеи въ колоколы: а
 онѣ въ Кыевѣ звонѣ
 слыша. Аще и вѣща
 душа въ друзѣ тѣ-
 лѣ, нѣ тасто бѣды
 страдале. Тому вѣ-
 щей Болянѣ и прѣвое
 припѣву смысленый
 рече: ни хытру; ни
 горазду, ни птицю
 горазду, суда Божіа
 не минути т). О!
 стонати Руской зем-
 ли, полянувше прѣ-
 вѣю годину, и прѣвихѣ

да, закрывшись мглою
 синею; по упру же вон-
 зивъ стрикусы, отво-
 рилъ онѣ ворота Новго-
 родскія, попралъ славу
 Ярослава, и съ Дудутокѣ
 пустился какѣ волкѣ до
 Немиги. На Немерѣ вмѣ-
 стосноповѣстелюшѣ го-
 ловы, молопяшѣ цѣпами
 булапными, на шокѣ
 жизнь кладушѣ, и вѣюшѣ
 душу отѣ тѣла. Окрова-
 вленные Немигскіе бере-
 га не былемѣ были засѣ-
 яны, засѣяны костями Ру-
 скихъ сыновѣ. Князь Все-
 славѣ людей судилѣ, Кня-
 зямѣ города раздавалѣ,
 а самѣ по ночамѣ какѣ
 волкѣ рыскалѣ изѣ Кіева
 до Курска и до Тьмуто-
 ракани. Для него въ По-
 лоцкѣ рано позвонили въ
 колокола къ заупрени ѹ
 святой Софіи: а онѣ въ
 Кіевѣ звонѣ слышалѣ. Хо-
 тя и мудрая была душа въ
 неутомимомѣ его тѣлѣ,
 но онѣ часно отѣ бѣдѣ
 спрадалѣ. Для такихѣ
 то мудрый Болянѣ издавна
 соспавилѣ сей разумный

с) Невразумительно.

ш) Вѣроятно, что сей припѣвъ подлинникомѣ внесенъ сюда
 изъ Болновыхъ пѣсней.

Князей. Того стараго
Владимира не льзѣ
бѣ пригвоздити къ
горамъ Кіевскимъ: се-
го бо нынѣ ста-
стязи Рюриковы, а
друзіи Давидовы; нѣ
розинося или бѣ хобо-
ны пашутъ, коня
поютъ на Дунаѣ.

Ярославнынѣ гласѣ
слышитъ; зсгзицею
незнаемъ, рано кытеть:
полетю, рече, зсгзи-
цею по Дунаеву;
омотю бѣбрынь ру-
кавъ въ Каяль рѣцѣ,
цпирц Князю крова-
выя сего раны на же-
стоцѣхъ его тѣлѣ.
Ярославна ц) рано
платитъ въ Путивль
на забралъ, аркути:
о вѣпрѣ! вѣприло! те-
лю Господине насиль-
но вѣеши? Чеслю мы-
тши Хиновскыя
стрѣлки на своѣю не-
трудную крѣпцю на.

припѣвъ: „какъ бы кшо
„хитръ, какъ бы кшо у-
„мень ни былъ, хопъ бы
„пшицей лепалъ, но суда
„Божія не минетъ.“ О!
спонать тебѣ, земля Ру-
ская, вспоминая прежнія
времена и прежнихъ Кня-
зей своихъ. Стараго Вла-
димира не льзя было при-
ковать къ горамъ Кіев-
скимъ. Теперь знамена
его достались одни Рю-
рику, а другія Давиду;
ихънося на рогахъ,
вспахивая землю; коня
же на Дунаѣ славятся.

Ярославнынѣ голосъ
слышится; она, какъ о-
спавленная горлица, по-
упрамъ воркуешь: „по-
„лечу я, говоритъ, гор-
„лицею по Дунаю, обмо-
„чу бобровой рукавъ въ
„рѣкѣ Каяль, обопру Кня-
„зю кровавыя раны на
„твердомъ его тѣлѣ.“
Ярославна по упру пла-
четъ въ Путивль на го-
родской спѣнѣ пригова-
ривая: „о вѣперѣ! вѣп-
„рило! къ чему ты такъ
„сильно вѣеши? къ чему
„навѣеваешь легкими сво-
„ими крылами Хинов-
„скія стрѣлы на милыхъ

у) Супруга Князя Игоря Святославита, дочь Князя Яросла-
ва Владиміровича Галичскаго.

моя ладъ вои? Мало ли ты бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, хлѣбюти корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылю развѣ? Ярославна рано платеть Путивлю городу на заборолѣ, аркути: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую. Ты хлѣбалъ еси на себѣ Святослави носы до плѣку Кобыкова: вѣзлелъ еси Господине мою ладъ къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано платетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркути: свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему Господине простре горящую свою лугу на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жажду имъ луги сбпряже, тугую имъ туги запте.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣлами; Игоре-

„мнѣ воиновъ? или мало, шебѣ горѣ подѣ облаками? Развѣвай ты, шамо, хлѣба корабли на синемъ морѣ! Но за что, развѣялъ ты, какъ пра-ву ковыль, мое веселіе?“ Ярославна по утру плачетъ, и сидя на городской стѣнѣ въ Путивлѣ приговариваетъ: „о славный Днѣпръ! ты пробилъ горы каменныя, сквозъ землю Половецкую; ты носилъ на себѣ Святославовы военныя суда до спяну Кобыкова: принеси же и, ко мнѣ моего милаго, чпобъ не посылашь мнѣ, къ нему слезъ своихъ по, ушрамъ на море.“ Ярославна плачетъ по утру въ Путивлѣ, и сидя на городской стѣнѣ приговариваетъ: „освѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и красно: но къ чему ты такъ, уперло знойные лучи, свои на милыхъ мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ, безводномъ, муча ихъ жаждою, засушило ихъ, луки, и къ горесни колчаны ихъ закрѣпило?“

Взволновалось море въ полунощи; мгла столбомъ подымается; Кня-

ви Князю Богѣ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля либритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Кононь въ полуночи. Овлурѣ ф) свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну ступкнѣ земля; вбшлѣ права. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь 'поскоги горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гололемъ х) на воду; зю Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой въ землю Рускую, къ золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; Игорь лежишь, Игорь не спитъ, Игорь мысленно измѣряешъ поля отъ великаго Дона до малаго Донца. Къ полуночи пригошовленъ конь. Овлурѣ свиснулъ за рѣкою, чпобъ Князь догадался. Князю Игорю шамо не быть. Заспонала земля, зашумѣла права; двинулись заспавы Половецкія, а Игорь Князь горноспаемъ побѣжалъ къ проспнику, и бѣлымъ гоголемъ пустился по водѣ. Онъ помчался на

ф) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онъ названъ *Лаверь*, чиновникъ Половецкій; его мать была Руская. Когда *Лаверь* сдѣлалъ предложеніе Князю *Игорю* способствовать ему въ побѣгѣ, то онъ сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удословленъ отъ конюшаго своего и отъ пыслцаго въ честности и распорочности его, согласился уйти съ нимъ. Ишакъ въ назначенный день *Игорь* напоивъ до пьяна приспавленную къ нему спражу, когда есѣ погружены были въ крѣпкомъ снѣ, прошелъ шихо чрезъ Половецкія заспавы, и переплывъ чрезъ рѣку, ускакалъ на пригошовленномъ ему отъ *Лавера* конѣ. *Татицъ*. Ч. III, стр. 270.

х) Красивая ушка съ хохломъ, пишающаяся раковинами, за кошорыми она опмѣнно предъ прочими ныряетъ.

вбѣрѣжеса на брѣзѣ ко-
монѣ, и скоти съ него
босыи вѣлкомѣ, и по-
тете къ луцѣ Донца,
и полетѣ соколомѣ
подѣ мѣглами изби-
вая гуси и лебеди,
завтроку, и обѣду и
ужинѣ. Коли Игорь
соколомѣ полетѣ, то-
гда Влчурѣ вѣлкомѣ
потете, трѣся собою
студенцю росу; пре-
трѣгоста бо своя брѣ-
зая колоня. Донецѣ
рете: Княже Игорю!
не мало ти величїя,
а Контакѣ нелюбїя, а
Руской земли веселїя.
Игорь рете, о Донте!
не мало ти величїя,
мелѣвшу Князя на
вѣлнахѣ, сплавшѣ ели
зелѣну траву на сво-
ихѣ сребреныхѣ бре-
зѣхѣ, одѣвавшѣ его
теплыми мѣглами
подѣ сѣнію зеленѣ дре-
ву; стрѣжаше е гого-
лемѣ на водѣ, тайца-
ми на стрѣгахѣ, Чръ-
нядыми на ветрѣхѣ.
Не тако ли, рете, рѣ-
ка Стугна хѣду стрѣю
илиѣ, пожрѣши тѣжи
ручїи, и стрѣги ро-
стре на кустѣ? Уно-
шѣ Князю Ростисла-
ву затвори Днѣпрѣ

борзомѣ конѣ, и скочивѣ
съ него босымѣ волкомѣ
побѣжалѣ къ лугу Донец-
кому; летѣлѣ соколомѣ
подѣ облаками, побивая
гусей и лебедей къ зав-
траку, къ обѣду и къ у-
жину. Когда Игорь соко-
ломѣ полетѣлѣ, тогда
Овлчурѣ (Лаверѣ) волкомѣ
побѣжалѣ, отряса съ се-
бя росу холодную; ибо у-
томили они своихѣ бор-
зыхѣ коней. „О! Князь,
„Игорь!“ вѣщаешѣ ему
рѣка Донецѣ, „не мало
„для шебїя славы, для
„Контакѣ досады, а для
„Руской земли веселїя.“
Игорь вѣ опивѣпѣ къ рѣ-
кѣ сказалѣ: „о Донецѣ!
„не мала и для шебїя сла-
„ва, нося Князя по вол-
„намѣ своимѣ, поспилаи
„ему зеленую траву на
„своихѣ сребристыхѣ
„берегахѣ, одѣвая его
„теплыми мѣглами подѣ
„тѣнью дерева зеленого,
„и охраняя его какѣ го-
„голи на водѣ, какѣ чай-
„ку наспирѣхѣ, какѣ Чер-
„нядей на вѣтрахѣ. Не
„шакова, примолвилѣ
„онѣ, рѣка Стугна! Она
„пагубнымѣ спруямѣ по-
„жираешѣ чужїе ручїи,
„и разбиваешѣ спруги у
„кустовѣ.“ Юному Кня-

темиѣ березѣ. Плачется мати Ростиславѣ ц) по цюши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жало-бою, и древо стцгоу кѣ земли прѣклонило, а не сорокы вѣроско-таша. На слѣдѣ Иго-рєвѣ бѣдитѣ Гзакѣ сѣ Контакоуѣ. Тогда врани не граахуѣ, га-лицы помѣкоша, со-рокы не вѣроскоташа, полозию ползоша толь-ко, дятлове тектоуѣ пѣть кѣ рѣцѣ кажуѣ, соловиѣ веселыми пѣсь-ми свѣтѣ повѣдаюѣ. Мѣвитѣ Гзакѣ Кон-такови: аже соколѣ кѣ гнѣзду лепитѣ, соколи-та рѣстрѣлевѣ свои-ми златными стрѣ-лами. Рече Контакѣ ко Гзѣ: аже соколѣ кѣ гнѣзду летитѣ, а вѣ соколца опутаєвѣ красною дивцею г).

зю Ростиславу зашѣо-рилѣ Днѣпрѣ берега те-мныи. Плачется матѣ Ростиславова по юномѣ Князѣ Ростиславѣ. Уви-ли цвѣты отѣ жалоспи, преклонились кѣ землѣ деревья отѣ печали. Не сороки спрекочуѣ, вѣ-дишѣ по слѣдамѣ Игорє-вымѣ Гзакѣ и Контакѣ. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не спрекопали, но двига-лись только по сучьямѣ; дятлы долбѣ, кѣ рѣкѣ пѣть показывали; соло-выи веселымѣ пѣнїемѣ свѣшѣ повѣдали. Мол-вилѣ Гзакѣ Контакѣ: „когда соколѣ кѣ гнѣзду „лешишѣ, то мы раз-„спрѣлиемѣ соколенка „позолочеными своими „спрѣлами.“ Контакѣ Гзакѣ отвѣшѣпвовавѣ: „еслии соколѣ кѣ гнѣзду „полетѣлѣ, то мы опута-„емѣ соколика красною

ц) Юный Князь Ростиславъ сынъ Великаго Князя Всеволода I, и Великія Княгини Анны, дочери Половецкаго Князя ушопулѣ на рѣкѣ Стуѣнѣ 1093 года, когда шамѣ разбишѣ были Россїйскїя войска отѣ Половцевѣ.

г) Сїи слова Половецкихъ Князей касались до Игорєва сына Князя Владимїра, которой оставался еще у нихъ въ по-лону. Онѣ влюбился шамѣ въ дочь Князя Крїтака, и ко-гда Половцы освободили его, то онѣ привезши ее въ Рос-сїю, крестилѣ и съ дѣтятею и назвавѣ Свободою, обѣп-чался съ нею. Татищ. Книга III, стр. 283.

*И рече Гзакъ къ Кон-
такови: аще его опута-
евъ красною дѣвицею,
ни нама будетъ со-
кольца, ни нама кра-
сны дѣвице, то пот-
нутъ наю птицы би-
ти въ полѣ Половец-
комѣ.*

*Рекъ Боянъ и хо-
ды на Святѣславля
пѣстворца стараго вре-
мени Ярославля Оль-
гова Коганя хоти: и
тяжко ти головы, кро-
мѣ плетю; зло ти тѣ-
лу, кромѣ головы: Ру-
ской земли безъ Иго-
ря. Солнце свѣтитъ
на небесѣ, Игорьъ
Князь въ Руской зем-
ли. Дѣвицы поютъ
на Дунаѣ. Вьются
голоси трезѣ море до
Кіева. Игорьъ ѣдетъ
по Боричеву ш) къ*

*„дѣвицею.“ Въ отвѣтъ
на сіе Гзакъ сказалъ Кон-
таку: „когда его опуша-
„емъ красною дѣвицею,
„по не будетъ у насъ ни
„соколика, ни красной
„дѣвицы, и спануть
„насъ битъ птицы въ
„полѣ Половецкомѣ.*

*Сказалъ сіе Боянъ, и
о походахъ, воспѣваемыхъ
имъ въ прежніе времена
Князей Святослава, Яро-
слава и Олега, симъ кон-
чилъ: „пѣжело быти го-
„ловѣ безъ плечъ; худо и
„тѣлу безъ головы: и
„Руской землѣ безъ Иго-
„ря.“ Свѣшпшъ солнце
на небѣ: Игорьъ Князь
уже въ Руской землѣ.
Поютъ дѣвицы на Ду-
наѣ; раздаются голоса
ихъ чрезъ море до
Кіева. Игорьъ ѣдетъ
по Боричеву къ Пре-*

ш) Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ находящееся, по свидѣ-
тельству Нестора. Было оно на горѣ къ Подолу па-
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь *Андрея
Первозваннаго*, или близъ оной. Тутъ *Владиміромъ* поста-
вленъ былъ на холмѣ идолъ Перуны. Прежде красивое сіе
мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ
и Кіевомъ помѣщало множество народа для торжествен-
ныхъ жертвоприношеній спекавагося. На сей площади
былъ теремный дворецъ Великокняжескій. Подъ самую
гору *Дибръ* прежде имѣлъ свое сеченіе; но по времени
сполько запесло оной пескомъ, что построено шуть цѣ-
лое предмѣстіе, *Подоломъ* нынѣ называемое. — Смощи
Татищ. Кн. II, стр. 36.

Ч а с т ь VII.

3

Святѣй Богородици святой Богородицѣ
 Пирогощей. Радость въ
 Спраны ради, еради народѣ, веселье въ горо-
 весели, пѣше пѣснь дахъ. Воспѣта пѣснь
 старымъ Княземъ, а Князьямъ старымъ, а по-
 потомъ молодымъ. шомъ молодымъ. Пѣша
 Пѣти слава Игорю слава Игорю Святосла-
 Святпѣславита. Бѣи ту- виту, богатырю Всеволо-
 ру Всеволодѣ, Влади- ду и Владимиру Игоре-
 мѣ Игоревиту. Здра- виту. Да здравствуютъ
 ви Князи и дружина, Князи и ихъ дружина,
 побарая за христѣя побарая за христѣянъ
 ны на поганыхъ плѣки. на воинство невѣрныхъ!
 Княземъ слава, а дру- Слава Князьямъ и дру-
 жинѣ Аминь. жинѣ!

К О Н Е Ц Ъ.

щ) Образъ Владимірской Богородицы, который нынѣ въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ возлѣ царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ въ кіюпѣ. Его въ древности Богородицею Пирогоущею называли по тому, что изъ Царя-града привезенъ былъ въ Кіевъ гостемъ прозывавшимся Пирогоущею. Великій Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій въ 1160 году взялъ сію Свящую икону отъ отца своего Великаго Князя Юрѣя Владиміровича и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на Клязмѣ городъ Владимірь: въ Москву же она принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ ужѣ именуется Владимірскою. Татищ. Томъ III, спран. 97 и 127, и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ПРИМѢЧАНІЯ

НА ДРЕВНЕЕ

О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ СОЧИНЕНІЕ,

въ Москвѣ съ преложеніемъ онаго на употребительное нынѣ нарѣчіе въ 1800 году изданное.

Слово о полку Игоревѣ есть драгоценный и по сіе время единственныи остатокъ древнихъ на языкѣ нашемъ сочиненій. Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ - Пушкинъ заслуживаетъ великую благодарность за опысканіе и изданіе онаго въ свѣтъ. Сожалѣтельно, что онъ и другихъ хранящихся у него древнихъ рукописаній, о коихъ въ историческомъ содержаніи сего слова или пѣсни упоминается, также не предалъ писменію. Начало процвѣтанія словесныхъ наукъ въ Россіи покрыто мракомъ, частію опъ насильства времени, посядающаго всѣ прекрасныя ума и рукъ человѣческихъ творенія, частію же можетъ быть и опъ общей нѣкоей нерадивости къ сохраненію изъ рода въ родъ достопамятныхъ вещей (*). Однако,

---

(*) Неудивительно, что древнія Славенороссійскія сочиненія до насъ не доспигли, когда опъ двухъ знаменитѣйшихъ

не взирая на сіе, безошибочно заключить можно, что языкъ нашъ процвѣпалъ издревлѣ, то есть за долго до того времени, когда по принятіи Христіанской вѣры начали переводить священныя съ Греческаго языка книги. Сіе можемъ мы ясно видѣть во первыхъ изъ красоты и силы сихъ самыхъ переводовъ; ибо если бы языкъ нашъ не былъ уже обиленъ и богатъ, то и въ переводахъ объяснялся на ономъ съ шатковою силою краснорѣчія и высокою мыслей было бы не возможно. Во вторыхъ изъ старинныхъ Рускихъ пѣсень, пословицъ, и сказокъ, въ которыхъ часто видны бывающъ слѣды умопаренія и спихотворческаго духа. Въ прѣпыхъ изъ сего о полку Игоревомъ слова, котораго сочинитель, хотя и самъ обиленъ мыслями, звученъ словами, силенъ выраженіями, однакожъ съ особливимъ благоговѣніемъ, уничижая себя аки малаго писателя предъ великимъ, упоминаетъ о нѣкоемъ древнемъ пѣвцѣ или спихотворцѣ Боянѣ, называя его *соловьемъ древнихъ временъ и Велесовымъ внукомъ*. Толь высокое мнѣніе и почтительное изре-

---

лъ прошедшемъ вѣкѣ писателей нашихъ, Теофана и Каллемира, едва имѣемъ мы половину того, что они написали. Остальная часть сочиненій ихъ отъ незначительнаго оныхъ собранія и хранения невооратно погибла.

ченіе о Боянѣ показываетъ, что Славенскій пѣвецъ сей можешь бышь гремѣль нѣкогда таковою же славою, какъ и Греческій Гомеръ. Гдѣ въ странѣ поешь одинъ соловей, шамъ безъ сомнѣнія есть и другіе: когда въ Славенскомъ народѣ былъ Боянъ, то конечно были и другіе подобные ему, но сочиненія ихъ до насъ не достигли, и потому память ихъ погибла. Сіе сохранившееся о полку Игоревомъ слово или пѣснь есть весьма вѣрный тому свидѣтель. Не взирая на то, что слогъ онаго уже во многихъ мѣстахъ почти непроницаемымъ покрывъ для насъ мракомъ, сіяетъ однакожъ великими красотою. Хотя вмѣстѣ съ подлинникомъ, для лучшаго разумѣнія, припечатано предположеніе древнихъ Славенскихъ рѣченій на употребительное нынѣ нарѣчіе; но свѣряя предположеніе сіе съ подлинникомъ, нахожу я, что оное не можешь удовольствовать читателя, любопытствующаго возникнуть во всю красоту слога и разобравъ каждую мысль сего столько древняго творенія: ибо во первыхъ, многія старинныя слова и выраженія, нынѣ мало или совсѣмъ неупотребительныя, съ перемѣною ихъ на нынѣшнее нарѣчіе теряють силу свою и знаменованіе; во вторыхъ, темныя мѣста въ подлинникѣ остаются темными и въ предположеніи. Итакъ, мы кажешся,

не столько преложение сей пѣсни полезно, сколько основанное на вѣроятныхъ догадкахъ исполкованіе сомнишельныхъ или шемныхъ мѣспъ ея, пакожъ и разсмошрѣніе многихъ заключающихся въ ней прекрасныхъ мыслей, словъ и выражений.

Примѣчанія мои конечно не такъ полны и доспащочны, чѣшобъ всякое сомнѣніе у читапателя опниашъ и совершенно любопытству его удовлетворишъ могли; однакожъ я ласкаюсь надеждою, чѣш ешъли не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ опшкроюшъ онѣ ясность, и покажушъ силу и краснорѣчіе шѣхъ временъ, о которыхъ не шокмо иностранцы, въ Славенскомъ языкѣ нашемъ несвѣдушіе, но даже многіе изъ насъ самихъ, по причинѣ малаго оспашка свѣтскихъ писаній, не вникая въ духовныя, думаюшъ, чѣш даръ слова и высота мыслей были шогда вся неизвѣстны. Миѣніе сіе весьма несправедливо: кто въ красоту и богапство кореннаго языка нашего прилѣжниѣ вникнешъ, шощъ яснѣе сіе увидишъ, и шруды мои не пропадушъ.

Но оставимъ предвареніе и приступимъ къ дѣлу. Слово или пѣснь сія начинается шакъ:

Не лѣполи ны башетѣ, братіе, натяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлку

Игоревѣ, Игоря Святѣславита. Въ преложеніи сказано: пріятно намѣ, братцы, натаѣ древнимѣ слогомѣ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова. Здѣсь мысль заключающаяся въ подлинникѣ кажепся весьма различествуетъ отъ мысли заключающейся въ преложеніи. Слово не лѣло ли ни мало не означаетъ понятія о пріятности, и подѣ словомъ трудность отнюдѣ не разумѣется прискорбіе. Отъ сего происходишь, что рѣчь: пріятно намѣ, братцы, натаѣ древнимѣ слогомѣ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, содержишь въ себѣ нѣкошорую невѣроятность чувствованій: ибо какъ можетъ быть пріятна прискорбность повѣствовать о разбитіи предковѣ нашихъ? Ишакъ еспьли мы подѣ словами: не лѣло ли ны башетѣ, разумѣшь будемъ: прилично, пристойно намѣ будетѣ; а подѣ словами трудныхъ повѣстій сокращенное выраженіе повѣствованія о многотрудныхъ подвигахъ, тогда мысль выдетѣ слѣдующая: не непристойно намѣ будетѣ, братіе, натаѣ повѣствование наше о походѣ Игоря, тѣмѣ слогомѣ, какимѣ въ древнія времена описывались многотрудные подвиги. Нижеслѣдующее попомѣ удобно уже связывается съ сею мыслию: натаѣи же ся той пѣсни по былинамѣ сего времени, а не по замышленію Бояню. Въ преложеніи сказано: натаѣ же сію пѣснь

по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Но въ подлинникѣ стойшь слово сего, а не того. Ишакъ выраженіе по былинамъ сего времени, не значитъ какъ въ прежнія времена было или дѣлалось, но какъ въ нынѣшнія времена бываетъ, или какъ нынѣшнимъ временамъ прилично. Можетъ быть сочинитель разумѣеть подъ сими словами, что ему, яко живущему во времена Христіанства, не всѣ шѣ вымыслы употреблять пристойно, какіе употреблялъ Боянъ, живучи во времена идолопоклонства. Здѣсь естественный порядокъ повѣствованія требуетъ уже сказать, какимъ образомъ пѣсни свои начиналъ Боянъ, и для того сочинитель давъ первую воображенію своему свободу, возвышается мыслию и говоритъ: Боянъ бо вѣщій, аще кому, хотяше лѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ (*) орломъ подъ облаки. — Примѣнимъ во первыхъ богатство сей мысли: когда Боянъ воспѣвъ кого хощѣлъ, растекался мыслию по деревьямъ, по лѣсамъ, носился воображеніемъ по землѣ, какъ рыщущій за снѣдію сѣрый волкъ; парилъ подъ облаками, какъ сизый

(*) Здѣсь не наблюдаю уже я древняго правописанія, какъ-то шизый, вѣкъ и проч., ибо довольно для любопытства видѣть его въ подлинникѣ.

орель : вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ, чѣмъ бы наполнишь умъ свой и обогатишь воображеніе, дабы попомъ, взявъ лиру, возгласишь на ней пѣснь громкую. Какой великолѣпный приступъ ! Подобнымъ образомъ Геснеръ начинаешь поему свою, называемую *Авелева смерть* (*). Во вѣсѣхъ примѣшнѣ

(*) Stehe du mir bey, Muse, oder edle begeisterung, die du des dichters Seel' erfülltest, wenn er in stiller einsamkeit staunt, bey nächtlichen stunden, wenn der mond über ihm leuchtet, oder im dunkel des hayns, oder bey der einsam beschatteten quelle. Wenn dann die heilige entzückung seiner Seele sich bemächtigt, dann schwingt sich die Einbildungskraft erhitzt empor, und fliegt mit kühnern schwingen durch die geistige und die sichtbare natur hin, bis ins fernere reich des möglichen; sie spüret das überraschende wunderbare auf, und das verborgenste Schöne. Mit reichen schätzen kehret sie dann zurück, und bauet und flicht ihr mannigfaltiges, ganzes, indess dafs die haushalterische vernunft gebietrisch aufsicht hält, und wählt und verwirft und harmonische Verhältnisse sucht. (Gessner. der tod Abels).

то есть :

Присутствуй со мною, ты муза, или духъ любомудрствованія, наполняющій душу спихопворца, когда онъ въ тихомъ уединеніи, ночью, при лунномъ сіяніи, или въ темномъ роуцѣ, или близъ источника подъ тѣнію сѣдлщій во удивленіи пребываетъ. И когда священный восторгъ души его овладѣетъ, тогда воспаленная сила воображенія выпры лепишь и смѣлымъ полешомъ воскрилеешь сквозь мечтаемую во умѣ и очезримую природу, даже до самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ возможности. Тамо ищешь она поразительнѣйшихъ чудесъ и сокровеннѣйшихъ красотъ. Обогащенная попомъ безчисленными сокровищами возвращается вспять, и созидаетъ и устроляетъ изъ многообразныхъ частей единое цѣлое, подъ надзираніемъ осторожнаго разума, который, яко верховный учредитель, иное избираетъ, иное отшмещетъ и наблюдаетъ, да царствуетъ вездѣ благоспрройность и сладкогласіе.

силу и знаменованіе слѣдующихъ выраженій:
 1 е, *растекался мыслію по деревьямъ, по землѣ, подъ облаками.* Какъ знаменашеленъ здѣсь глаголь *растекался!* Не видимъ ли мы выходящую изъ головы Бояна рѣку мыслей растекающуюся по всему пространству міра? 2 е, *Боянъ бо вѣщій.* Чѣмъ замѣнимъ мы нынѣ часпицу бо, и прилагательное *вѣщій?* можешь ли выраженіе: *ибо мудрый Боянъ*, равняйся силою и красотою съ выраженіемъ: *Боянъ бо вѣщій?* союзъ *ибо*, дѣлаешь слогъ повѣствовательнымъ, простымъ; напрошивъ того часпица бо, дѣлаешь оный стихотворческимъ, высокопарнымъ. Слово *мудрый* можешь приличествовать всякому разумному человѣку, или искусному художнику, хотя бы пворимыя имъ дѣла ошнудъ не состояли въ *вѣщаніи*; напрошивъ того *вѣщій* не иначе можешь приличествовать, какъ человѣку *свѣдущему въ вѣщаніяхъ*, то есть, имѣющему превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ: ипакъ подъ словами *мудрый Боянъ*, я еще не знаю, кпо былъ сей Боянъ; но подъ словами *вѣщій Боянъ*, я пошчасъ понимаю, что онъ былъ искусный *вѣщатель*, стихотворецъ, писатель.

Помняшетъ бо реть первыхъ временъ усобицъ; тогда пущаетъ ꙗ соколовъ на стадо лебедей, и проч. Въ преложеніи сказано:

памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ, и проч. Кажешся мысль подлинника не можешь симъ образомъ быть истолкована; ибо во первыхъ, естли бы здѣсь разумѣлось одно стихотворческое уподобленіе сраженій съ соколиною ловлею пщицъ, то къ чему бы опредѣляшь число десять соколовъ? въ уподобленіяхъ не нужно оное. Во вторыхъ, какимъ образомъ уподобленіе сіе согласишь съ послѣдующею рѣчью: *тей соколъ скорѣ долеталъ, тому прежде и пѣснь нагиалася, иногда храброму Мстиславу, иногда красному Роману Святъ-славиту?* Ежели дѣло состояло только въ уподобленіи, то почему было узнать, чей соколъ скорѣ долеталъ до стада? Въ прѣпыхъ, въ подлинникѣ сказано: *тогда пускашетъ* — глаголь *пускать* означаетъ самое дѣйствіе, то есть подлинное пусканіе соколовъ, а не то, что они въ сочиненіяхъ своихъ уподобляли или примѣняли оное къ сраженію. Ипакъ надлежишь паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному увеселенію, но шакожъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдашь преимущество. Можешь быть опличившіеся въ сраженіяхъ военачальники

или князья состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле, каждый съ соколомъ своимъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ шѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долешишь, тому прежде и приносишь общее поздравленіе въ одержаніи преимущества надъ прочими. Весьма вѣрояшно также, что для вѣщающей важности таковыхъ почестей и опличій, число состязавшихся опредѣлено было не болѣе десяти самыхъ знаменитѣйшихъ мужей. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, сочинитель, упомянувъ о семъ древнемъ обрядѣ, говоритъ: Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пускаше, но своя вѣщія персты на живыхъ струны вкладаше; они же сами княземъ славу рокоптаху. Какая приличная и величавая похвала Бояну! красому и сладкогласіе глагола рокоптаху ни какимъ другимъ глаголомъ замѣнить здѣсь не можно.

Потемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и пооспри сердца своего мужествомъ, наполнился ратнаго духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Рускую. Все сіе само по себѣ довольно вразумительно. Примѣшимъ токмо, какою искусною кистію при первомъ вступленіи сочинитель изображаетъ Игоря, и какое приличное воена-

чальнику даетъ ему свойство: умъ свой во-
 стѣгаетъ онъ крѣпостію, и поощряемый
 сердца своего мужествомъ, ратнаго напол-
 няется духа. Въ рѣчи: наведе своя храбрыя
 полки на землю Половецкую за землю Ру-
 скую, примѣшишь должно, какую силу имѣ-
 ютъ глаголь наведе и частицы на и за. Вы-
 раженіе: навести полки на землю, больше
 значить, чѣмъ выраженіе: вступить съ пол-
 ками въ землю, поелику въ первомъ ясно
 представляется понятіе о предводитель-
 ствѣ, а во второмъ оное шокмо подразумѣ-
 вается. Частица за такъ употреблена
 здѣсь, что никакой нѣтъ нужды присово-
 куплять слова: для отмщенія; ибо оныя
 уменьшаютъ краткость рѣчи, не прибавя
 оной ни силы ни ясности. Далѣе: корень
 глагола *лѣтъ* неизвѣстенъ мнѣ (*); такожь

(*) Думаю должно, что глаголь *лѣтъ* происходитъ отъ
 тогожь самаго корня.

Сообщивъ сіи примѣчанія мои въ Россійскую Академію
 просилъ я господъ почтеннѣйшихъ членовъ оныхъ: будѣ-
 жно нѣкоторыя попадающихся въ семъ древнемъ сочи-
 неніи неизвѣстныхъ мнѣ словъ отъищеть корень и зна-
 менованіе, що пожаловалъ бы меня о томъ увѣдомилъ.
 Въ слѣдствіе сей просьбы моей господинъ Дѣйствитель-
 ный Слѣдствій Совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій
 прислалъ ко мнѣ слѣдующія замѣчанія свои, которыя я
 съ удовольствіемъ и благодарностію здѣсь прилагаю. Онъ
 между прочими благосклонными для меня выраженіями
 пишетъ ко мнѣ: „осмѣливаюсь сообщить нѣкоторыя при-
 мѣчанія до словъ единственно касающіяся. не на срамъ.

и то, почему кони назывались комони. Простота рѣчи: *всядемъ братіе, на свои борзые комони, да позримъ синяго Дону*, весьма мнѣ нравишься. Игорь не величается своимъ походомъ, не хвастаетъ заранѣе, не побиваетъ всѣхъ непріятелей на голову, но говоритъ съ приличною испинному герою скромностію и спокойствіемъ: *да позримъ синяго Дону*. Сіи слова: *слала Князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго, весьма шемны*. Можетъ быть основанное на догадкѣ преложеніе оныхъ и справедливо, но разобрать и истолковать ихъ трудно.

„ю находится слово *поскепаны* отъ глагола *скепать*, который не то же ли значить, что *щепать*? ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нынѣ вмѣсто *щепать* *лугину* говорятъ *скепать* *лугину*, и вмѣсто *разщепъ* у пера *разщепъ*. „ае, на стр. 19 находится слово *цвѣлити*. Есть слово „въ простомъ народѣ употребляемое *квелить* и значить „сердить, раздражать. Я слыжалъ, что въ деревняхъ вмѣсто *сердить* *ребенка* говорятъ *квелить* *ребенка*. Могущъ ли знаменіи сіи послужить къ объясненію мѣстъ, „гдѣ встрѣчаются слова *поскепаны* и *цвѣлити*, никакъ „лучше судить не можешь какъ и проч. Позвольте присовокупить еще догадку о словѣ *потяту* (стр. 4). Въ „Новгородскомъ лѣтописцѣ есть слѣдующее мѣсто: *Глѣбъ „же выклъ топоръ разтл и (волхвъ) паде мертвъ*. Почему „я думаю, что *потять* значить „посѣчь, а *разтять* раз- „сѣчь, и подобно глаголу *мьтъ* былъ можешь быть гла- „голъ *тмьтъ*, но вышелъ изъ употребленія; а *тмьтъ* бу- „детъ глаголъ учащійся отъ *тмьтъ*. Чесъ имѣю „быть и проч.

Слѣдующая Игорева къ воинамъ рѣчь твердостію и простотою своею весьма прекрасна: *хощу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломамъ Дону.* Сіе послѣднее выраженіе, *а любо испити шеломамъ Дону*, основано на естественной истинѣ и заключаешъ въ себѣ богатую мысль: воинамъ Игоревымъ иначе невозможно достигнуть до Дону, какъ побѣдивъ непріятелей. Побѣда требуетъ труда, трудъ производитъ жажду: ошюду вижу я ихъ утомленныхъ послѣ тяжкой брани, спѣшащихъ съ засохшими горшанями къ рѣкѣ Дону, черпающихъ изъ ней шлемами воду и утоляющихъ ею жажду свою.

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа полки ущекоталъ и проч. — Сирѣчь: естли бы ты воиновъ сихъ воспѣлъ, прославилъ. Глаголъ *щекотать* кажется въ старину значилъ *лѣтъ* или *говорить* много, и особливо приличествовалъ соловью, какъ и ниже сего найдемъ мы выраженіе: *щекотѣ славій успе.* Впрочемъ сіе знаменованіе его и по нынѣ въ нѣкошорыхъ рѣчахъ осшалось, какъ напримѣръ, мы о сорокѣ говоримъ: *сорока щекотетѣ*, то есть кричишь, или о болшливой женщинѣ: *какая щекотунья.*

Не буря соколы занесе трезв поля широкая; галицы стады бѣжатъ къ Дону великому. — Уподобленіе сіе имѣетъ въ себѣ нѣчто странное: смѣшно бы было въ похвалу воиновъ своихъ сказать: не соколовъ сюда занесло, галки слетаются! Но сочинитель не сравниваетъ здѣсь свойствъ сихъ двухъ родовъ птицъ, а дѣлаетъ токмо подобіе между многочисліемъ шѣхъ и другихъ, такъ какъ бы сказалъ: число воиновъ не подобно было малому числу занесенныхъ издалече бурю соколовъ, но уподоблялось великому стаду галокъ; ибо сіи послѣднія птицы дѣйствительно летаютъ всегда вмѣстѣ и часто составляютъ превеликое стадо.

Чили воспѣти было (по есть: тебѣ было воспѣть ихъ) вѣщей Бояне, Велесовъ вну-те! — Примѣтимъ съ какимъ вездѣ особливимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ упоминается о Боянѣ. Коликаго сожалѣнія достойно, что до насъ не токмо шворенія сего по видимому великаго пѣснопѣвца, но даже имя его едва достигло! впрочемъ хотя сочинитель сей пѣсни сомнѣвается въ силахъ своихъ, и съ пристойною о себѣ скромностію говоритъ, что Бояну надлежало бы воспѣть оную; однакожь по высокимъ его вымысламъ и стихотворческимъ украшеніямъ, самъ онъ заслуживаетъ имя превосходнаго писателя. Внижемъ въ искусное рас-

положеніе и красоту сей лѣсни. Съ какимъ огнемъ и краснорѣчіемъ сочинитель изображаетъ Игоря, приготовляющагося къ походу, и ожидающаго брата своего Всеволода! Вся Россія кажется бытъ въ движеніи: *комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.* Сіе столько многошумное и важное ожиданіе Всеволода обращаетъ на него все мое вниманіе, и когда по свиданіи его съ братомъ, сочинитель, влагая въ уста его первыя къ Игорю слова, говоритъ: *и рече ему Буйтуръ Всеволодъ*, то колико восхищаетъ меня сіе единое слово *Буйтуръ*! Въ самомъ дѣлѣ разберемъ силу онаго: *буй* значить дикій, необузданный, ярый; *туръ* значить воля. Сіи два понятія соединенныя въ одномъ словѣ, составленномъ изъ двухъ краткихъ слоговъ, не представляютъ ли намъ Всеволода исполиномъ, имѣющимъ необычайный ростъ, широкія плѣчи, полстыя руки, огнистые глаза, мужественный духъ? Еслибы на мѣсто выраженія: *и рече ему буйтуръ Всеволодъ*, поставили: *и рекъ ему герой Всеволодъ*; то колико бы въ семъ въпрямъ выраженіи сила перваго уменьшилась: слово *герой* предъ словомъ *буйтуръ* кажется мнѣ такъ слабо здѣсь, какъ слово *юноша* предъ словомъ *мужъ*.

Ч а с т ь VII.

4

Рѣчь Всеволода къ брату своему Игорю въ началѣ своемъ показываешь въ немъ мужа брашлюбиваго, готоваго раздѣлять съ нимъ лруды его, и почищающаго союзъ родства священнымъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есѣ Святъславия (то есть: оба мы Святославовы дѣти); сѣдай брате, свои борзые кони, а мои ти готови, осѣданы у Курьска на переди. — Попомъ продолженіе рѣчи, преисполненное силою слога и красотою мыслей, достойныхъ Гомерова или Тассова пера, являетъ, какимъ изъ дѣтства приобученнымъ къ войнѣ и храбрымъ народомъ управляешь буйшуръ Всеволодъ, и какой помощи долженъ опъ него ожидать братъ его Игорь: а мои ти Куряне свѣдоми къ мети, подъ трубами ловити, подъ шеломами возлелѣяны, конецъ копія воскормлены, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжены, тули отворени, сабли изострени, сами скатутъ аки сѣрыи волци въ полъ, ищутъ себѣ тти, а Князю славы. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ поэмъ нигдѣ не находилъ я шоль высокихъ и сильныхъ о воинскомъ воспитаніи выражений, наковы суть сіи: подъ трубами ловити, подъ шеломами возлелѣяны, концемъ копія воскормлены!

По сіе время сочинитель ничего не упустилъ, чѣмъ только могъ вниманіе мое

обратитъ и сдѣлать ополченіе сіе въ глазахъ моихъ важнымъ и сильнымъ: онъ представилъ мнѣ движеніе спекающихся со всѣхъ споронъ войскъ, показалъ между двумя братьями неразрывный союзъ и дружбу, изобразилъ Всеволода мужеспвеннымъ и подданныхъ его искусными въ войнѣ и храбрыми, вложилъ въ уста верховнаго начальника, Игоря, сіи къ воинамъ рѣшимость и швердоссть его показующія слова: *братіе, и дружино! луце жѣ бы потяпу быти, неже лонену быти.* То есть: лучше помремъ, нежели въ пѣнѣ опдадимся. По всѣмъ симъ обстоятельствомъ не видимъ ли мы воинства сего многочисленнымъ, неразрывнымъ, искуснымъ, храбрымъ, идущимъ съ шѣмъ, чѣмъ побѣдимъ или умереть? Какой выборъ мыслей! какой умъ въ расположеніи повѣспованія! Наконецъ по собраніи такимъ образомъ и приуготовленіи войскъ сочинитель продолжаетъ: *тогда вступилъ Игорь Князь въ златѣ стремянь, и лѣха по тистому полю.* Поелику же таковому воинству мало перенести обыкновенные шруды, преодолевъ слабыя препяспствія и опасности, того ради сочинитель вооружаетъ на него всю природу: солнечное зашмѣніе, ночь, буря, непріятели, звѣри, пшицы, все возспаетъ на него и угрожаетъ ему погибелію. Жаль, что сіе прекрасное описаніе не вездѣ

*

вразумительно. Выпишемъ оное и скажемъ какъ о ясныхъ, такъ и о темныхъ мѣстахъ.

Солнце ему тьмою путь заступаше (то есть: помрачась мѣшало ему идти); *нощь спонуци ему грозою лтитъ убуди* (то есть: птицы опъ спона, опъ шума бури пробуждались); *свистъ звѣринъ въ спазби*. (Въ предложеніи сказано: ревущъ звѣри спадами. Кажется такъ; но впрочемъ не извѣстно мнѣ, почто ли спазба значить спадо); *Дневъ клитѣверху древа, велитѣ послушати земли незнаемъ, Волзѣ, и поморію и по Сулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьматороканьскій болванъ*. (Вся сія рѣчь въ подлинникѣ весьма шемна, а потому и въ предложеніи шже; ибо что значить: *филинъ крититъ на вершинѣ древа, ттобъ слышали голосъ его въ землѣ незнакомой, и прот...?* Слова сіи не могутъ быть взяпы въ насполящемъ ихъ разумѣ; надлежитъ, чтобъ подъ оными скрывалось какое нибудь иносказаніе. Какоежъ бы? посмотримъ: спанемъ искашь въ нихъ приличной, удобосвяззующейся съ повѣспованіемъ мысли. Сочинишель, желая показашъ неупомимоспъ войскъ Игоревыхъ, всякіе труды превосходящую, исчисляешъ здѣсь вспрѣчающіяся имъ препятствія или неблагопріятство случаевъ. Слѣдовашельно и сіе упоминаемое имъ обспоятельство долженствуешъ принадлежашъ къ числу сихъ

препятствій. Ипакъ ежели дивѣ точно значить филина, то птица сія, сѣдящая верху древа, и при томъ кликущая, повелѣвающая разнымъ странамъ себя послушати, безъ сомнѣнія изображаетъ нѣчто подразумеваемое подъ нею, какъ на примѣръ попеченіе, бодрствованіе правительсва или верховной власпи, прорицаніе, провозглашеніе, славу или что нибудь сему подобное (*); а посему вышесказанныя слова должны заключать въ себѣ слѣдующую, или сей подобную мысль: правительство или верховная власть, пекущаяся о безопасности народной, видя приближеніе непріятеля, возвѣщала, или слава разглашала, разносилась по всѣмъ вышеобъявленнымъ странамъ, даже до Тьмутараканской земли, клита или сзывая обитающіе въ нихъ народы, дабы они стеклися, соединились съ Половцами къ отраженію идущихъ на нихъ войскъ Игоревыхъ. По крайней мѣрѣ мысль

(*) Ниже сего мѣста болре Святославовы (см. въ подлинникѣ страницу 18), описуя разгромленіе Руской земли опрѣ Половцевъ, говорятъ: *уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вѣржеся дивѣ на землю*. Первое изъ сихъ трехъ выраженій значить: *тестъ помратилися безгестіемъ*; второе: *воля премѣнилась въ неволю*; но что значить третье выраженіе? не должно ли оно таковое же изображать бѣдствіе, какъ на примѣръ: распорядокъ или попеченіе верховной власпи о безопасности народной нашествіемъ непріятельскимъ ниспроверглось, разрушилось, пало, прорицаніе бѣдѣ свершилось, или что нибудь сему подобное?

мысль сія весьма здѣсь прилична и пошому вѣрояшна).

А Половци не готовами дорогами побѣгоша къ Дону великому (не гошовыми значить здѣсь неисправленными для похода, неприготовленными, необыкновенными, крапчайшими, дабы скорѣе въспрѣишься съ непріятелемъ); крылатѣ телеги полунощи, рци лебеди распущены. (Рци значить здѣсь речешъ, скажешъ, подумаешъ, что это лебеди. Подъ словомъ же распущены можно разумѣть двоякое: во первыхъ растянуты, во вторыхъ выпущены на волю. Какъ по, такъ и другое подобіе весьма здѣсь естественное и прилично; ибо лебеди лешають всегда расшянувшись гусемъ или спроемъ. Равнымъ образомъ когда выпущены бывають изъ заперши на свободу, то обыкновенно распуская крылья бѣгуть или лешають съ крикомъ). Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его ласетъ птицъ; подобію волци грозу въ сроятъ по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на тервленныя щиты! (изъ сихъ рѣчей первая: уже бо бѣды его ласетъ птицъ, предложена: уже птицы бѣду ему предрѣкаютъ. Сіе предложеніе не объясняетъ мысли, заключающейсѣ въ подлинникъ: глаголь ласетъ часто въ старинныхъ книгахъ значить литаютъ. Ишакъ рѣчь сія, какъ по силѣ сего

глагола, шакъ и по разуму повѣствованія, долженствуетъ значить: *уже птицы питаютъ себя бѣдами войскъ Игоревыхъ*, то есть готовящаяся пожиратъ плѣла ихъ, когда они будутъ побиты. Последняя изъ сихъ рѣчей: *орли клектомъ на кости звѣри зовутъ*, пужь самую мысль подтверждаетъ. Средняя же между сими рѣчами: *подобію волци грозу въсржатъ по яругамъ*, долженствуетъ значить: равнымъ образомъ и волки, собравшіеся во оврагахъ, плѣмъ же самымъ угрожаютъ имъ; а не *вытьемъ своимъ страхъ имъ наводятъ*, какъ сказано въ предложении; ибо въ томъ и состоишь важность описанія или изображенія, что все на нихъ подымлется, и ни что ихъ не устрашаетъ. Впрочемъ, не взирая на темноту нѣкошорыхъ словъ, какой огонь краснорѣчія блистаетъ здѣсь: Игорь идетъ съ войсками, буря надъ главами ихъ реветъ, ночь и мракъ препинаютъ имъ путь, враны готовящаяся трупы ихъ перзатъ, волки на пожраніе ихъ разбѣгаютъ пастъ свою, орлы соглашаясь съ звѣрями кости ихъ расхищаютъ хопящъ, и лисицы, дыша злобою, лаютъ на червлекные ихъ щипы! Меньше ли здѣсь Славенскій Оссіянъ Шотландскаго?)

О Руская земле! уже за Шеломанемъ еси. Долго. (Здѣсь долго значить давно или далеко. Подобный прерывъ въ слогъ придаетъ

оному много силы. Простое описаніе или повѣствованіе требуетъ порядочной и гладкой связи словъ; но стихотворческое изображеніе любитъ иногда нѣкошорый безпорядокъ, восторгъ, живость, препинаніе. Ежели бы сказано было: *о Руская земле! уже долго за Шеломянемъ еси*, тогда бы слогъ потерялъ много возвышенія своего, сообщаемого ему сею остановкою, симъ прерывомъ мыслей, какой мы въ сихъ словахъ чувствуемъ: *о Руская земле! уже за шеломянемъ еси. Долго. Ночь меркнетъ*, и пр. Сверхъ того примѣнимъ силу сего выраженія: сочинитель не говоритъ: *о Руское войско!* но говоритъ: *о Руская земля!* такъ какъ бы вся Руская земля двигнувшись съ мѣста своего перешла за Шеломянь).

Здѣсь сочинитель, дабы дѣйствию сему придашь болѣе ужаса, мечшаетъ себѣ, что войско Игоревое, въ ночномъ мракѣ, въ тишинѣ природы, съ сердцемъ дышущимъ честью и славою, приближается къ непріятелю: *ночь меркнетъ, заря свѣтъ зачала, мгла поля покрыла, щекотъ славій усле, говорѣ галитъ убуди. Русити великая поля тервлеными щиты прегородиша, ищутъ себѣ тщи, а Князю славы.* (Сверхъ заключающейсѣ въ сихъ словахъ красоты мыслей, примѣнимъ сіи необыкновенныя, но весьма пристойныя прилагательныя имена, данныя соловью и

галкамъ: *щекотъ славій услѣ, говорѣ галичѣ
убуди*; ибо какъ соловью, имѣющему много-
измѣняющійся голосъ, прилично слово *ще-
котъ*, такъ и галкамъ, которыхъ единооб-
разный крикъ дѣйствительно похожъ на
нѣкоторой родъ взаимнаго перекликанія или
разговоровъ, свойственнаго слову *говорѣ*. Впро-
чемъ послѣднее изъ сихъ выраженій: *говорѣ
галичѣ убуди*, въ предложении весьма неспра-
ведливо исполковано: *говорѣ галокъ натинаят-
ся*; ибо сочинитель хочеть изобразить
здѣсь наступающую пишину ночи, и умол-
каніе всего, слѣдовательно въ помѣ числѣ
и галокъ. Знаменованіе глагола *убуди* должно
здѣсь производить отъ глагола *убывать*,
убѣди; а не отъ глагола *будить*, *убуди*; и
потому слово сіе значить: *уменьшаться*,
оконтеваться, престаивать, а не *натинаться*).

Здѣсь первое сраженіе и первую надъ
Половцами побѣду сочинитель описываетъ
кратко: *сѣ заранія въ лѣтокъ потопташа
поганья полки Половецкія, и разсушась стрѣ-
лами по полю потташа красныя дѣвки Поло-
вецкія, а сѣ ними злато, и лаволоки, и дра-
гія оксомиты; орътлами и ялонтцами, и
кожухи наташа мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ и всякими узоротби
Половецкими*. (Все сіе описаніе само по себѣ
довольно ясно; примѣнимъ токмо нѣкоторыя
слова: глаголь *разсушась* хотя по смы-

слу рѣчи и долженствуетъ кажешия значить здѣсь *разсылавшись* или *разсунувшись*, однакожь корень онаго не извѣстенъ мнѣ. Такожъ и о словѣ *орытма*, исполкованномъ *охабнею*, пошому только догадываться можно, что оное есть нѣкошорой родъ одѣянія, поелику вмѣстѣ стоятъ съ словами *ялонтцы*, *кожухи*. Впрочемъ изреченіе, что Рускіе взятою у Половцевъ добычею начали мосты мостить по грязнымъ мѣстамъ и болошамъ, показываетъ безкорыстное свойство ихъ, или по крайней мѣрѣ то, что они славу побѣды предпочипами смяжанію сокровищъ (*).

Червленъ стягъ, бѣла хорюговъ, тервелена толка, серебряно стружіе, храброму Святславлю. (Примѣнимъ здѣсь два обстоятельство: первое что сочинителя сей пѣсни, можно уподобить смѣлому живописцу, одни токмо главные и первоначальные образы въ картинѣ своей искусно начертававшему, въ прочемъ же мало пекущемуся о живомъ и

(*) Сіе свойство народа Россійскаго изъ многихъ описаній явствуетъ. Когда Святославъ подступилъ подъ спящихъ Царя-града, и Греки послали къ нему пословъ со многими златомъ и драгоценностями, тогда онъ едва дары сіи воззрѣніемъ удоспоивъ, сказалъ отрокамъ своимъ: *приберите*. Но когда вшорично пошомъ Греки, искавшіе чѣмъ бы ему угодишь, послали къ нему разныхъ воинскія орудія, тогда Святославъ посланныхъ съ дарами сими пословъ принять съ такою ласкою, какъ бы самъ Греческій Царь къ нему прѣхалъ. (Смощри въ Несторовомъ лѣтописцѣ стран. 62).

ясномъ изображеніи другихъ маловажныхъ къ нимъ принадлежностей. Такъ равно и сочинитель сей пѣсни, вообще въ расположеніи оной, спарается однѣ шокмо главныя и первопочерпнушыя мысли свои изображать, прелешая, или паче прескакивая отъ одного описанія къ другому безъ всякаго соединенія оныхъ шѣми предувѣдомленіями, копорыя хопя и нужны для удобнѣйшаго понятія и соображенія всего повѣствусмаго дѣйствія, однакожъ ничего не прибавляють къ силѣ и красотѣ изобрѣшенія. Такимъ образомъ здѣсь, по крапномъ описаніи перваго съ Половцами сраженія и взятой у нихъ добычи, хопя ничего не говоритъ онъ о раздѣлѣ оной въ полкахъ Игоревыхъ, однакожъ сими словами: *тервленѣ стягѣ, бѣла хорюговѣ, тервлена толка, сребряно стружіе, храброму Святславлигю*, довольно показываетъ, что раздѣлъ сей былъ между войсками, и что вышепомянутыя вещи достались Игорю. Потомъ топчасъ послѣ сказанныхъ какъ бы мимоходомъ словъ сихъ о раздѣлѣ добычи, обращается къ иному воображенію: *дремлетѣ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо* и пр. Подобныя прерывы повѣствованія часто въ сей пѣсни примѣчаются, однакожъ связь мыслей и главное изображеніе ни мало чрезъ то не разрушаются. Второе обстоятельство естъ слѣдующее: сочинитель упоминая

о богатыхъ нарядахъ, шаковыхъ какъ злато, паволоки, драгіе оксамиты, орышмы, япончицы и кожухи, сказываетъ, что воины Игоревы мостили ими мосты для перехода по грязнымъ и болопнымъ мѣстамъ; упоминаетъ же о воинскихъ орудіяхъ, шаковыхъ какъ стяги, хоругви, чолки, спружіе, говоритъ, что при раздѣлѣ добычи достались оныя первоначальствующему Князю Игорю. Сего единого сказанія не довольно ли уже для полученія великаго понятія о храбрости и славолубіи Россіянь? Какое воинское свойство, какой духъ, какую доблесть долженъ имѣть тотъ народъ, который взятое у непріятеля златое одѣяніе бросаетъ въ грязь, между тѣмъ какъ испоргнутое изъ рукъ его простое копье, аки нѣкую драгоценную вещь хранилъ и подноситъ въ даръ верховному начальнику своему? Не со всею ли справедливостію о шаковомъ народѣ сказать можно, что онъ *подъ трубами повитъ, подъ шеломами возлелѣянъ, концемъ копья вскормленъ*?

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло. (Глаголь *дремлетъ* думать должно значить здѣсь покоиться, пребываетъ безопасно, послѣ побѣды надъ непріятелемъ). *Небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кретету, ни тебѣ терный воронъ, поганый Половѣтине.* (Слово *небылонъ* кажешся

есть сокращеніе словъ: не было оно). Гзакъ бѣжитъ сърымъ волкомъ; Контакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому. (Настоящій смыслъ сихъ словъ есть слѣдующій: Гзакъ спѣшилъ за Кончакомъ, бѣгущимъ къ Дону великому. Но не извѣстно куда они бѣгутъ: опъ мѣспали сраженія назадъ къ Дону, будучи побѣждены; или изъ земли Половецкой въ передъ къ Дону, поспѣшая съ главными войсками на помощь къ преждепосланнымъ и на встрѣчу Игорю? Послѣднее кажется вѣроятнѣе; ибо о сихъ двухъ Половецкихъ Князяхъ Гзакъ и Контакъ упоминается яко о главныхъ военачальникахъ, а потому и думать должно, что они предводительствовали главными войсками, побѣдившими Игоря, а не тѣми передовыми, которыя опъ него были побѣждены).

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. (Мнѣ кажется изреченіе другаго дни не должно приниматься здѣсь за неперемѣнное утвержденіе, что сіе второе сраженіе происходило точно на другой день послѣ первой битвы; но такъ, какъ бы сказано было: въ иной день. Слово зори есть здѣсь именительный падежъ множественнаго числа, а не родительный единственного: кровавыя зори повѣдаютъ свѣтъ; а не кровавыя зари свѣтъ; ибо тогда не осталось бы никакого существительнаго имени,

къ которому бы глаголь повѣдаютъ огне-
спи можно было). Черныя пути съ моря
идутъ, хотятъ прикрыти тетыре солнца:
(вѣроятно, что подъ словами тетыре солнца
разумѣются здѣсь четыре вождя, то есть:
Игорь, Всеволодъ, Гзакъ и Кончакъ): *а въ
нихъ трепещутъ синіи молніи*. (Сначала ка-
жется выраженіе сіе несвойственнымъ;
молніи не бывають синія и не трепещутъ,
а сверкають; однакожь ежели мы хорошень-
ко сіе разсмотримъ, то можетъ быть и
согласимся на оное. Глаголь *сверкать* озна-
чаетъ дѣйствіе ея тогда, когда она изъ
тучи висящей прямо надъ нами, появляеш-
ся вдругъ, во всей своей силѣ, и огнеподоб-
ная съ неимовѣрною быспрошою мгновенно
прошекаетъ воздухъ; но въ опдаленности
ея, когда она только что начинается разы-
грываться, и дѣйствуетъ еще тихо и сла-
бо, едва ли не свойственнѣе ей прилага-
тельное *синяя* и глаголь *трепещетъ*). Быти
грому великому, ити дождю стрѣлами съ
Дону великаго: ту ся копіемъ приломати, ту
ся саблямъ потруяти о шеломя Половецкія,
на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. (Какое
страшное предувѣдомленіе о брани, имѣю-
щей вскорѣ послѣдовать! мы видѣли, что
сочинитель при описаніи первой битвы
кратко упомянулъ объ оной, безъ сомнѣнія
для того, дабы тѣмъ больше поразить насъ

ужаснымъ и сильнымъ изображеніемъ сего вшораго сраженія). *О Руская земле! уже не Шеломянемъ еси.* (Здѣсь кажется пропущенъ предлогъ за. Надлежало бы сказать: уже не за Шеломянемъ еси. То есть: уже не та легкая побѣда предстоитъ тебѣ здѣсь, копорую одержало ты за Шеломянемъ). *Се вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя полки Игоревы! земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ.* (Вопъ сила, копорую войскамъ Игоревымъ преодолютъ надлежитъ! въ шоль крашкомъ описаніи коль сильное изображеніе! каждая рѣчь, каждое выраженіе, каждое слово страхъ и ужасъ наводитъ: стрѣлы съ моря не обыкновенные люди бросающъ въ нихъ, но вѣпры, внучаща Золовы, дыхающъ, вѣющъ на нихъ оными! не представляется ли намъ, что полки Игоревы сражающа съ богами? Послѣ сихъ словъ: *земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ!* не кажется ли воображенію нашему, что всѣ спихи и вся природа приемишъ участіе въ семъ сраженіи? и чпожъ еще пошомъ? съ симъ шумомъ и смяшеніемъ всей природы, идущъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Половцы! какое ужасное изображеніе! досшойное.

Виргилія, достойное Тасса! Впрочемъ хотя вышесказанная рѣчь: *земля тутнетъ*, *рѣки мутно текутъ*, *пороси поля прикрываютъ*, *стязи глаголютъ*, кажется и довольно хорошо сими въ предложении исполкована словами: *топотъ по землѣ* раздается, *вода въ рѣкахъ* мутится, *пыль столбомъ въ полѣ* подымается, *знамена шумятъ*; ибо всѣ сии выраженія составляютъ описаніе весьма приличное начавшемуся сраженію; однакожь по нижеслѣдующимъ причинамъ понимаю я заключающуюся въ сей рѣчи мысль совсѣмъ иначе. Во первыхъ выше сказано было: *сѣ вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя полки Игоревы*: слѣдовательно и дѣйствіе, послѣдующее за симъ долженствуешь быть сходственное съ тѣмъ, какое могутъ произвестъ пучи пущенныхъ стрѣлъ; но начавъ пошчасъ послѣ сего говорить о *топотѣ* по землѣ и подымающейся *столбомъ* пыли, естъ нѣкоторымъ образомъ прервать первую мысль, и начавъ другое описаніе, которое хотя и служишь къ изображенію тойже самой битвы; однакоже не происходитъ изъ первоначальной мысли; ибо *топотъ* и *пыль* естъ дѣйствіе начавшагося сраженія, а не слѣдствіе пущенныхъ стрѣлъ. Во вторыхъ слова *тутнетъ* и *пороси* исполкованы въ предложении *топотомъ* и *пылію* по одной догадкѣ; но

догадка, основанная на производствѣ и опы-
сканіи корня словъ, долженствуетъ быть
вѣрнѣе. Сего ради испышаемъ сей способъ.
Я нахожу въ священныхъ книгахъ слова
тутъ и тыть. Вошъ ихъ знаменованіе: „ки-
„ты великія страшны суть и люты, яко и
„корабли пожирати довольны; но и отъ тѣхъ
„тутъ вмѣсто елѣа во свѣтильники употреб-
„ляемъ бываетъ.“ (Иѣека листъ 129). — „Лю-
„те же души егда тыетъ тѣло, тогда бо
„язвы страждетъ зѣло.“ (Обѣдъ душевный).
Ясно, что здѣсь существительное имя
тутъ значить шукъ или жиръ, а глаголь
тыетъ, шолстѣетъ. Безъ сомнѣнія слово
тутнетъ долженствуетъ происходить отъ
слова тутъ, и слѣдовательно пошъ самое
значить, что и глаголь тыетъ, то есть
пучитъ. Остается разсмотрѣть, что
значить слово лороси. Кажется, что оно
долженствуетъ быть одинакаго происхож-
денія съ словомъ прахъ; ибо хоща оно и не
то самое значить, но въшви словъ часпо,
при малѣйшей перемѣнѣ оныхъ, удаляются
знаменованіемъ своимъ отъ первоначальнаго
ихъ корня: лорохъ безъ сомнѣнія происхо-
дитъ отъ прахъ, но значить совсѣмъ иное.
Такъ и здѣсь, хоща слово лороси можетъ
быть и происходить отъ слова прахъ, но
не означать пыль, то есть, мѣлкія и сухія
частицы земли; а нѣчто подобное тому,

Ч а с ш ь VII.

5

сирѣчь *парѣ*, мѣлкія частицы влажности. Доказательствомъ сему могутъ служить слова: *роса, поросить, пороша*. Ишакъ пріемля глаголь *тупнетѣ*, за шучиѣеть; а слово *пороси*, за *парѣ*; изъ вышесказанной рѣчи: *земля тупнетѣ*, *рѣки мутно текутъ*, *пороси поля прикрываютѣ*, выходишь слѣдующая мысль: *земля тупнетѣ* (шучиѣеть отъ крови), *рѣки мутно текутъ* (отъ смѣшенія крови съ водою), *пороси* (пары исходящія изъ убиенныхъ тѣлъ) *поля прикрываютѣ*. Подобно сему и Ломоносовъ, въ поэмѣ Пётръ Великій сказалъ:

И воздухъ огустѣлъ отъ побѣенныхъ паръ.

Толкуя такимъ образомъ, находимъ, что первой мысли (стрѣлы полетѣли, и проч.), сія вторая мысль (кровь полилась струями и проч.) есть точное слѣдствие. Напрошивъ того *стрѣлы полетѣли и толотѣ* *натался*, суть два изображенія, ни мало одно отъ другаго не зависящія. Остальное выраженіе, *спязи глаголютъ*, есть также нѣчто гораздо больше, чѣмъ знамена *шумятѣ*; во первыхъ пошому, что спягъ хотя и былъ нѣчто подобное нынѣшнему знамю, однако состоялъ изъ нѣкоего огромнѣйшаго сооруженія, какъ то изъ многихъ мѣстъ въ Несторѣ примѣшны можно. Во вторыхъ, число ихъ было больше, нежели число нынѣ

употребляемыхъ при полкахъ знаменъ, состоящихъ изъ одного легкаго древка, имѣющаго въ верху кусокъ шоннаго полотна: и пакъ шумъ опъ знаменъ, даже и въ свѣжій вѣтръ, едва можетъ быть слышанъ; и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ маловажную, ничего не выражающую мысль; но когда стрѣлы, копья, и другія орудія, начнутъ спускаться по деревьямъ гораздо многочисленнѣйшимъ и огромнѣйшимъ, нежели нынѣшнія знамена, и когда опъ сихъ ударовъ и сильнаго движенія дерева сіи въ подлинну застонутъ, заскрипятъ, заговорятъ; тогда *связи глаголютъ* есть дѣйствительно нѣкое важное, ужасъ къ ужасу присовокупляющее выраженіе). — *Рускія полки отступили*. (Здѣсь глаголь *отступили* не значитъ прогнаны были непріятелемъ, но основались, подались нѣсколько назадъ, дабы съ лучшимъ порядкомъ и удобностію встрѣтить его. Послѣдующія слова ясно то показываютъ): *дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрыя русици преградиша тервленными щиты*. (Слова: *кликомъ поля прегородиша*, не значатъ: оградили станъ свой крикомъ, какъ то сказано въ преложеніи, но смыслъ ихъ есть тотъ, что Половцы преградя поле, то есть распянувшись по всему оному, съ крикомъ бросились на Рускихъ, которые въ молчаніи прошиву поставили

*

имъ щипы свои. Вся сія рѣчь не иное что изображаетъ какъ продолженіе начавшейся брани. Изъ послѣдующаго ко Всеволоду обращенія весьма оное явствуетъ): *Ярѣ - Туре Всеволоде ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломахъ мети харалужными. Камо турѣ лоскатяше, своимъ златымъ шеломомъ посѣтивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкія: лоскеланы саблями калеными шеломахъ оварьскія опѣ тебе ярѣ туре Всеволоде.* (Примѣшимъ въ началѣ сей рѣчи силу и богатство выраженія: *прыщещи на вои стрѣлами.* Никакое другое слово безъ ослабленія мысли не можешь замѣнишь здѣсь глагола *прыскать*. Скажемъ *бросать, лускать*: каждое изъ сихъ словъ дастъ намъ понятіе, что Всеволодъ кидаетъ стрѣлы, одну послѣ другой. Скажемъ *сыллетъ стрѣлами*: глаголь *сылать* хотя и означитъ великое количество оныхъ, вдругъ выпускаемыхъ, однакожъ не изобразитъ дѣйствія сего съ такою живописію и приличностію, какъ глаголь *прыскать*, пошому что первой изъ нихъ, то есть *сылать*, вмѣстѣ съ напомниманіемъ намъ о множествѣ крупинокъ или малыхъ частицъ напоминаетъ и то, что оныя, будучи безъ всякаго напряганія силъ пущены, падаютъ или опускаются помямо съ верху на низъ; напротивъ того второй, то есть *прыскать*, представляя намъ многочислен-

ность водяныхъ капель или прысковъ, сопрягаешь съ собою купно и ту мысль, что оныя, будучи съ великимъ напряженіемъ силъ пущены, летяшъ стремительно въ стороны: изъ сего слѣдуешь, что понышю наладать на непріятеля или оборонять себя выраженіе прыщещи стрѣлами, болѣе приличествуешь, или живѣе описуешь оное, нежели выраженіе сыллеши стрѣлами. Учащательное дѣепричастіе *посвѣтывая* дѣлаешь также здѣсь несравненно больше силы и красоты, чѣмъ простое или единократное дѣепричастіе *свѣтя* или *блистая*, попому что глаголь *свѣтитъ*, безъ помощи другихъ словъ, не показываетъ никакихъ перемѣнъ; напрошивъ того глаголь *посвѣтывать*, безъ всякаго пособія отъ другихъ словъ, самъ собою изъясняетъ, что шлемъ Всеволодовъ свѣпшился иногда побольше, иногда поменьше, иногда поближе, иногда подалѣе, иногда шупъ, иногда шамъ. Зрѣніе мое гоняеши за нимъ, и одно сіе слово представляетъ мнѣ ясно и живо всю подвижность и распоропность сего мужественнаго Ярышура. — Впрочемъ откуда происходятъ прилагательныя имена Харалужный и Оварскій, не извѣстно мнѣ). Кая раны дорога братіе, забывъ ты и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны свята и обята? (Мнѣ

послѣдней, сказавъ, что она жестокостію своею всѣхъ прежнихъ превосходила. Замѣтимъ, что вездѣ перомъ его управляешь искусво).

Съ зараніа до ветра, съ ветра до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гремятъ сабли о шеломы; трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемъ среди земли Половецкія. (Все сіе само по себѣ ясно. Примѣшимъ шокмо, что вездѣ въ слогѣ его блискаетъ стихотворство: съ утра до ветра, съ ветра до свѣта летятъ стрѣлы, гремятъ сабли, трещатъ колья и проч.).

Черна земля подъ колыты, костями была посѣяна, а кровію поляна; тугою взыдоша на Руской земли. (Въ предъидущихъ словахъ видѣли мы быстроту словопеченія, а здѣсь видимъ высокую стихотворческую мысль: изъ терныя земли конскими колытами взрытой, костями побіенныхъ Россіянъ усѣянной, и кровію ихъ полянной, восходитъ, возрастаетъ петаль, аки страшное древо, мратною тѣнію своею всю Россію покрывающее: какое величественное и купно ужасное изображеніе!

Что ми шумитъ, что ми звенитъ давется рано предъ зорями? Игорь полки заворачиваетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. (Выше сего сочинитель говорилъ объ одномъ шокмо Всеволодѣ, копорой по видимому первой въ бой вступилъ. Теперь Игорь

съ войсками своими спѣшишь къ нему на помощь).

Бишася день, бишася другій: третьяго дни къ полуднію ладоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлутиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ доконташа храбрии Русити: сваты полоиша, а сами полегоша за землю Рускую. (Здѣсь сочинитель, опредѣляя жестокость битвы, долговременностію длениа оной, и уподобляя ее пиру, говоритъ, что кровавое вино съ обѣихъ сторонъ до шѣхъ поръ шекло, доколѣ не достало онаго, то есть, что храбрые Россіане до шѣхъ поръ проливали кровь враговъ своихъ, доколѣ свою всю до послѣдней капли пролили).

Ниситѣ права жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. (Симъ жалостнымъ изображеніемъ, что природа вся уныла, права и деревья опъ горести и печали вершины свои пошупили, оканчиваетъ сочинитель кровопролитное побоище сіе. Потомъ, какъ и весьма естественнo, приступаетъ онъ къ описанію бѣдствій, каковыя Россія, послѣ сей одержанной надъ нею побѣды, принуждена была опъ непріятелей своихъ прешерпѣвать).

Уже бо, братіе, не веселая година вѣ стала, уже пустыни силу прикрыла. (Сія послѣдняя рѣчь: уже пустыни силу прикрыла,

пельное имя жирныя означаетъ благополучныя, изобильныя, а не пляжкія времена).

Усобица княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и наташа князи про малое, се великое молвити, а сами на себе крамолу ковати: а поганіи со всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую. (Все сіе само по себѣ довольно ясно. Сочинитель говоришь, что единодушіе между Рускими князьями разрушилось, несогласіе водворилось; они преслали совокупными силами нападать на общаго непріятеля; а сей, пользуясь сими раздорами ихъ, шѣмъ удобнѣе проспираль къ нимъ побѣдоносную и хищную руку свою. Примѣлимъ, какъ счастливо сія простая рѣчь: се мое, а то мое же, выражаетъ жадность къ стяжанію имѣній, и предпочтеніе частной пользы своей общему благу).

О далете зайде соколъ птицѣ бя къ морю: а Игорева храбраго полку не кресити. (То есть: уже далеко непріятель распрошеръ побѣду свою, и некому вопрошивишься ему: храбрыя войска Игоревы побиты и не возстанушъ болѣ).

За нимъ кликну Карна и Жля, поскоти по Руской земли, смагу мытяти въ пламя розѣ. (То есть: по одержаніи побѣды полководцы Половецкіе, Карна и Жля, кинулись, поскакали по Руской землѣ, восклицая, ры-

кая какъ лвы, повелѣвая войскамъ своимъ опустошашъ, грабишъ, разоряшъ оную. Примѣшимъ силу сего выраженія: *смагу мыстю въ пламянѣ розѣ*. Рогъ естъ образъ изобилія, щедрости, расточительности; ибо сіе орудіе животноу устроено такимъ образомъ, что все влишее или насыпанное въ него, по причинѣ узкаго въ низу конца и широкаго въ верху ошверзшія его, вдругъ и въ великомъ количествѣ лишся или сыпашся изъ него можешъ. Слово же *смага* означаешъ сухость горшани, жажду, наковую чувствуешъ челоуѣкъ, когда прешерпѣваешъ несносный жаръ, или тяжкій трудъ, или истощающее силы его сшраданіе. Ишакъ рѣчь: *поскоти по Руской земли, смагу мыстю въ пламянѣ розѣ*, заключаешъ въ себѣ мысль: поскакали по всей Россіи, расточительноу, немилосердоу рукоу разнося, разливая повсюду огонь и пламень, жестокиа и люшыа напасти, печали, мученія, скорби, приводящіа въ испому, въ жажду, въ изнеможеніе весь народъ).

Жены Рускіа всплакашась аркути (слово сіе происходитъ отъ глагола *рку* или *арку*, шо естъ говорю): *уже намѣ своихъ милыхъ ладѣ* (шо естъ мужей, супруговъ) *ни мыслию смыслити, ни думоу сдумати, ни огима сглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати*. (Знаменованіе глагола сего по-

перяно. Въ преложеніи сказано невозвратить; но какое сходство естъ между *трелати* и *возвратиши*?). *А востона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ налостью; тоска разліяся по Руской земли; петаль жирна тете средь земли Руской; а князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуща на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.* (Примѣнимъ, какое изобиліе мыслей заключаеся въ крашномъ семъ описаніи: жены безутѣшно плачущъ о погибшихъ мужьяхъ своихъ; грады спонущъ; тоска разливаеся по всему царству; печаль шучная, упитанная слезами народа, печетъ посреди Россіи, въ самомъ сердцѣ ея; и между тѣмъ, какъ князья Рускіе раздирающъ себя междоусобіями и несогласіями, непріятель грабитъ, разоряетъ, опустошаетъ землю. Можно ли въ столь немногихъ словахъ бѣдствіе Россіи изобразить живѣе)?

Тѣи бо два храбрая Святъславита, Игорь и Всеволодъ уже лжу убудіи которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святославъ грозный великій Кіевскій. Грозою бѣшетъ; притрелеталъ своими сильными полки и харалужными мети; наступи на землю Половецкую; притопта холмы и яруги; взмутіи рѣки и озера; иссуши потоки и болота, а поганого Кобыяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: (здѣсь со-

чинишель описывая прежнія побѣды Свято-
славовы, говоришь, что пріобрѣтенная имъ
слава, несчастнымъ сраженіемъ дѣшей его
Игоря и Всеволода, паки помрачилась. Все
сіе какъ въ подлинникѣ вразумительно,
такъ и въ преложеніи довольно объяснено.
Примѣшимъ шокмо сіе послѣднее выраженіе:
*а поганаго Кобяка изъ луку моря! отъ желѣз-
ныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, яко
вихрь выторже.* Какая сильная и богатая
мысль! Ничто не могло спасти Кобяка отъ
грознаго Святослава: ни выгодное при излу-
чинѣ или заливѣ морскомъ мѣстоположеніе;
ни многочисленные, ограждавшіе его, желѣзу
подобные крѣпостію полки; Святославъ на-
лепѣлъ, и какъ вихрь, испоргъ его изъ сре-
дины оныхъ!)

*И падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ град-
ници Святъславли.* (Гридня или гридняца
значить княжескій покой, комнапа, чер-
тогъ. Изъ сихъ словъ: *падеся Кобякъ въ грид-
ницѣ*, то есть находился или привезенъ
былъ во дворецъ Святославовъ, можно ви-
дѣть, что съ знашными плѣнниками по-
ступаемо было соотвѣтственно ихъ сану).
*Ту Нѣмци и Венедицъ, ту Греки и Моровѣ
поютъ славу Святъславлю.* (Сія рѣчь пока-
зываетъ, что Рускіе князья уже и тогда
окружаемы и прославляемы были чужестран-
цами). *Каютъ князя Игоря, иже погрузи жирѣ*

во днѣ Клялы рѣки Половецкія Рускаго злата насылаша. (Опѣ слова каютѣ, значащаго хулящѣ, безсомнѣнія произошли слова: ока-
янный, также хаютѣ, брехаютѣ и проч. Жирѣ
значитѣ здѣсь: все, что Игорь взял съ со-
бою добраго, лучшаго изъ Россіи. Подѣ сло-
вами погрузилѣ во днѣ или на дно Каялы рѣ-
ки, не разумѣется почное попопленіе въ ней
всѣхъ Игоревыхъ силъ и сокровищѣ, но что
онѣ разбитѣ былѣ при оной, и всего лишил-
ся, такѣ какѣ бы все въ рѣку сію побро-
саль). Ту Игорь князь высѣдѣ изѣ сѣдла зла-
та, а вѣ сѣдло Коціево. (Рѣчь сію не въ на-
стоящемѣ смыслѣ, но въ иносказательномѣ
принимать должно; она значитѣ: тогда
Игорѣ потерялъ добрую славу свою, и на-
жилѣ худую; сжали говорить про него, какѣ
про Коція, который измѣнилѣ своему оше-
честву. Ибо во всѣ времена успѣхи сопро-
вождались похвалою, а неудачи влекли за
собою хулу). Уныша бо градомѣ забрали, а
веселіе поните. А Святѣславѣ мутенѣ сонѣ
видѣ. (Здѣсь сочинитель рассказываетѣ сонѣ
сей устами самого Святослава):

Вѣ Киевѣ на горахѣ си ногѣ съ ветра одѣ-
вахѣте мя, рете, терною паполомоу, на кро-
вати тисовѣ. Черпахутѣ ми синее вино съ
трудомѣ смѣшано. Сылахутѣ ми тощими
тулы логаныхѣ тльковинѣ великій жемтугѣ
на лоно, и нѣгутѣ мя. Уже дски безѣ кнѣса

въ моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ ветра босувѣ врани взгряху, у Пльньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю. (Сонъ сей есть вподлинну мушный, то есть, состоящій изъ нѣкоего смѣшенія мыслей, которое весьма трудно исполковать или сообразить; ибо что значить: на горахъ Кіевскихъ и на писовой кровати одѣвали меня черною паполомою или покрываломъ? что значить: черпали или подносили мнѣ синее вино смѣшанное съ ядомъ? что значить: тощими тулы логаныхъ тльковинъ (*) сыпали на лоно мое крупный жемчугъ, и нѣжили меня? что значить: уже доски были безъ кнѣса или князя, то есть безъ верхней перекладки, на моемъ теремѣ златоверхомъ? что значить слово босувѣ, и почему глаголы бѣша и не сошли, исполкованы глаголами усѣлись и не полетѣли? Какимъ образомъ всѣ сии мысли, и самыя слова, не ясныя, и подверженныя сомнѣнію исполковать и сообразить можно? Впрочемъ вообще видно, что сонъ сей есть нѣкое предзнаменованіе несчастій; ибо всѣ сии понятія, какъ то: черное покрывало,

---

(*) Въ предложеніи сии слова исполкованы: изъ пустыхъ колгановъ въ неистыхъ раковинахъ. Сіе совсѣмъ непонятно: ибо какъ можно вообразить себѣ жемчугъ въ раковинѣ и въ пустомъ колганѣ?

вино смѣшанное съ ядомъ, жемчугъ, могущій уподобленъ бытъ слезамъ, смѣсны перема безъ крови, каркающіе въ дебри враны, всѣ сіи поняшія; говорю, составляютъ нѣчто мрачное и печальное. Отвѣтъ бояръ Свято-славу есть паче описаніе случившагося, нежели исполкованіе видѣннаго имъ сна):

И ркоша бояре князю: уже княже туга умъ полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутароканя, а любо испити Шеломъ Дону. (Нѣтъ сомнѣнія, что подъ двумя соколами разумѣются здѣсь князья Игорь и Всеволодъ, которые оставя ошеческій зланный пресполъ пошли войною на Половцевъ). Уже соколами крильца прилѣшали поганыхъ саблями, а самую (*) опутюша въ пущины желѣзны. (Мы видѣли, что сіи два князя разбины были и въ полонъ взяты. Опуташъ желѣзными пущинами, вѣроятно не иное что значить здѣсь, какъ смопрѣшь сшрого, содержащъ крѣпко). Темно бо бѣ въ ѣ день: два солнца померкоста, оба багряная столла погасоста, и съ нимъ (чаятельно и съ ними) молодая мѣсяца Олегъ и Святославъ тьмою ся

(*) Для разумѣнія словъ *соколами*, *самю*, и прочихъ таковыхъже, надлежитъ припомнить, что въ Славенскомъ языкѣ кромѣ единственнаго и множественнаго числа, есть еще двойственное.

поволокоста. (Выше сего сказано было, что сраженіе продолжалось два дни, и что уже на претій день Половцы одержали совершенную побѣду. Ишакъ смыслъ словъ: *темно бо бѣ въ третій день*, весьма ясенъ; пакожъ и то не сомнительно, что подъ двумя солнцами или багряными столпами, каковыя при сѣверныхъ сіяніяхъ видимы иногда бываютъ на небѣ, сочинитель разумѣетъ здѣсь двухъ братьевъ Игоря и Всеволода; но что принадлежитъ до Свяшослава и Олега, которыхъ называетъ онъ молодыми мѣсяцами, то въ семь находящаяся нѣкошорое несходство съ историческимъ содержаніемъ сей пѣсни, въ коемъ упоминается, что съ князьями Игоремъ и Всеволодомъ были еще молодые князья Свяшославъ Ольговичъ и Владиміръ Игоревичъ. Можесть бысть Владиміръ взялъ за Олега, а можесть спашься былъ еще и претій князь называемый Олегомъ). *На рѣцѣ на Каялѣ тма свѣтъ* покрыва: *по Руской земли прострошася Половцы, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста и великое буйство подастъ Хинови.* (Что побѣда одержана при рѣкѣ Каялѣ, что Ханъ Половецкій, или подвластные ему народы, возгордась успѣхами своими, и сдѣлавшись наглы и дерзки, подобно свирѣпымъ изъ одного логовища леопардамъ или шиграмъ, распространясь по Россіи пѣснили,

*

грабили, попили народъ Руской: всѣ сїи обстоятельство уже извѣстны намъ изъ прежняго повѣствованія). Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержеся дивъ на землю. (Сїи краткія слова изображаютъ всю обширность золь и бѣдствій, какимъ подверглася Россія. Смотри толкованіе о семъ въ примѣчаніи на стран. 53). Се бо Готфскія красныя дѣвы воспѣша на brezѣ синему морю: звоня Рускимъ златомъ поютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія. (Разумъ сихъ словъ довольно ясенъ, но историческая связь оныхъ оспается неизвѣстною. Сдѣлаемъ теперь общее примѣчаніе, какъ на сонъ, который Свяшославъ рассказываетъ боярамъ, такъ и на рѣчь или ошвѣтъ бояръ на слова Свяшославовы. Разсмотримъ сомнительности и поищемъ свѣта въ шемногѣ. Вникая въ расположеніе сей пѣсни встрѣчаемъ мы слѣдующія затрудненія: во первыхъ, есѣли Свяшославъ видѣлъ сонъ сей прежде одержанной Половцами побѣды; то кажется надлежало бы и помѣстивъ оный, прежде событія сихъ произшествій, поелику пророчества и предвѣщанія не могутъ имѣть мѣста, когда уже совершеніе оныхъ восплѣдовало. Во вторыхъ, ошвѣтъ бояръ долженствовалъ бы содержать въ себѣ исполкованіе сего сна и угадываніе изъ онаго

предбудущихъ приключеній; но бояре, напрошивъ того, рассказываютъ со всею подробностію обо всемъ случившемся, и говорятъ въ прошедшемъ времени: *олутоша въ пущины, тьма свѣтъ покрыла, прострошася Половцы, дѣвы Готфскія звонятъ Рускимъ златомъ*, и проч.; однимъ словомъ рѣчь ихъ есть совершенное повѣствованіе или увѣдомленіе, не токмо о бывшей между Половцами и Рускими битвѣ, но даже и о слѣдствіяхъ оной, не скоро послѣ того происшедшихъ, и ни мало не содержишь въ себѣ предсказанія о будущихъ приключеніяхъ. Ипакъ по всѣмъ симъ обстоятельствомъ должно заключить, что Свяшославъ рассказываетъ сонъ свой послѣ событія происшедшій; но въ такомъ случаѣ встрѣчаются новыя затрудненія: первое могъ ли Свяшославъ рассказывать сновидѣніе свое, когда событіе онаго на яву уже видѣлъ? Второе, могли ли бояре возвѣщать ему о томъ, о чемъ онъ самъ не меньше ихъ долженствовалъ бытъ извѣстенъ? Какое же избрать мнѣніе? Какимъ образомъ согласишь сіи противурѣчія? мнѣ кажется слѣдующее соображеніе есть изъ всѣхъ вѣроятнѣйшее: положимъ, что Половцы одержали уже побѣду и распространили завоеванія свои, но Свяшославъ ничего еще о томъ не вѣдаетъ. Сіе ошнудъ не противно вѣроятію; ибо

легко могло спастись, что бояре, окружавшие Святослава, щадя спарбсть его, спарались, колико возможно, не допускашь до него сихъ несчастныхъ извѣстій, и не прежде увѣдомили его объ оныхъ, какъ по совершении всѣхъ напастей, когда уже не возможно было болѣе скрывать ихъ отъ него (*). Полагая сіе, все остальное будетъ ясно и вѣроятно: Святослава смущаетъ сонное мечпаніе; онъ рассказываетъ оное приближеннымъ своимъ боярамъ; бояре видя, что не могутъ долѣе шайтъ отъ него случившихся несчастій, находятъ сей случай за удобнѣйшій объявить ему о томъ, и объявляютъ. Сіе расположеніе подтверждается во первыхъ рѣчью бояръ, которые, рассказавъ о успѣхахъ и торжествахъ непріятелей своихъ, оканчивають оную симъ горестнымъ выраженіемъ: *а мы уже дружина жадни веселія, що єсть: а мы погружены въ бездну золь, чужды всякихъ радостей. Во вторыхъ*

(*) Таковое мнѣніе шѣмъ паче вѣроятно, что въ историческомъ на пѣснь сію примѣчаніи сказано: „удѣльный Князь „Новгорода - Сѣверскаго Игорь Святославичъ, не сдѣлавъ „сношенія съ спарѣйшимъ Великимъ Княземъ Киевскимъ, „рѣшился въ 1185 году опмиснитъ самъ собою Половцамъ „за разореніе подвластныхъ ему владѣній и пріобрѣсти „себѣ чрезъ то славу.“ Слѣдовательно Святославъ легко могъ не знать, что происходило, а особливо будучи въ глубокой спаросши.

изъ самаго содержанія сна сего (*). Въ прѣпѣ-
ихъ изъ шого, что Святославъ, по выслуша-
ніи рѣчи бояръ своихъ, шопчась, какъ Царь
и отецъ, глубоко пораженный печальною
вѣдомостію сею, начинаешь жалобы свои
изливать сими словами): *тогда великій Свя-*
тославъ изрони злато слово слезами смѣше-
но, и рече: о моя сыновя Игорю и Всеволоде!
рано еста натала Половецкую землю мети
цвѣлити, а себѣ славы искати. (Могъ ли бы
Святославъ послѣ рѣчи бояръ своихъ на-
чать рѣчь свою сею смѣшенною со слезами
жалобою, естли бы онъ о томъ ужѣ прежде
извѣстенъ былъ? Впрочемъ рано значить
здѣсь безвременно, не подумавъ, не сообра-
зясь съ обстоятельствоми. Глаголъ *цвѣлити*
преложень глаголомъ *воевать*, но настоящее
знаменованіе онаго не извѣстно (**). Но не-

(*) Полагая, что бояре скрываютъ отъ Святослава приклю-
чившееся съ Игоремъ несчастіе, сонъ сей, яко вѣроятное
престарѣлаго Князя сего предчувствіе или провиданіе,
не токмо весьма будетъ у мѣста, но даже и самое ино-
сказательное содержаніе онаго получитъ нѣкошорую яс-
ность: ибо что иное слова Святославовы (*на еорахъ Киев-*
скихъ одевали вы меня тврными покрываломъ, подносили
мнѣ вино смѣшенное съ лдомъ, сыпали на лоно мое жем-
тугъ и нѣжили меня; а уже доски на моихъ теремѣхъ злато-
верхомъ были безъ кѣса и проч.) могутъ значить, какъ
не слѣдующую или сей подобную мысль: *вы таите отъ*
меня приключившееся намъ бѣдствіе, и опасался нанести
мнѣ пегаль скрываете отъ меня зло, когда уже теремъ
мой нагинаятъ разваливаться (то есть когда ужѣ бѣда
виситъ надъ главою моею) и проч.?

(**) См. примѣчаніе на сшран. 46.

тестно одолѣсте: нетестно бо кровь поганую проліясте. (Нечестно значить здѣсь безъ успѣха, безъ пользы, не получа отъ того никакой себѣ чести или славы). Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. (Смѣлое и сильное выраженіе! довольно бы для означенія неуспрашимости и швердости Князей Игоря и Всеволода сказать, что храбрыя сердца ихъ изъ крѣпкаго булата скованы, но сочинитель для вящей силы придаетъ еще къ тому: а въ буети, то есть въ огнѣ или въ горнилахъ мужества закалены). Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! (Всѣ сіи съ шолкимъ чувствованіемъ произносимыя Свяпославомъ жалобы показываютъ, что онъ рассказывая сонъ свой не зналъ о приключившихся ему несчастіяхъ). А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и многовои брата моего Ярославъ съ Черниговскими Былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Толтаки, и съ Ревуги, и съ Ольберы. (Въ преложеніи сказано: я уже не вижу власти сильнаго, богатаго и многовойнаго брата моего; но поелику многовои есть имя существительное, относящееся къ слову не вижду, сирѣчь: не вижу многовоевѣ брата моего; сего ради и смыслъ сей рѣчи не можетъ быть потъ, какой данъ ей въ преложеніи. Миѣ кажешся разумъ сихъ словъ долженъ

быть слѣдующій: я уже не вижу себя богатымъ, сильнымъ власшелиномъ; не вижу поборающихъ по мнѣ многихъ войскъ брата моего Ярослава, ни Черниговскихъ Былей (*), ни Могущъ, ни Тамранъ, ни Щельбировъ. Впрочемъ не извѣстно, какія суть имена сіи, народовъ ли или частныхъ людей). *Тѣмъ бо безъ щитовъ съ засаложники кликомъ полки побѣждаютъ, звоняги въ прадѣдню славу.* (Точно ли слово *засаложникъ* значить кинжалъ, сего нигдѣ мнѣ видѣшь не случилось. Выраженіе *безъ щитовъ съ засаложники*, двоякимъ образомъ шолковать можно: *безъ щитовъ имѣющихъ засаложники*, или: *безъ щитовъ съ одними засаложниками*. Что принадлежить до мысли заключающейся въ словахъ: *кликомъ полки побѣждаютъ*, то кажется оная есть та самая, какую находимъ мы въ сшаринныхъ сказкахъ, гдѣ часто упоминается, что въ древнія времена богатыри спрашнымъ гласомъ или крикомъ своимъ въ ужасъ людей приводили. Сіе подтверждается даже и нѣкоторыми приведенными выше сего именами или прозвищами, какъ напримѣръ весьма вѣроятно, что слова *толгавъ, ревуга*, взяшы опъ словъ *толтать, ревать*.

(*) Откуда слово *быль* имѣетъ начало свое, и значить ли оно оно *болярина*, не знаю; но безъ сомнѣнія слово *бобыль* долженствуетъ происходить опъ онаго.

Рѣченіе звонить въ прадѣдную славу должен-
 ствуетъ значить: не токмо собственными
 своимъ дѣлами, но и предковъ своихъ сла-
 вою гремѣть). Но рекосте мужа имѣся сами,
 преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся
 сами подѣлимъ. (Рѣчь сія въ подлинникѣ во
 вся невразумительна. Преложеніе ея: не
 говорятъ они, мы де предстоящую славу по-
 хитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся,
 заключаешь въ себѣ нѣкую темную мысль,
 которую не лзя сообразить ни съ предъ-
 идущимъ, ни съ послѣдующимъ. Особенно же
 слова мужа имѣся совсѣмъ не понятны.
 Мнѣ кажется здѣсь ошибкою взята буква *м*
 вмѣсто буквы *т*, и что надлежало бы ска-
 зать мужайтесь. Тогда начало рѣчи будетъ
 такое: но рекосте, мужайтесь и проч. Хотя
 и въ семъ расположеніи остаётся она еще
 не совершенно ясною, однако же можно про-
 ницать въ ней слѣдующій разумъ: но вы ска-
 зали, возвѣстили мнѣ о нестастіяхъ нашихъ;
 такъ мужайтесь же; пойдёмъ и безъ всякой
 отъ другихъ помощи прославимся одни, и
 прежнею, то есть приобрѣтенною вышеломя-
 нутыми богатырями славою подѣлимся съ ни-
 ми. По крайней мѣрѣ мысль сія дѣлаешь
 расположеніе сего повѣствованія весьма
 естественнымъ. Святославъ, увѣдомленный
 боярами о приключившихся злополучіяхъ,
 начинаетъ горестъ свою изливать жалобами,

укоряетъ Игоря и Всеволода неблагоразуміемъ, и оплакивая участь ихъ говоритъ: шого ли при шароспи моей ожидалъ я опъ васъ! Попомъ снѣдаемый печалію и пылающій мщеніемъ, воспоминаая о прежнихъ побѣдахъ своихъ, сожалеетъ, что не видишь себя окруженнаго шѣми силами, опъ копорыхъ нѣкогда непріатели его препенали. Сіе прискорбное воспоминаніе и гнѣвъ на Половцевъ вливаюшъ въ хладную кровь его огонь юноши и понуждаюшъ его воскликнушъ: пойдемъ, возвратимъ прежнюю славу и проч. Слѣдующія попомъ слова его и паче мысль сію подпверждаюшъ): *а ти диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытєхъ бываетъ, высоко птицѣ взбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.* (Ясно, что Святославъ говоритъ здѣсь о самомъ себѣ, ободряя себя въ шароспи примѣромъ выученнаго или выношеннаго сокола, разгоняющаго ппицъ и не дающаго имъ пшенцовъ своихъ обижать (*). Всѣ сіи чувстввованія въ Святославѣ весьма естєшвенны. Но вскорѣ

(*) Сіи въ подлинникѣ слова: *коли соколъ въ мытєхъ бываетъ*, въ предложеніи изшолкованы: *когда соколъ переликатъ*. Не знаю почему слово *въ мытєхъ* взято за глаголъ *липать*, или *перелипать*; но какъ у соколиныхъ охошниковъ и понынѣ шопъ, копорой выносишъ ихъ, называется помыпникомъ (см. Академ. Словарь); шо и я подъ словами *соколъ въ мытєхъ* разумѣю выученнаго, выношеннаго сокола.

послѣ сей мгновенной, не свойственной лѣ-
тампъ его пылкости, возвращается онъ паки
къ хладнокровному разсудку и говоритъ):
*но се зло, княже ми не пособіе; на ниге ся
години обратиша.* (Сирѣчь: но по бѣда, что
отъ Князей не могу я ожидать пособія;
счастливыя времена превратились въ не-
счастливыя. Какая прекрасная борьба! какой
вмѣстѣ огонь и хладъ въ пресшарѣломъ вои-
нѣ! Впрочемъ не знаю, почему въ предложе-
ніи рѣчь Свяшославова по сіи токмо слова
означена двумя почками, чрезъ что разу-
мѣнь должно, яко бы она на семъ мѣстѣ
окончивалась, и что слѣдующее попомъ
есть уже сочинительское повѣствованіе. Мнѣ
кажется Свяшославъ не преспаешъ здѣсь
бесѣдовать съ боярами своими. Правда,
рѣчь его нѣсколько длинна; но во первыхъ
въ подлинникѣ ничто не показываетъ пре-
рыва оной; во вторыхъ, она содержишь въ
себѣ продолженіе тѣхъ же самыхъ жалобъ
и взываній, толико приличныхъ во успахъ
Свяшослава; въ шрѣшнихъ порядокъ распо-
ложеніа сей пѣсни кажется быть таковымъ,
что сочинитель, для возбужденія вѣщшей
въ сердцахъ чувствительности, пошчасъ
послѣ Свяшославовой рѣчи приводитъ дру-
гую жалостную рѣчь, или паче плачь жены
Игоровой, какъ мы то ниже сего увидимъ).
Уримъ критатъ подѣ саблями Половецкими,

а Володимирѣ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глебову (*). (Кричащъ значить здѣсь говорящъ, сказывающъ). Великій Княже Всеволоде! не мыслию ти прилетѣти издалече, отня стола злата поблюсти: ты бо можешь Волгу веслы раскропити, а Донѣ шелома выльяти. (Прекрасное стихотворческое изображение могущества и силы Великаго Князя Всеволода III, къ которому сие относится!). Аще бы ты былъ, то была бы Чага по наготѣ, а Кощей по резани. (Нагоша и рѣзанъ суть самыя мѣлкія деньги. Безъ сомнѣнія рѣчь сія есть родъ пословицы, означающей, что ежели бы Всеволодъ былъ присущствень, сирѣчь стоялъ бы за Россію; то сіи два челоѣка, Чага и Кощей, не значили бы ничего, или просто сказать, не стоили бы ни полушки). Ты бо можешь по суху живыми шерешеры (**). спрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. (Въ предложеніи сказано: „ты можешь живыми шерешерами спрѣлять чрезъ уда-

---

(*) Преложитель сей пѣсни въ примѣчаніи своемъ на сіе мѣсто (см. стр. 20) думаетъ, что чрезъ слова: *Володимирѣ подѣ ранами: туга и тоска сыну Глѣбову*, должно разумѣть двухъ Князей, Володимира и сына Глѣбова; но мнѣ кажется. сочинитель пѣсни говоритъ сие объ одномъ и томъ же Володимирѣ, назвавъ его сперва Володимиромъ, а потомъ сыномъ Глѣбовымъ: ибо по лѣтописцамъ Князь Володимиръ Глѣбовичъ въ сраженіи съ Половцами подѣ Переяславлемъ раненъ былъ шема ранами.

(**) Нѣкотораго рода воинскія орудія.

„лыхъ сыновъ Глѣбовыхъ.“ Но мнѣ кажется смыслъ сей рѣчи есть слѣдующій: ты можешь спрѣбляшь удалыми сынами Глѣбовыми, которые суть живые шерешеры). Ты буй Рюрике и Давыде, не ваю ли златеными шеломы по крови плаваша? не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ аки тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ (*)? Какіе сильные вопросы, и какая пошлѣмъ убѣдительная прозьба): вступи́та господина въ златѣ спременъ за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугега Святславита! (Прозьба или взываніе сіе къ Князьямъ въ чьихъ устахъ приличнѣе бытъ можешь, какъ не въ устахъ Святослава, чувствующаго немощь силъ своихъ, и купно пылающаго мщеніемъ?) Галицкій остомысле Ярославѣ! высоко сѣдиши на своемъ златокованнемъ столѣ. (Великолѣпное начало!). Подлѣрѣ горы Угорскіи своими желѣзными полки (смѣлое и сильное выраженіе!), заступивъ королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, мѣта бремени трезѣ облаки, суды рядя до Дуная. (Какое изображеніе Ярославова могущества!). Грозы твоя по землямъ текутъ; (предлагаешь подобныя выраженія, было бы уменьшашь ихъ краш-

---

(*) Рюрика и Давыда не было съ Игоремъ; ипакъ надлежитъ думать, что здѣсь говорится о прежнихъ битвахъ ихъ съ Половцами, или можешь бытъ частъ войскъ ихъ была съ Игоремъ.

кость и силу). *Отворяеши Києву врата ; (въ предложіи сказано: отверзѣ тебѣ путь къ Києву ; но миѣ кажеся сіе значить: прегражда непріятелямъ путь отверзаешь ты врата Кіевлянамъ). Спрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. (То есть: великія пространства многихъ земель, лежащихъ между Сулпанами и побою, не могутъ ихъ укрывать отъ спрѣль, которыя мещешь ты въ нихъ съ высоты наслѣдственнаго лучезарнаго престола швоего). Спрѣлай господине Контака, поганаго Кошца за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святславлига. (Рѣчь Свяшославова расположена такимъ образомъ, что онъ при зываніи къ каждому изъ Нязей, сперва искусною и всегда различною кистію изображаетъ власъ его и силу, а пошѣмъ уже оканчиваетъ прозьбою или приглашеніемъ, да вспунится за Игоря и ополчится пропиву Половцевъ. Мы послѣ увидимъ плачь или жалобу жены Игоревой, расположенную совсѣмъ иначе). А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буюсти, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. (Кажеся должны бышь здѣсь нѣкошорыя погрѣшности: слово васъ есть ошибка. Глаголь плаваеши поставлень въ единственномъ, а надлежало бы ему бышь*

въ двойственномъ числѣ, попому что говорится о двухъ Князьяхъ. Но впрочемъ смыслъ сей рѣчи въ предложениіи весьма хорошо объясненъ. Примѣнимъ шокмо, какое прекрасное употреблено здѣсь подобіе съ соколомъ, и какъ знаменашеленъ глаголъ *ширяяся*). Суть бо у ваю желѣзныи палорзи подѣ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвези, Деремела и Половци сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша подѣ тьи мети харалужныи. (Все сіе само по себѣ довольно вразумительно и хорошо объяснено въ предложениіи). Но уже Княже Игорю утрлѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони. (Слова сіи со всѣмъ невразумительны. Предложеніе оныхъ: „но для Князя Игоря помрачился уже свѣтъ“, „солнечный; не отъ добра опали съ деревь“, „лишны“ есть также одинъ только наборъ словъ, содержащій въ себѣ двѣ разныя со всѣмъ неудобосвязуемыя мысли. Въ слѣдующей пошдмъ рѣчи хопя и всѣ слова извѣстны, однако трудно согласить ее съ предъидущею рѣчью, и сдѣлать изъ нихъ обѣихъ общій разумъ): *по Рси, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храброго полку не крѣсити*. (Догадываться должно, что Святославъ, взывая къ Князьямъ Роману и Мстиславу, говоритъ нѣчто подобное сему: „храбросшь“, „и сила ваша велика; многіе народы по-

„бѣждены вами: потерпите ли вы, чѣтобъ
 „Игорь навсегда лишень былъ солнечнаго
 „свѣта? чѣтобъ жизнь его подобна была
 „вѣчной осени? Можете ли сморѣшь спо-
 „койно, какъ Половцы по рѣкамъ Роси и
 „Сули берутъ и раздѣляютъ по себѣ города
 „наши, кошорыхъ защищать уже нѣкому,
 „поелику Игоревы войска не возстануть?“
Донѣ ти княже кличетъ, и зоветъ Князи на
побѣду. (Какое стихотворческое приглаше-
ніе: Донѣ кличешъ, зовешъ васъ, и сулишь
вамъ побѣду!). Олговици храбрыи Князи до-
спѣли на брань. (Въ преложеніи сказано:
 „храбрые князи Ольговичи на брань поспѣ-
 „шили.“ Но куда и на какую брань могли
 они поспѣвшии? Мысль Святослава со-
 зываетъ Князей, исчи-
 сляетъ каждого изъ нихъ силы и способно-
 сти, и говоритъ объ Ольговичахъ, что они
 доспѣли уже на брань, то есть созрѣли, воз-
 мужали; пришли въ возрастъ, сдѣлались
 способны управлять войсками, побѣждаютъ
 непріятелей). Ингварь и Всеволодъ и вси три
 Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрильци,
 непобѣдными жребіи собѣ власти расхитисте?
 Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкіи
 и щиты? Загородите полю ворота своими
 острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны
 Игоревы бугаго Святславича. (Чѣто значить
 Шестокрильци? шестерыхъ ли одного дому

Часть VII.

7

Князей, или что иное, не известно. Впрочемъ все остальное само по себѣ довольно вразумительно и припомъ преложениѣмъ объяснено). Уже бо Сула не тететъ сребрянными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ тететъ онымъ грознымъ Половчаномъ подъ кликомъ поганыхъ. (Кажется сочинитель стихотворческимъ образомъ описуетъ здѣсь рѣки Сулу и Двину, то есть, мечтая ихъ какъ бы живыхъ и имѣющихъ чувства и спроси, говорятъ, что смущенная Сула уже не съ веселіемъ течетъ къ Переяславлю, и что печальная Двина, превращая чистую воду свою въ мутную и болотную, съ негодованіемъ спруи свои каплетъ подъ кликомъ или подъ властію нечестивыхъ народовъ. По сіе мѣсто рѣчи Святославовой можно было съ нѣкоторымъ трудомъ разбирать связь составляющихъ ее мыслей, но слѣдующее попомъ окончаніе оной уходитъ уже совсѣмъ отъ соображенія и догадокъ: историческая шепота, присоединяясь къ темнотѣ языка, дѣлаетъ ее вовсе не вразумительною, по крайней мѣрѣ для моего понятія. Чего ради оставляя искуснѣйшимъ меня сообразить порядокъ и связь повѣствованія, замѣчу я только нѣкоторыя выраженія).

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ звонки своими острыми мечами о шеломахъ Ли-

товскія ; притрела славу дѣду своему Все-
 славу, а самъ подѣтервлеными щиты на кро-
 вавѣ травѣ притреланѣ Литовскими мети.
 (Сомнишельно Свяшославъ ли продолжаетъ
 здѣсь говорить, или сочинитель начинаетъ
 паки повѣствовать. Съ одной стороны ни-
 что не показываетъ окончанія Свяшославо-
 вой рѣчи, а съ другой въ содержаніи оной
 примѣчается немалая перемѣна. Мы видѣли
 его вызывающаго къ Князьямъ и убѣждаю-
 щаго ихъ принять оружіе прошиву Полов-
 цевъ, шеперь же видимъ шокмо рассказываніе
 о преждебывшихъ сраженіяхъ и происше-
 ствіяхъ). И схопи ю на кровать, и рекъ :
 (что значитъ и схопи ю, и кому Изяславъ
 рекъ, добратся трудно). Дружину твою,
 Княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь
 полизаша. Не бысь ту брата Брягяслава, ни
 другаго Всеволода; единѣ же изрони жемтюж-
 ну душу изъ храбра тѣла, тресѣ злато оже-
 реліе. Уныли голоси, поните веселіе. Трубы
 трубятъ Городенскіи. Ярославѣ, и вси внуце
 Всеслави уже понизитъ стязи свои, вонзитъ
 свои мети вережени ; уже бо высокостите изъ
 дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами на-
 тѣасте наводити поганья на землю Рускую,
 на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе
 отъ земли Половецкыи ! (Сей упрекъ Яро-
 славу и внукамъ Всеславовымъ, что они
 крамолами и несогласіями своими предали

*

Росію въ руки враговъ, и сія жалоба на бѣдствія прешерпѣнныя чрезъ шо опъ Половцевъ, подають поводъ думашъ, что здѣсь Свяшославъ еще продолжаетъ говоритъ). На седьмомъ вѣцѣ Трояни верже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Той клюками подлерся о кони, и скоти къ граду Кіеву, и дотесе стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скоти отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ полуночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синъ мѣлъ, утрѣ же воззні стрікусы (*) отвори врата Новуграду, разшибѣ славу Ярославу, скоти волкомъ до Немиги съ Дудутокъ. (Чтѣ значашъ выраженія: седьмой вѣкъ Трояновъ, подперешся клюками о кони? для чего индѣ написано кони, индѣ комони? Чтѣ значишь кинуть жребій о дѣвицѣ, коснувшись древкомъ престола Кіевскаго, поскакашъ изъ Бѣла-града, ошворишь Новгородскія вороша, попрашъ славу Ярославову, и паки съ Дудушокъ поскакашъ до Немиги? Какъ сообразишь всю сію смѣсь мыслей, и добратъся до заключающагося въ ней разума? Не можно полагашъ, чшобъ сочинишель написалъ здѣсь нѣчто невразумительное; ибо все прежнее отвѣтствуетъ за него, что онъ умѣлъ мыслишь. Не можно также сказашь, чшобъ

(*) См. въ приложеніи примѣчаніе на слово стрікусы.

неизвѣстность многихъ словъ препящество-
вала намъ понижушь смыслъ: слова почти
всѣ извѣстны; отдаленность приключеній,
можешь быть тогда бывшихъ еще у всѣхъ
въ свѣжей памяти, и образъ писанія краш-
кой, намекающій шокмо о вещахъ, суть
причиною, что трудно сообразить и свя-
зашъ всѣ сіи понятія. Сверхъ сего пропу-
щенія словъ, а можешь спашься и цѣлыхъ
рѣченій, и вкравшіяся въ перепискахъ по-
грѣшности, много могутъ замиѣвать ра-
зумъ. Въ рѣчи: *утрѣ же возни стрикусы*
отвори врата Нову-граду, предложеной: *по-*
утру же вонзивъ стрикусы отворилъ ворота
Новгородскія, слово *возни* по смыслу рѣчи
кажется ближе должно быть прилагатель-
ное имя, нежели глаголь. Можешь быть зна-
чипъ оно возимыми на возахъ, или велики-
ми стрикусами, съ которыми надобно было
много возишься). *На Немизѣ снопы стелятъ*
головами, молотятъ тели харалужными, на
тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣ-
ла. (Сіе уподобленіе битвы съ молодьбою
хлѣба, при всей своей необычайности, весь-
ма прекрасно; ибо сильно изображаетъ
ужасъ и лютость убійства, а особливо симъ
смѣлымъ и удивительнымъ выраженіемъ:
вѣютъ душу отъ тѣла). *Немизѣ кровави*
брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяни, посѣяни
костью Рускихъ сыновъ. (Слово *бологъ* пре-

ся въ смыслъ онаго, а пошему и предоста-
вляю сіе превосходнѣйшему моего остро-
умію чишашеля. Чшо принадлежишь до пре-
ложенія, шо данная въ немъ словамъ симъ
мысль не можешъ никакимъ образомъ бышь
мыслію сочинителя; ибо чшѣ значишь: зна-
мена Владимировы достались Рюрику и Да-
виду, которые нося ихъ на рогахъ землю
всплахируютъ? Лучше совсѣмъ не поняшь,
нежели шакъ поняшь, какъ здѣсь сказано.
На семъ мѣстѣ кончится рѣчь Святосла-
вова, за которою слѣдуетъ жалоба или
плачь супруги Игоревой.

Ярославнинъ гласъ слышитъ: (въ пре-
ложеніи сказано: Ярославнинъ гласъ слышитъ-
ся; но можешъ бышь слышитъ отъносивъ
къ Святославу: Святославъ, послѣ своихъ
жалобъ, Ярославнины жалобы слышитъ).
Зегзицею не знаемъ, рано кытетъ: (въ пре-
ложеніи сказано: „она, какъ оставленная гор-
,,лица, по ушрамъ воркуетъ.“ Толкованіе
сіе по соображенію повѣствованія прилично
здѣсь; но впрочемъ составъ, сей рѣчи шруд-
но разобрать: ибо оная состоишь изъ че-
тырехъ словъ, изъ которыхъ при: зегзица,
не знаемъ, кытетъ, сущъ не извѣстны). По-
летю, рете, зегзицею по Дунаеву; омотю бе-
бранъ рукавъ въ Каялъ рѣцъ, утру Князю кро-
вавы его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. (Все
сіе само по себѣ ясно. Выраженіе на жесто-

цѣмъ тѣмъ показывается, что она воображаетъ супруга своего мертвымъ). Ярославна рано платитъ въ Путивль на забралъ, аркути: (забрало долженствуетъ значить здѣсь городскую стѣну, или высокую башню, на которую Ярославна рано по утру всходитъ, дабы оплакивать супруга своего, просиравъ зрѣніе въ ту страну, гдѣ онъ пребываетъ). О вѣтръ! вѣтрило! тему господине насильно вѣши? тему мытеши Хиновскія стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? (То есть: о вѣтръ! самовластитель вѣтръ! почему съ такою силою вѣешь? почему на легкихъ крилахъ своихъ носишь ханскія стрѣлы, поражающія воиновъ супруга моего (*)) Въ предложеніи выраженіе: на моя лады вои, исполковано: на милыхъ моихъ воиновъ; но сіе несправедливо. Ладо значить супругъ). Мало ли ти бѣшетъ горъ подъ облаки вѣяти, лелеютъ корабли на синѣ морѣ? (Въ предложеніи сказано: „или мало тебѣ „горъ подъ облаками? развѣвай ты тамо, „лелѣя корабли на синемъ морѣ!“ Толкованіе сіе не можетъ быть справедливо, потому что въ подлинникѣ глаголъ вѣяти принад-

---

(*) Ярославна говоритъ здѣсь не въ прошедшемъ, но въ настоящемъ времени: воображеніе ея такъ сильно поражено симъ случившимся съ нею бѣдствіемъ, что она мечтаетъ его, какъ бы оно въ сію самую минушу предъ очами ея происходило.

лежитъ къ первой половинѣ рѣчи: *мало ли
ти бѣшетъ горѣ подѣ облаки вѣяти*, а не ко
второй: *лелеютъ корабли на синѣ морѣ*. Въ
предложеніи же сдѣлано двѣ разнаго смысла
рѣчи, и глаголь *вѣять* отъ первой изъ нихъ
отнятъ и съ перемѣною наклоненія пере-
несенъ во вторую, чрезъ что смыслъ сдѣ-
лался неудобопонятенъ; ибо нарѣчіе *тамо*
значиць на горахъ: какъ же въпру развѣвая
на горахъ лелѣять корабли на синемъ морѣ?
Ошибка сія произошла отъ того, что слово
горы взято въ настоящемъ своемъ знамено-
ваніи, а надлежало бы взять оное въ ино-
сказательномъ, *волны*; ибо когда возьмемъ
мы его въ семъ разумѣ, тогда мысль за-
ключающаяся въ вышесказанной рѣчи безъ
всякаго сомнѣнія будетъ слѣдующая: *мало
ли тебѣ было горѣ возвѣвать подѣ облаки,
лелѣя корабли на синемъ морѣ? Или иначе:
мало ли было для тебя пространныхъ мо-
рей, гдѣ ты, подѣмля волны къ облакамъ,
могъ носить по нимъ корабли?*). *Чему госпо-
дине мое веселіе по ковылю развѣя?* (Въ пре-
ложеніи сказано: „за что развѣялъ ты,
„какъ праву ковыль, мое веселіе?“ Но въ
подлинникѣ уподобленіе сіе заключаетъ въ
себѣ совсѣмъ иную мысль. Трава ковыль
растетъ на сѣняхъ, на мѣстахъ бесплод-
ныхъ, никогда не воздѣлываемыхъ, простран-
ныхъ. Въпру не развѣваетъ ее, и пошому

подобіе: *развѣять какъ траву ковыль*, не основано на испинѣ вещей. Мысль же Ярославина есть слѣдующая: почему развѣялы мое веселіе по правѣ ковыли? то есть по проспраннымъ сшепамъ, по глухимъ поросшимъ сею правою мѣстамъ, отколѣ никогда уже не могу я онаго паки собрать, возвратитъ къ себѣ по прежнему). *Ярославна рано платетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркути:* (выше сего сказано: *въ Путивлѣ на забралѣ*, и поелику слова сіи не однокрашно повшоряются, того ради надлежало бы имъ бысть вездѣ одинаково написаннымъ). *О Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси Святослави насады до полку Кобякова: взлелѣй господине мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.* (Какое прекрасное званіе къ Днѣпру, какъ бы къ нѣкому божеству, и какая при томъ умиленная прозба! впрочемъ слова сей рѣчи всѣ извѣстны, и перешолковывать оную было бы поршить ее). *Ярославна рано платетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркути:* (примѣтимъ разность въ расположеніи сихъ двухъ рѣчей, то есть предъидущей Святославовой и сей, которую говоришь жена Игорева, Святославъ каждое званіе или прозбу свою къ Князьямъ оканчивалъ сими словами: *вступитесь за землю Рускую, за раны Иго-*

ревы! Сіе повшореніе дѣлало рѣчь его сильною, убѣдительною. Здѣсь сочинитель употребилъ пожъ самое средство, но при началѣ каждой жалобы: Ярославна плачешъ, мечшая себѣ окровавленнаго супруга своего; Ярославна плачешъ, прося помощи у Днѣпра; Ярославна плачешъ, жалуясь на солнце: всѣ сіи повшоренія показываютъ въ ней различное помленіе чувствъ, и дѣлають рѣчь ея жалостною). *Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тѣло и красно еси: чему господине простре горящую лутю свою на ладѣ вои?* (То есть: почто простерло ты горячій лучъ свой на воиновъ супруга моего?). *Въ полѣ безводнѣ жаждою имъ лѣти сопряге, тугою имъ тули затге.* (Рѣчь сія изъ слова въ слово значить: лучъ швой въ полѣ безводномъ жаждою имъ луки сопрягъ, печалію имъ колчаны зашкнулъ. Мысль же сей рѣчи есть слѣдующая: знойный лучъ швой въ безводномъ полѣ до того упомиль ихъ жаждою, что они безсильны были стрѣлять изъ своихъ луковъ, и до коликаго довель ихъ изнеможенія и горести, что они стрѣлы своихъ изъ колчановъ доставать не могли. Здѣсь кончидься жалоба или плачъ жены Игоревой. Прежде нежели приступимъ мы къ продолженію толкованія сей пѣсни, остановимся нѣсколько на семъ мѣстѣ, и повшоримъ рѣчь сію, для лучшаго разсмотрѣнія иску-

ства и краснорѣчія, каковыя въ ней примѣ-
чаются. Младая и прекрасная Ярославна,
перзаясь лютою горестію, восходишь рано
поупру на высошу башни, простираешь
зрѣніе свое въ ту страну, гдѣ почишаешь
бышь любезнаго супруга своего погибшимъ:
первое желаніе ея полетѣвъ къ нему горли-
цею, и омоча бобровый рукавъ свой въ Ка-
лѣ рѣкѣ (на берегу коей воображаешь его
лежащимъ) оперешь кровавыя раны на охла-
дѣвшемъ шѣлѣ его. Не прекрасно ли сіе на-
чало? Пошомъ, обращаясь къ вѣпру, она не
съ яростію вопіешь къ нему, не называешь
его ни жестокимъ, ни лютымъ, но съ тихо-
стію и со слезами пѣняешь ему: „почто
„шы съ такою силою вѣешь? Почто на
„легкихъ крилахъ своихъ носишь смерто-
„носныя враговъ стрѣлы на воиновъ моего
„супруга? Мало ли для тебя пространныхъ
„морей, на кошорыхъ можешь шы, возды-
„мая къ облакамъ волны, носишь по онымъ
„плавающіе корабли?“ Послѣ сихъ вмѣстѣ
и нѣжныхъ и чувствительныхъ пѣней, му-
чимая поскою, обращается къ Днѣпру и
взываетъ къ нему: „о славный Днѣпръ! шы
„силою печенія своего чрезъ землю Поло-
„вецкую пробилъ каменныя горы; шы носилъ
„на себѣ Святославовы къ непріятелю суда:
„принеси ко мнѣ супруга моего, да не по-
„сылаю къ нему слезъ моихъ, сна лишенная!“

Потомъ послѣ умиленной прозѣбы сей, новымъ всегда перзаемая мученіемъ, возводишь помныя очи свои къ солнцу и говоришь ему: „о свѣтлое, во вѣки немерцающее „солнце! для всѣхъ ты тепло и красно, для „меня одной холодно и мрачно. Почто, вѣчно- „сіяющее, простерло ты знойные лучи свои „на воиновъ супруга моего? Почто въ без- „водномъ полѣ ушомя жаждою, лишило ихъ „способности употреблять лукъ свой и „стрѣлы?“ Во всѣхъ сихъ пѣняхъ и жалобахъ не видимъ ли мы въ Ярославѣ крошкующую, но чувствительную душу; тихое, но глубокое уныніе; скромную, но вѣлѣрчивую любовь?).

Прысну море полнощи; идутъ сморци мглами: Игореву Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ опію злату столу. (Сочинитель, приступая здѣсь паки къ повѣствованію своему, описываетъ побѣгу Игореву отъ Половцевъ, и какъ сіе избавленіе его изъ плѣна есть важное для Россіи происшествіе, того ради при объявленіи о томъ употребляетъ онъ стихотворческія мечпанія, или украшенія, яко бы въ часъ ухода его, по-естъ въ самую полночь, море прыснуло, сирѣчь взволновалось, и смерчи ходили мглами (*). Сіе

(*) Подъ именемъ *смертей* (сморци) разумѣемъ мы нынѣ водные насосы, бывающіе на моряхъ по жаркому поясу

смяшеніе въ природѣ приписываетъ онъ тому, что Богъ показывалъ Князю Игорю

разливающихся, и которые больше извѣстны намъ подъ иностраннымъ названіемъ, *трамбы*. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ волнующееся море и ходящія мглами смерчи, могли показывать путь Князю Игорю; но какъ онъ долженствовалъ сперва переплыть чрезъ рѣку, то можешь быть сочинишь разумѣешь подъ симъ случившюся тогда непогоду и мракъ ночной, или шуманъ, которые въ семъ случаѣ ему благопріятствовали. Побѣгъ Игоревъ изъ земли непріятельской оштемлешь нѣчто ошъ славы сего героя, однакожъ историческое о томъ повѣствованіе соединяешь сіе съ обстоятельствами оправдывающими оную. Происшествіе сіе описывается слѣдующимъ образомъ: Игорь содержанъ былъ въ плѣну съ уваженіемъ, приличнымъ владѣтельному Князю; по выкупъ за него положенъ былъ чрезвычайный, и припомъ смотрѣли за нимъ крѣпко: приславлено было къ нему пшашащъ человекъ и пшешро знашныхъ ошцовъ дѣтей, копорымъ однакожъ велѣно было ему повиновашься. Нѣкто именемъ Лаверь (въ пѣсни же сей Овлуръ), родомъ Половчанинъ, рожденный ошъ матери Руской изъ области Игоревой, ошкрылся бывшимъ при Игорѣ двумя подданнымъ его, конюшему и сыну нѣкоого тысяцкаго, въ шомъ, что онъ можешь освободишь Князя ихъ изъ плѣна, ештли сей согласится уйши ошъ Половцевъ. Сказано было о семъ Игорю, копорый предложеніе сіе ошвергъ съ негодованіемъ, говоря: „я бы во время сраженія могъ спасшсь, бѣгшвомъ, но не хотѣлъ чести моей пошерьашъ; пшеперь же и подавно безчестнымъ образомъ бѣжашъ не хочу.“ И хотш конюшій и сынъ тысяцкаго совѣтами своими покушались еще склонишь его на шо, однакожъ онъ совѣтовъ ихъ не принялъ и запрешилъ, чтообъ они о семъ никогда ему не говорили. По прошествіи нѣкошораго времени сынъ тысяцкаго узналъ ошъ жены Половецкаго Князя Углія, съ копорую имѣлъ онъ любовь, что Половцы положили, ештли имъ въ войнѣ съ Рускими случштся неудача, убишь Князя Игоря. Сей младый воинъ увѣдомилъ о томъ конюшаго, копорый виѣстѣ съ нимъ пришедъ къ Игорю говорилъ ему шако: „для чего Князь, ошвергаешъ шы промыслъ Божій? Для чего не соглашаешся

пушь изъ земли Половецкой въ землю Рускую, къ опеческому злашому престолу):

„вѣришь себя усердному и надежному челоуѣку, предлагающему тебѣ услуги свои, и желающему избавишь тебѣ изъ неволи и оуъ смерти? Половцы при первомъ „неудачномъ сраженіи съ Рускими положили тебѣ убишь. „Или ждешь возвращенія ихъ и совершенія сего злаго „надъ шобою умысла? Тогда что́ помогутъ тебѣ славо- „любіе швое и гордосшь? оуъ упрямства швоего погиб- „нушь и жизнь швоя и слава.“ Сіе извѣстіе поколебало швердосшь Игореву: шоліко безчестное и злое намѣреніе, мнилось ему, освобождаетъ его оуъ храненія вѣрности къ данному слову. Онъ принялъ предлагаемыя ему оуъ Лавера услуги, и для удобнѣйшаго исполненія предпріятія своего сдѣлалъ пиръ, на кошоромъ до самой полуночи много веселясь и употчивавъ приспавниковъ своихъ, перелѣлъ продолжалъ веселіе, а самъ пошелъ въ шатеръ свой. Между шѣмъ, какъ пирующіе приспавники думали, что онъ спишь, Игорь шайно прошедъ переправился чрезъ рѣку, гдѣ уже Лаверь или Овлуръ пригошвили для него коней, на кошорыхъ немедленно сѣвъ поскакали они къ предѣламъ Россіи. Пушь ихъ былъ благополученъ, но подѣзжая къ Новугороду Сѣверскому, шо ешь къ шполи- цѣ Игоревой, конь подъ нимъ шошкнулся и упалъ, оуъ чего Игорь повредилъ себѣ ногу, шакъ что принужденъ былъ ошановишься въ сѣлѣ Свяшаго Михаила, верспахъ въ двашцаши оуъ города. Крешъянинъ шого села поска- калъ немедленно въ городъ и возвѣспилъ о возвращеніи Игоревомъ. Никшо не хошѣлъ сему вѣринъ, однакожъ Княгиня жена Игорева, послѣ многихъ вопросовъ, учинен- ныхъ сему радосшному вѣспнику, колеблющаяся между шпракомъ и надеждою, полешѣла шуда, въ сопровожденіи нѣкошорыхъ царедворцевъ своихъ. Граждане, слыша шо, всѣ поѣхали за нею. У кого коней не было, шли пѣшками. Люди всѣ, съ жевами и съ дѣшыми, вышли на срѣшеніе ему, въ шакомъ многолюдсшвѣ, что развѣ кшо крайней ради немощи ошался дома. Радосшь, не шокмо въ Новѣ- городѣ, и въ Сѣверской ошласпи, но и по всей Россіи была неописанная, шолику Князь сей ради благонравія своего и добледушія всѣми вообще былъ любимъ. (Ташищ. Ч. III страя. 270).

погасоша ветеру зари: (то есть: погасла вечерняя заря). Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. (То есть: Игорь спустилъ о себѣ слухъ, будто онъ спитъ, а въ самомъ дѣлѣ собирался въ путь и размышлялъ о томъ, какимъ бы образомъ безпрепятственно пробѣжать землю непріятельскую). Кожонъ въ полночи. Овлуръ свистну за рѣкою: велитъ Князю разумѣти. (То есть: конь въ самую полночь былъ уже готовъ. Овлуръ за рѣкою чрезъ условленный знакъ извѣстилъ о семъ Игоря). Князю Игорю не быть: (то есть: Князя Игоря не спало больше шамъ, гдѣ онъ былъ). Кликну стукну земля, возшуме права. Вежи ся Половецкіи подвизошася. (Въ предложеніи сказано: застонала земля, зашумѣла трава; двинулись заставы Половецкія. Слѣдовательно смыслъ данъ здѣсь такой, какъ бы сочинитель хотѣлъ сими словами изобразить смятеніе и тревогу, какая сдѣлалась между Половцами, когда они узнали о побѣдѣ Игоревомъ, и что спража ихъ пошчасъ во всѣ стороны послана была за нимъ въ погоню. Но мнѣ кажется вышесказанныя слова подлинника не иное что значатъ, какъ возставшую бурю, отъ копорой земля завывала, права зашумѣла, и шаны или шапры Половецкія попрысались. Я нахожу мысль сію

Ч а с т ь VII.

8

здѣсь гораздо приличнѣйшею, первое по-
тому, что и выше сего сочинитель начи-
наешъ описаніемъ бури: *прысну море полу-
нощи, идутъ сморци мглами*. Второе, что
въ бурную погоду Игорю безсомнѣнія удоб-
нѣе было уйти, нежели въ тихое время.
Третье, естли бы здѣсь *вежи ся Половецкія*
подвизошася значило, что засшавы Поло-
вецкія двинулись, побѣжали въ погоню за
Игоремъ, тогда нижесказанная рѣчь: *а*
Игорь Князь поскоти горностаемъ къ тростію
и проч., не могла бы ужѣ слѣдовать за сею;
поселику естественный порядокъ повѣствованія
требуетъ, чтобъ сперва сказано было
о побѣгѣ и переправѣ Игоря чрезъ рѣку, а
потомъ уже о погонѣ за нимъ). *А Игорь*
Князь поскоти горностаемъ къ тростію, и
бѣлымъ гоголемъ на воду; возвержеся на борзѣ
комонь, и скоти съ него босымъ волкомъ, и
потече къ лугу Донца, и полете соколомъ
подъ мглами избивая гуси и лебеди, завтраку
и обѣду, и ужинѣ. (Всѣ сіи подобія, сколь-
ни спранны кажутся уже намъ по нынѣш-
нему слогу нашему въ высокихъ пѣсняхъ
употребляемому, однако же заключають въ
себѣ острыя и справедливыя мысли: гдѣ
Князю Игорю надлежало тайно и бережно
проходить къ широкимъ рѣкамъ, тамъ и
походка ему дана шакова звѣрька, который
бѣгаетъ украдкою или съ опасеніемъ: по-

скоти горностаемъ; а гдѣ чрезъ воду надлежало переходить съ нѣкопорою бодростию или смѣлостію, шамъ и свойство приписано ему такой пщицы, которая красиво плаваешь и глубоко ныряешь: *пустился бѣлымъ гоголемъ на воду*. Послѣ словъ: *возвержеса на борзѣ конь*, выраженіе: *и скоти съ него босымъ волкомъ*, невразумительно. По смыслу рѣчи вмѣсто, *и скоти съ него*, долженъ спивало бы кажется сказать, *и скоти на немъ*; но прилагательное *босымъ* не представляешь разуму никакого удовлетворительнаго понятія. Послѣднія же слова: *и потете къ луку Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мглами избивая гуси и лебеди, завтраку, и обѣду, и ужинѣ*, безсомнѣнія изображаютъ, что Игорь ѣдучи по степямъ принужденъ былъ собственнымъ своимъ промысломъ кормиться, на подобіе сокола, который летая подѣ облаками ловить въ пищу себѣ пщицу). Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ волкомъ потете, труся собою студеную росу; преторгоста бо своя борзая комоня. (Разумъ сей рѣчи есть также весьма шемень; ибо что значить: когда Игорь лешѣлъ, тогда Влурѣ или Овлурѣ волкомъ шенъ? развѣ то, что Игорь ѣхалъ верхомъ, а Овлурѣ бѣжалъ за нимъ пѣшкомъ, какъ то заключать должно изъ послѣдующихъ двухъ рѣчей, изъ которыхъ въ первой сказано: *труся собою*

*

студеную росу, шо естѣ, отрясая оную ногами или пѣломъ своимъ съ правы, по которой онъ шель; а во вшорой: преторгоста бо своя борзая комоня, ежели преторгоста значипѣ ушомили, измучили, шо можепѣ быпѣ сочинипѣ разумѣпѣ подѣ симъ, что уже у нихъ одинъ конъ оспался, и что Игорь вѣхаль на немъ, а Овлуръ шель за нимъ пѣшкомъ. По крайней мѣрѣ другой мысли никакой я не вижу). *Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величїя, а Контаку нелюбія, а Руской земли веселїя.* (Каждое изъ сихъ шрехъ словъ, сказанныхъ рѣкою Донцемъ Князю Игорю, заключаешъ въ себѣ лестную для него похвалу: ибо въ самомъ дѣлѣ не мало ему величїя, когда непрїяшель, выпустя его изъ рукъ своихъ, сполько о семъ печалипѣся, сколько Россїя радуешся и веселипѣся. Впрочемъ разговоръ Донца рѣки съ Игоремъ, естѣ вымыслъ весьма упошребипѣльный у древнихъ спихопворцевъ: тако Ахиллесъ разговариваетъ у Гомера съ конями своими. Весьма вѣрояпно, что сочинипѣлю сей пѣсни Гомерова Иліяда была не безъизвѣстна). *Игоръ рече: о Донте! не мало ти величїя, лелѣявшу Князя на волнахѣ, сплавшущу ему зелену траву на своихѣ серебряныхѣ брезѣхѣ, одѣвавшущу его теплыми мглами подѣ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемѣ на водѣ, тайцами на струяхѣ, тернядьми на*

вътрѣхъ. (Сей опѣвътъ Игоревъ въкупѣ и величественъ и преисполненъ благодарныхъ чувствъ: ибо описываетъ рѣку Донецъ, аки нѣкое одушевленное существо, съ усердіемъ ему служившее и бодрственно его охранявшее. О Донецъ, говоришь Игорь, не мало и шебѣ славы! Ты несъ меня на волнахъ своихъ; ты вмѣсто одра подспилалъ мнѣ зеленую траву на серебряныхъ берегахъ своихъ; ты шеплошою гуспаго воздуха, какъ бы нѣкимъ покрываломъ, одѣвалъ меня подѣ сѣнію зеленыхъ деревьевъ; ты охранялъ меня сномъ покоящагося: всѣ плавающія по шебѣ ппицы, гоголи, чайки, черняди (*) были, какъ бы разспавленные окрестъ меня и на водѣ и на спруяхъ и на воздухѣ спражи, пекшіеся о моей безопасности). Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю-имѣя, пожориши тужи рутьи, и струги ростре на кустахъ. (По началу сей рѣчи слово не тако ли долженствовало бы означать вопросъ, но по смыслу всего нижесказаннаго Игорь не вопрошаетъ, а говоритъ, что въ подобномъ случаѣ рѣка Стугна не такимъ образомъ поступила. И попому въ словѣ не тако ли, частица ли безсомнѣнія присовокуплена

(*) Чернядь, родъ ушки. Отсюду явствуетъ, что слово сіе неправильно по простому нарѣчію пишушъ; чернеть. (См. Академ. Словарь).

ошибкою переписчика. Исключая оную смыслъ будетъ слѣдующій: не тако рѣка Спугна! свирѣпыя спруги ея, опъ впаденія въ нее многихъ другихъ рѣкъ широко разливаются, выступаютъ изъ береговъ, и выкидывая на нихъ плавающіе по ней спруги, разбиваютъ ихъ о кусты, по есъ о пни срубленныхъ деревъ, вокругъ которыхъ обыкновенно растетъ молодой кустарникъ). *Уношу Князю Ростиславу затвори Днепрѣ темнѣ березѣ.* Въ примѣчаніи на стран. 32 сказано, что юный Ростиславъ въ 1093 году во время сраженія съ Половцами утонулъ въ рѣкѣ Спугнѣ. Сіе взятое изъ исторіи обстоятельство объясняетъ приключеніе, о которомъ здѣсь говорится, но не объясняетъ смысла сей рѣчи: ибо чѣмъ значить: юному Князю Ростиславу затворилъ Днепрѣ берега темныя? То ли, что Ростиславъ плывши въ Днепрѣ утонулъ прежде, нежели успѣлъ достигнуть до береговъ онаго? или другое что? остается подъ сомнѣніемъ). *Плается мати Ростиславля по уноши Князи Ростиславѣ.* (То естъ: плачетъ мать Ростиславова по юномъ сынѣ своемъ). *Уныша цвѣты жалобю, и древо стугою къ земли приклонило, а не сороки втроскоташа.* (Здѣсь оканчивается разговоръ Игоревъ съ Донцемъ, а не тамъ, гдѣ въ предложеніи двоесточіемъ означено. (См. стран. 31). *На слѣду Игоревѣ*

ѣздитъ Гзакъ съ Контакѣмъ. (Обѣ сіи рѣчи, по естъ предъидущая и сія послѣдняя въ предложениіи исполкованы слѣдующимъ образомъ: „увяли цвѣтшы отъ жалости, прекло-
,,нились къ земаѣ деревья отъ печали. Не
,,сороки спрекочушъ, ѣздитъ по слѣдамъ
,,Игоревымъ Гзакъ и Кончакъ.“ Сличая пред-
ложеніе съ подлинникомъ находимъ мы въ
нихъ ту разность, что въ подлинникѣ сло-
ва: *а не сороки встрекоташа*, совершающъ
конецъ первой, а въ предложениіи сосставля-
ющъ онѣ начало второй рѣчи. Разсмотримъ
справедливо ли перенесены слова сіи изъ
одной рѣчи въ другую, и дѣлается ли чрезъ
то мысль сочинителя ясна и вѣрояна.
Возмемъ первую изъ сихъ рѣчей такъ, какъ
она въ подлинникѣ сказана: *уныли цвѣтшы
отъ жалости, и деревья отъ пегали къ земаѣ
преклонились, а не сороки застрекотали.*
Ясно, что сіи послѣднія слова, *а не сороки
застрекотали*, ни мало не связываются съ
первыми и не составляютъ никакова смы-
сла. Сего ради опустимъ ихъ отъ первой
рѣчи и перенесемъ во вторую, какъ то въ
предложеніи сдѣлано: *не сороки стрекотутъ,
ѣздитъ по слѣдамъ Игоревымъ Гзакъ и Кон-
такъ.* Но здѣсь также не составляютъ онѣ
никакова разума; ибо хотя въ старинныхъ
Рускихъ сочиненіяхъ сей образъ повѣствованія и употребленъ, какъ напри-
мѣръ:

не терная тута поднимается, собираются войска храбрыя; однако же въ шакомъ случаѣ всегда бываешъ между членами рѣчи нѣкоторое подобіе, какъ и здѣсь, собираніе войскъ, идущихъ на сраженіе, уподобляется чернымъ пучамъ, несущимъ громъ и молнію; но какое подобіе и какую связь имѣетъ спрекопаніе сорокъ съ погонею Гзака и Кончака за Игоремъ? Ипакъ, когда всячески изворачивая слова не можно ошъискать въ нихъ разума, тогда надлежитъ прибѣгнушь къ поправленію словъ, не примѣшится ли гдѣ въ нихъ такая ошибка, копорую исправля можемъ открыть мысль вѣроятную. Ежели мы разбирая рѣчь: *а не сороки впроскоташа*, положимъ, что въ словѣ *а не* пропущена буква *ж*, и что вставя оную получимъ слово *ажне*, значащее *такъ что*, тогда рѣчь: *уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли преклонило, аже сороки впроскоташа*, будешъ значить: *уныли цвѣшы отъ жалоспи, и деревья отъ печали такъ низко наклонили свои вершины, что сороки отъ спрахы и удивленія слѣбѣли съ нихъ и заспрекопали*. Сія мысль не имѣетъ въ себѣ ничего несогласнаго съ разумомъ, и пошому я почишаю ее вѣроятною). Тогда *врани не граяхутъ, галици помолкоша, по лозію ползоша только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, солови веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ*.

(То естъ: шогда враны не каркали, галки молчали, сороки не спрекошали, одни только дятлы ползали по сучьямъ (*), долбленіемъ, сирѣчь шукомъ носовъ своихъ, пущь къ рѣкѣ Донцу показывали, соловьи веселымъ пѣніемъ свѣпъ повѣдали. Сіе изображеніе глубокаго ушра весьма естественно: ибо дѣйствительно въ сіе время во всеобщемъ молчаніи слышны шокмо соловьиный голосъ и шуку дятловъ, яко предпечи восходящаго солнца и пробуждающейся природы). Молвитъ Гзакъ Контакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколига рострѣляевъ своими златыми стрѣлами. Рете Контакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевъ красною дѣвицею. И рете Гзакъ къ Контакови: аще его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама будетъ соколца, ни нама красны дѣвице, то потнутъ наю птици бити въ полъ Половецкомъ. (Смошри преложеніе сего мѣста и примѣчаніе на оное. Впрочемъ

(*) Чашашель, сличая преложеніе сіе съ прежнимъ преложеніемъ, примѣшивъ, что я мѣсто сіе не такъ понялъ, какъ шамъ оное истолковано. Тамъ сказано: сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ. Сорокамъ не свойственно ползати или двигатися по сучьямъ. Сочинившель говоритъ сіе о дятлахъ. Ошибка сія произошла отъ запятой, поставленной не въ своемъ мѣстѣ. Ибо напечатано: сороки не трекотали, по лозію ползати только, дятлове текотъ пущь къ рѣкѣ кажутъ; а надлежало бы напечатать такъ, какъ здѣсь напечатано, то естъ поставя запятую послѣ слова дятлове, а не послѣ слова только.

разговоръ сей Гзака съ Кончакомъ, изъ которыхъ одинъ хочешъ убишь, а другой женишь сына Игорева, не содержишь въ себѣ ничего особливаго и примѣчанія достойнаго).

Рекъ Боянъ и ходы на Святослава Ярославля Ольгова Коганя хоти: (рѣчь сія вояся невразумительна, и преложеніе оной: сказалъ сіе Боянъ, и о походахъ вослѣдствѣхъ имъ въ прежнія времена Князей Святослава, Ярослава и Ольга симъ контилъ, естъ паче собственная мысль преложителя, нежели исполкованіе, основанное на знаменованіи словъ подлинника. Выше сего видѣли мы, что слово *хотя* означаетъ супругу. Слово же *Коганъ*, какъ изъ древнихъ лѣтописцевъ видно, значить Царя, Владѣтеля, Князя. Но то ли самое сочинитель разумѣетъ здѣсь подъ словами *Ольгова Коганя хоти*, и какимъ образомъ рѣчь сію связать и вывести изъ ней смыслъ, добратъся шрудно).

Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли. (Похвала сія Игорю основана на слѣдующихъ уподобленіяхъ: какъ тяжко бытъ головѣ безъ плечъ, какъ худо бытъ тѣлу безъ головы, такъ Руской землѣ безъ Князя Игоря, который толико сіяетъ въ Россіи, колико солнце на небесахъ).

*Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоса трезв
море до Кіева. (Сочинитель изображаетъ
здѣсь радость, какую различныя страны
изъявляютъ, узнавъ о возвращеніи Игоре-
вомъ). Игорь ѣдитъ по Боричеву къ Святѣй
Богородици Пирогощей. (См. на стран. 34
примѣчаніе о сей Богоматери, къ которой
Игорь ѣздилъ, какъ думать должно, для при-
несенія благодарности своей Богу за изба-
вленіе свое изъ плѣна). Страны ради, гради
весели, пѣвши пѣснь старымъ Княземъ, а по-
томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святѣ-
славлиту, буйтуру Всеволоду, Владимиру Иго-
ревицу. Здрави Князи и дружина, побораю за
Христіянъ, на поганые полки. Княземъ слава,
а дружинѣ аминь. (Все сіе окончаніе не
имѣетъ нужды въ исполкованіи, поелику
само собою ясно) (*).*

(*) *Присовокупленіи и поправки.* іе, На страницѣ 62 подъ рѣ-
чью подлинника; *терны туги съ моря идуть, хотять*
прикрыти тетыре солнца, сказано въ исполкованіи: „вѣ-
„роятно, что подъ словами *тетыре солнца* разумѣются
„здѣсь четыре вождя, то есть: Игорь, Всеволодъ, Гзакъ
„и Кончакъ.“ На сіе мѣсто ошъ господина Члена Академіи
Тимоея Семеновича Мальгина прислано ко мнѣ слѣдую-
щее примѣчаніе: „здѣсь разумѣется о Россійскихъ только
„Князяхъ, бывшихъ въ семъ походѣ, Игорьъ Святославичъ,
„Всеволодъ Святославичъ Трубчевскомъ, Владимиръ Иго-
„ревичъ Пушивльскомъ и Святославъ Ольговичъ Рыль-
„скомъ, кои предводительствоваали каждый собственными
„войсками; а не о Половецкихъ Князяхъ.“ Сіе примѣча-
ніе нахожу я весьма справедливымъ, и для того здѣсь
оное помѣщаю.

а е, На справ. 75 говорихся о *Тралновой земли*. На сіе мѣсто сообщены мнѣ отъ господина Члена Академіи Пештра Борисовича Иноходцова два слѣдующія примѣчанія: 1е, „На Шмидовой картѣ Молдавіи и Валахіи, при „Академіи Наукъ изданной, есть городъ *Трално*, лежащій „на лѣвомъ берегу рѣки Пруша, не далеко отъ ея устья. „Извѣстно же, что первые Россійскіе великіе Князи пре- „бываніе и жителство свое имѣли около Дуная, и не рѣд- „ко чрезъ сію рѣку переправлялись. Въ Целляріевой древ- „ней Географіи на одной картѣ назначена между Пру- „шомъ и низовымъ Дунаемъ или Испромъ *Тралнова про- „винція*, не означаешь ли она *Тралнову землю*, о которой „здѣсь упоминаешь? 2е. „Траянъ царствовалъ съ 98 по „117 годъ по Р. Х. Онъ завоевалъ Дакію (нынѣ Волохія и „Молдавія), называемую тогда provincia Traiani (земля „Траянова), и основалъ въ оной нѣсколько Римскихъ селе- „ній. Самыя цвѣшущія времена для художествъ были „времена Траяновы: при немъ построены были чрезъ Ду- „най каменной мостъ, по имени его названный, коего „основки еще видны близъ развалившагося нынѣ замка „Северина. Итакъ вѣроятно начали считашъ годы отъ „его достопамятнаго царствованія; а въ общее упопре- „бленіе, у сосѣдственныхъ Роксолановъ или Россовъ, жив- „шихъ по Сѣверную сторону Днѣпра, вошло сіе гораздо „позже, потому можешь бытъ, что лѣтосчисленіе не „строгое наблюдалось.“

ПРЕЛОЖЕНІЕ ИГОРЕВОЙ ПѢСНИ

съ присовокупленіями, изъясніями, и распростираніями нужными для полного разумѣнія оной (*).

Возвѣстимъ, брашѣ, о походѣ Игоря, Князя Игоря Свяшославича, пѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудные повѣствовались подвиги. Начнемъ пѣснь сію

(*) Изъ вышепредложенныхъ на сію пѣснь примѣчаній моихъ видѣли мы, что нѣкоторыя въ ней мѣста, или по древности слога, или по неизвѣстности упоминаемыхъ приключеній, или по ошибкамъ опъ переписокъ вкравшимся, вовсе невразумительны; другія же шакъ крашки, что для связи своей съ послѣдующими, перебуиють распростираній, вводныхъ рѣчей, присовокупленій. Точное предложение сей пѣсни съ древняго Славенскаго на употребительное нынѣ нарѣчіе, при всей своей вѣрности, всегда будетъ споль же темно, какъ и самый подлинникъ. Сего ради разсудилось мнѣ предложить, или паче передѣлать оную такимъ образомъ, чтобъ оставая всѣ красшны подлинника, безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительныхъ мѣста сократить или пропустишь; прочія же, перебуиющія распростиранія, дополнишь своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умствованиями. Симъ средствомъ пѣснь сія опъ начала до конца сдѣлаешся ясною, и я надѣюсь, что сколь бы ни были собственныя мои распростиранія и присовокупленія слабы, но сплешенныя съ сильными выраженіями и красшами подлинника, нѣчто пріятное составлятъ онѣ для чшенія.

по бышіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣвъ хощѣлъ, распѣкался мыслию по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подѣ облаки. — Изъ древнихъ преданій извѣстно намъ, какимъ образомъ славные во браняхъ Князья и полководцы рѣшили соспязаніе свое о преимуществѣ. Десять мужей выѣзжали на чистое поле, каждый съ соколомъ на рукѣ; они пускали ихъ на спадъ лебединое: чей соколъ скорѣе долеталъ, шощъ и первенство одерживалъ, тому и пѣснь воспѣвалась, либо спарому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редю предѣ полками Косожскими, либо благозачному Роману Свяславичу. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на спадъ лебедей пускалъ, но вѣще персы свои на живыя спруны возлагалъ, тогда онѣ сами Князьямъ славу рокопали.

Простремъ повѣсть сію отъ временъ Владимировыхъ до временъ Игоревыхъ. Речемъ, какъ Игорь, крѣпкимъ умомъ великій, мужествомъ сердца своего, подвигнуый, преисполнясь духа ратнаго, навелъ храбрые полки свои на землю Половецкую за землю Рускую. Дышущъ славолубіемъ ополчается онъ на брань кровавую, собираетъ войско мужественное, вышупаетъ въ поле пространное. Внезапу небеса помрачаются,

солнце въ полудни меркнеть, ночь чернымъ покровомъ своимъ одѣваетъ землю. Безшрешныя доселѣ сердца воиновъ содрагающа: всякъ въ необычайномъ знаменіи сѣмъ мнишь видѣшь предвѣщаніе бѣдствія и перстъ прещенія небснаго. Но Игорь пребываетъ непоколебимъ въ намѣреніи своемъ; не устращаетъ его грозное чело нахмуренной природы: шолко же бодръ по средѣ мрака, колико и при сіяніи солнца, швердымъ и спокойнымъ гласомъ вѣщаетъ онъ воинамъ своимъ: „сподвижники и друзья, „мои! не опасайшеса необычной въ естество, „спивъ премѣны сей: она искушаетъ шерпѣніе наше, и да обрящешъ насъ шерпѣливыми. Всядемъ, друзья, на борзыхъ коней, „своихъ, да позримъ синяго Дону. Слава, „ожидаетъ насъ. Учасъ наша будетъ по, „бѣда или смершь, но не плѣнь. Хочу копие, „мое, съ вами Россіяне, преломишь по ко, „нецъ поля Половецкаго, хочу главу мою, „съ вашими главами положишь, или испишь, „шлемомъ изъ Дону.“

О Боянъ, соловей древнихъ лѣтъ! почти не пы полки сіи воспѣваетъ, паря за ними воображеніемъ, лешая умомъ подѣ облаками, вознося славу сего времени шолко же, колико вознесъ пы оную прежде, когда рыщущій по шпопамъ Трояновымъ воспекалъ пы съ нимъ съ полей на горы? Тебѣ

было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче, возгре-
мѣшь пѣснь Игорю!

Спекается отъ всѣхъ странъ воинство
Россійское, подобно соколамъ, не бурею въ
маломъ числѣ занесеннымъ чрезъ поля ши-
рокія, но аки бы многочисленныя спада га-
локъ собираются летѣшь къ Дону великому.
Коня ржущъ за Сулою, звенишь слава въ
Кіевѣ, трубы трубяшь въ Новѣ-градѣ,
стоять знамена въ Путивлѣ. Тамо ожи-
даешь Игорьъ любезнаго брата своего Все-
волода. Сердца ихъ одинакою къ славѣ пыла-
ють любовію; дружба не меньше соединяетъ
ихъ, какъ и союзъ крови. Но кто сей, испо-
лину подобный, шествуешь бодро и грозно?
отъ чего шолікая радость въ войскѣ Иго-
ревомъ, и на кого взоры всѣхъ обращаются?
Се Буйшуръ Всеволодъ приходишь величе-
свенно, и тако привѣстствуешь брата:
„одинъ братъ, одно у меня солнце свѣтлое,
„ты Игорь: сѣдай, возлюбленный братъ,
„борзыхъ коней своихъ; а мои уже осѣдла-
„ны, гошovy для тебя стоятъ у Курска.
„Мои Куряне мѣшко спрѣляють, подъ пру-
„бами повишы, подъ шеломами возлѣбяны,
„концемъ копія воскормлены. Пуши имъ
„вѣдомы, всѣ горы и доли знаемы, луки у
„нихъ напряжены, колчаны опворены, сабли
„изострены, сами скачущъ, аки сѣрые волки
„въ полѣ, ищучи себѣ чеспи, а Князю славы.“

Тако рекъ Всеволодъ и умолкъ. Тогда вступаетъ Игорь въ златъ спременъ, и разбѣжаетъ по чистому полю. Повелительный гласъ его раздается въ воздухъ и ударяетъ въ слухъ воинства: оно, дополъ какъ лѣсъ густой неподвижно споявшее, внезапно восколебалось, двинулось, устремилось въ пушь, блещетъ доспѣхами, шесшвуетъ: не шакъ дружно гонимыя вѣшромъ волны морскія несущся, какъ влекомые славою полки Россійскіе шекуть, поспѣшая достигнуть предѣловъ страны непріятельской. Вскорѣ приходятъ въ оную. Тамо съ пѣмочисленными встрѣчающіяся ужасами: вся природа возскалетъ на нихъ: густой мракъ расплывается по землѣ; темноша препинаетъ имъ пушь; огнь преска громовъ горъ твердосъ прясешся; грозная буря надъ главами ихъ шумашъ; злобѣщія пшицы черными крыльями машутъ надъ ними; хищные звѣри во кругъ ихъ спадами воютъ. Дивъ (*), сѣдѣщій на верху древа, прорицаетъ имъ бѣды, сѣликаетъ, призываетъ на помощь къ себѣ народы, велитъ, да повинуются гласу его окресшныя земли, и Волга, и море, и Сула,

---

(*) Слово сіе, происходящее или отъ *диво* (чудо), или отъ *дивій* (дикій), представляетъ здѣсь верховное Половецкое правительство, которое, аки нѣкое сѣдѣщее на высотѣ престолоа страшилище, печется чрезъ приумноженіе силъ своихъ нанести непріятелю всякое зло и вредъ.

тебѣ черный вранъ , нечестивый Половчанинъ !

Между тѣмъ полководцы непріятельскіе со мною ратью во срѣшеніе Игорю сѣшашъ къ Дону великому : Гзакъ въпереди , во слѣдъ же ему , какъ сѣрый волкъ , широкою пастію зіяющій , бѣжитъ Кончакъ .

Се настаетъ ужасный день : глубокаго утра свѣтъ кровавыми возвѣщается зарями ; чернобагровыя тучи идутъ съ моря , хощятъ зашмишь чешыре Рускихъ солнца , и землю одѣшь мглою ; въ нихъ синія шрепещутъ молніи : бытъ грому спрашному ; идти дождю спрѣлами съ Дону великаго . Поломаться туть копьямъ ! попрушиться туть саблямъ о шеломя Половецкіе , на рѣкѣ на Каялѣ , у Дону великаго ! О Руское воинство ! уже не та скорая предстоитъ тебѣ побѣда , какую одержало ты за Шеломянемъ . Се вѣтры , Сприбожи внуки , вѣютъ съ моря спрѣлами на храбрые полки Игоревы : земля кровію упучняется , рѣки мутно текутъ , облако подземлющихся изъ убіенныхъ тѣлъ паровъ сгущается надъ полями . Половцы идутъ , окружаютъ , накупаютъ и отъ Дона , и отъ моря , и отъ всѣхъ странъ . Россіяне всякъ подаются , но паки ополчаются и ратьютъ . Нечестивыя чада устремляются на нихъ съ воплемъ : храбрые Россы проливупоставляютъ имъ

щишы свои. Яршуръ Всеволодъ! шы въ переди всѣхъ, крѣпкая спража, сшоишь неподвижно, прыщешъ на враговъ спрѣлами, гремишь по шлемамъ ихъ мечемъ булашнымъ. Камо Туръ поскачешъ, своимъ злапымъ шеломомъ посвѣчивая, шамо лежашъ нечесшивыя головы Половецкія! Желѣзные Оварскіе шлемы оспрою саблею своею пополамъ разсѣкаешъ шы, Яршуръ Всеволодъ! Опъ чего воспрепещешъ, какая сила оспановишь, на какія опасности, или бѣды, или раны, или смершь, не ушпремишь пошъ, кого слава, съ опеческаго престпола, изъ града Чернигова, изъ злапыхъ княжескихъ чершоговъ, изъ роскошной и пріятной жизни, изъ обшій младай, прекрасной, ласковой супруги, повела въ ратное поле, въ чуждыя спраны, спашъ на сырой землѣ, сносишь и хладъ и зной, шерпѣшь и гладъ и жажду?

Были и въ, прежнія времена брани, были бѣды на Россію, паче опъ несогласія Князей, нежели опъ силъ непріятельскихъ. При Ольгѣ Святославичѣ сѣялись и росли междоусобія, водворялись неисповства, сокращались вѣки людей, гибли народы въ крамолахъ Княжескихъ. Тогда въ Руской землѣ рѣдко слышанъ былъ веселый гласъ земледѣльца; но часто враны спорясь о трупѣ жаркали, и галки, лешя на пояденіе мертвыхъ шѣлъ, радостно между собою погово-

ривали. Велики были и прошедшія бѣдствія, кровопролитны были и прежнія бишвы; но такой брани, какая нынѣ происходитъ, въ тѣ времена и неслыхано: съ утра до вечера, съ вечера до свѣша, лешящъ стрѣлы каленыя, гремящъ сабли по шлемамъ ударяемая, прещатъ копья булашныя, въ полѣ незнасмомъ, посредѣ земли Половецкой.

О пагубная брань! брань люшая! ты вѣчно будешь памятна. Увы! се изъ черной земли конскими копытами взрышой, косящими побіенныхъ Россіянъ усѣянной, кровію ихъ полианной, возрастаетъ, аки нѣкое многовѣтвистое древо, печаль, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающая!

Но что я слышу? что шумишь? что звенишь рано предъ зарею? Игорь полки свои обращаетъ и устремляется въ бой: жаль ему милаго брата Всеволода. Спѣшишь къ нему на помощь. Бьются день, бьются другой, на третій день падущъ спяги Игоревы. Тупъ два брата разлучаются на берегу быстрой Каялы, рѣки. Тупъ кроваваго вина недоспало. Кончился люшый пиръ. Престала смертная обноситься чаша. Упоены враги, но уже нѣкому упоять ихъ болабе: храбрые Россіяне всю кровь свою до послѣдней капли пролили, и всѣ легли за землю Рускую. Трава опъ жалости поникла, и дрѣвеса вершины свои печально преклонили.

Прошекли, братіе, веселыя времена;
 опустошающія поля наши; спраждутъ на-
 роды Даждь - Богомъ покровительствуемые.
 Насиліе въ видѣ грозной дѣвы вступило въ
 землю Рускую. Злоба враговъ нашихъ, какъ
 бѣлая на синемъ морѣ лебедь, играетъ, ра-
 дуется, плещетъ крыльями на Дону. Мино-
 вали злые дни: междоусобіе и вражда
 дѣлятъ Князей Рускихъ. Всякъ о своей
 шокмо корысти мыслитъ; братъ брату
 говоритъ: *се мое и то мое же*. Ничтожныя,
 маловажныя слова увеличиваются, сѣютъ
 между ими раздоры; всѣ они разрушая об-
 щія силы, сами на себя крамолу куютъ.
 Между шѣмъ непріятели отъ всѣхъ странъ
 приходятъ, нападаютъ на области наши,
 побѣждаютъ, разятъ, похищаютъ. Тако за-
 лепѣвшій далеко соколъ гонится за робки-
 ми пшцами, бьетъ ихъ, жметъ къ морю.
 Защитишь же насъ нѣкому: храбрыя войска
 Игорева не возстанутъ.

Полководцы Половецкіе Карна и Жля
 сначутъ по Руской землѣ, мычутся по гра-
 дамъ и селамъ, несятъ пламенный рогъ,
 преисполненный бѣдствій и золь, льютъ
 изъ него по всюду и огонь и пламень, и скор-
 би и печали, снѣдающія сердце, упомляю-
 щія душу, приводящія въ уныніе, въ изне-
 моженіе и силы и духъ всего народа. Ма-
 тери плачутъ о дѣтихъ; жены Рускія ры-

дають и воіюють: „лишились мы возлюб-
 „ленныхъ супруговъ своихъ; уже очи наши
 „не увидяють ихъ; уже мысленно не поле-
 „шимъ на встрѣчу къ нимъ; уже воображе-
 „ніе, что они идуць, несуть съ собою зла-
 „то и сребро, не усладишь надежды нашей!“
 Кіевъ стонеть, Черниговъ сѣхаетъ, тоска
 разливается повсюду; печаль, тучная, жир-
 ная, упишавшаяся слезами народа, ходишь
 по средѣ Россіи, топчешь ногами сердце
 ея кровію обливающееся. Князи наши другъ
 другу спавяють сѣщи, а нечестивые Полов-
 цы нападають, рыцють, грабятъ Рускую
 землю.

Храбрыя чада, Игорь и Всеволодъ, по-
 мрачили паки ту славу, на которую ошеть
 ихъ, Великій Святославъ Кіевскій, возвы-
 силъ Россію. Онъ былъ грозенъ, спрашенъ
 врагамъ. Съ сильными полками своими, съ
 оспрымъ въ десницѣ мечемъ, наступилъ онъ
 на землю Половецкую, пришопталъ холмы
 и рыпвины, возмупилъ рѣки и озера, иссу-
 шилъ попоки и болоша, и нечестиваго Ко-
 бяка изъ за рукава моря, опъ желѣзныхъ
 полковъ Половецкихъ, какъ вихрь испоргъ.
 Приведенъ былъ Кобякъ во градъ Кіевъ, въ
 черпоги Святославовы.

Тамъ Нѣмцы и Венеды, шамъ Греки и
 Моравцы, поють славу Святославу, пре-
 возносять дѣла, величаютъ подвиги его;

но вопреки тому хуляшъ, осуждаютъ Князя Игоря, что на днѣ Каялы Половецкой рѣки, лучшія, избранныя погрузилъ силы, и насыпалъ ее Рускимъ злагомъ. Рапныя дѣла часто судяшся по успѣхамъ: Князь Игорь пошерялъ добрую славу свою, и нажилъ худую славу Коціеву.

Все въ градѣ Кіевѣ уныло, веселіе пошупило главу свою, башни грустятъ, стѣны сѣшуютъ. Единъ обремененный лѣшми Свяшославъ не знаешъ приключившихся бѣдшвій. Вельможи, щадя спаросшъ его, скрываютъ ошъ него всеобщую печаль. Единожды видишъ онъ мушный сонъ, и вспревоженный духомъ, призвавъ бояръ своихъ, шако повѣдуешъ имъ оный:

„Въ сію ночь съ вечера на горахъ Кіевскихъ одѣвали вы меня, на шисовой кроваши лежащаго, чернымъ покрываломъ. „Черпали и подносили мнѣ вино съ ядомъ, смѣшенное. Изъ пусыхъ нечисыхъ раковинъ сыпали на лоно мое крупный жемчугъ, и спарались ласками своими меня, успокоишъ. Уже доски были безъ кнѣса (*) „на моемъ шеремѣ злаговерхомъ. Казалось „мнѣ, что съ вечера во всю ночь окрестъ

(*) Подъ словомъ кнѣса или кнѣзь разумѣется здѣсь жолобъ или брусъ, въ кошоромъ соединяющся верхніе концы кровельныхъ досокъ.

„Плѣнска въ дебряхъ каркали враны, и аки
 „бы расхищая нѣчто, носили къ синему
 „морю.“

Тогда бояре, прервавъ молчаніе, рекли
 Князю: „долго мы шайли, долго, храня дра-
 „гоцѣнное для насъ маспишой старосши
 „твоей спокойствіе, скрывали отъ тебя
 „общія напасши. Но бѣдствіе наше, прево-
 „сходишь мѣру, и не можемъ долѣе остав-
 „лять тебя въ невѣденіи. Познай Государь!
 „два сокола, Игорь и Всеволодъ, оставя
 „злащый престолъ свой, полешѣли искашь
 „града Тьмушароканя, полешѣли испишь
 „шлемомъ воды изъ Дону. Се крылья соко-
 „ловъ саблями нечеспивыхъ обрублены, и
 „сами они пушинами желѣзными опушаны.
 „Два дни продолжалось побоище; на претій
 „день покрыла шемноша свѣтъ: оба солнца
 „померкли, оба столпа багряные погасли, а
 „съ ними и молодые мѣсяцы, Олегъ и Свя-
 „тославъ, зашмились. Мрачная ночь рас-
 „простерлась надъ ними на берегахъ Каялы
 „рѣки. Возгордила побѣда сія Ханскую дер-
 „зость: буйные Половцы вломились въ пре-
 „дѣлы наши, и какъ шигры единогнѣзные,
 „свирѣпые, мычущся по Россіи, губяшь ог-
 „немъ, шопяшь въ водахъ. Уже слава наша
 „въ безславіе премѣняется, свобода превра-
 „щается въ неволю; изъ благоденствія и
 „пишины низвергаемся мы въ глубину золь.

„Уже Гопескія красныя дѣвы на берегу си-
 „няго моря звеняшъ доспавшимся имъ опъ
 „нечеспивыхъ Рускимъ злапомъ, поюшъ
 „грозное для насъ время Бусово, величаюшъ
 „свершившуюся надъ главами нашими месшъ
 „Шароканову; а мы, дружина пвоя, ушо-
 „паемъ въ горести.“

Тако вѣщали бояре и пошупя очи на
 землю умолкли. Тогда Великій Свяспославъ
 сіе со слезами смѣшенное изронилъ слово:
 „о чада мои, Игорьъ и Всеволодъ! не во бла-
 „гое время, обнаживъ мечи, пошли вы По-
 „ловецкую покоряшъ землю, и себѣ искашъ
 „славы. Безъ успѣха была первая побѣда
 „ваша; бесполезно пролили вы кровь нече-
 „спивую. Булашныя сердца ваши, въ горни-
 „лѣ мужества закаленные, щещино посреде
 „спяжкихъ оковъ рвущся днесъ и кипяшъ.
 „Чтѣ сошворили вы серебряной сѣдинѣ мо-
 „ей? Увы! Куда дѣвалась окружавшая меня
 „сила и богатство? Гдѣ многочисленныя
 „войска брата моего Ярослава? Гдѣ Черни-
 „говскіе Могущы, Были, Тамраны, Шельби-
 „ры, Топчаки, Ревуги, Ольберы? Гдѣ тѣ,
 „которые безъ щиповъ, съ единою булавою
 „въ рукѣ, спрашнымъ гласомъ и славою
 „прадѣдовъ своихъ гремящіе, ужасали и по-
 „бѣждали непріятелей? Нѣшъ ихъ болѣе.
 „Но вы, вельможи мои! вы возвѣспили мнѣ
 „о бѣдствіяхъ Россіи: мужайтесь же! пре-

„пояшишесь на брань со мною. Пойдемъ ,
 „дружина, сами, одни, возвратимъ прежнюю
 „славу нашу, и увѣнчаемся ею ни съ кѣмъ
 „не раздѣляя. Дивно ли спарому мнѣ помо-
 „лодѣшь? Когда въ младосиши соколъ изу-
 „чень бываетъ, то и въ преклонныхъ лѣ-
 „тахъ высоко взвивается, бьетъ, разго-
 „няетъ пшиць, не даетъ гнѣзда своего въ
 „обиду. — Ахъ! что вѣщаю я? немощь пло-
 „ши не повинуется бодрости моего духа!
 „Премѣнились времена: нѣтъ помощи ошъ
 „Князей. Всѣ они разсѣяны. Уримъ, гово-
 „ряшъ, легъ подъ саблями Половецкими, а
 „Володимиръ подъ ранами: горе шебѣ сынъ
 „Глѣбовъ!

„Великій Всеволодъ! опдаленный оп-
 „селѣ ниже мыслію лепишь ты опца шво-
 „его сохранишь престолъ. Ты можешь ве-
 „слами раскропишь Волгу, и шлемами вы-
 „черпаешь Донъ. Когда бы ты былъ здѣсь,
 „то Чага и Кошій были бы прахъ предъ шо-
 „бою. Съ удалыми сынами Глѣбовыми почто
 „изобрѣтаешь орудія? они у тебя живые
 „шерешеры: ты можешь ими спрѣляшь
 „по суху.

„Вы храбрые Князья, Рюрикъ и Давидъ!
 „Половцы равно и вамъ враги. Не ваши ли
 „позлащенные шлемы плаваютъ еще въ кро-
 „ви? Не ваши ли смѣлые воины, острыми
 „саблями пораженные, подобно уязвленнымъ

„воламъ, рыкають еще въ степяхъ незнае-
 „мыхъ? Сядьте, Князья, на борзыхъ коней
 „своихъ, вступишесь за новыя оскорбленія,
 „за землю Рускую, за раны храбраго Игоря!

„Ты осмомыслъ - Ярославъ, Князь Га-
 „лицкій! высоко сѣдишь ты на своемъ зла-
 „шюкованномъ престолѣ: ты желѣзными
 „полками своими Угорскія подпираешь го-
 „ры; ты Королю преграждаешь путь; ты
 „зашворяешь врага въ Дунай; ты великія
 „пьяжеспи мещешь чрезъ облака; ты суды
 „рядишь до Дуная. Грозы твои по землямъ
 „шекутъ. Безъ тебя Кіевляне были бы за-
 „перты: побою свободно и смѣло исходятъ
 „они изъ града своего. Отъ тебя Султаны
 „пространствомъ многихъ земель укрышся
 „не могутъ: ты смѣляешь ихъ съ злапаго
 „престола твоего. Смѣлай, многомоцный
 „Князь, Кончака, и нечесливаго Коція, за
 „землю Рускую, за раны храбраго Игоря!

„Вы мужественные Князья, Романъ и
 „Мстиславъ! важныя дѣла всегда обращали
 „на себя твердый умъ вашъ. Въ великихъ
 „предпріятіяхъ и трудныхъ обстоятель-
 „ствахъ всегда смѣло и высоко плавали вы,
 „подобно соколу на вѣтрахъ ширяющемуся,
 „и пшцу въ буйствѣ одолѣвъ хощему.
 „У васъ желѣзныя лапы и шлемы Лапин-
 „скіе: ими побѣдили вы многія земли и
 „страны Ханскія. Липва, Яшвяги, Деремела

„и Половцы, повергли предъ вами копья, и
 „гордые главы свои подъ мечи ваши пре-
 „клонили. Поперните ли вы, чѣмъ Игорь,
 „солнечнаго лишенный свѣта, пребылъ на
 „вѣки безславенъ, какъ древо зеленыхъ ли-
 „ствъ своихъ обнаженное? Половцы, не
 „спрашась болѣе храбрыхъ полковъ его, по-
 „рѣкамъ Росѣ и Сулѣ берущъ и дѣлящъ ме-
 „жду собою грады. Донъ кличетъ васъ Кня-
 „зья, и зоветъ на побѣду. Храбрые Ольго-
 „вичи уже возрасли, готовы изыти на брань.
 „Ингварь и Всеволодъ, и всѣ прочее Мстис-
 „славичи, знаменистаго гнѣзда шестокрылые
 „пшеницы, не побѣдами ль распростерли вы
 „власть свою? На что вамъ златые шлемы,
 „и мечи, и щиты Ляхскіе, когда вы другъ
 „друга защищать не будете? заградите
 „острыми стрѣлами своими путь нечести-
 „вымъ Половцамъ въ предѣлы наши, спань-
 „те за землю Рускую, за раны храбраго
 „Игоря!

„Единъ Изяславъ, сынъ Васильковъ, по-
 „звонилъ своими острыми мечами о шлемы
 „Липовскіе, вознесся славою превыше дѣда
 „своего Всеслава, но пораженный непріа-
 „тельскимъ оружіемъ, палъ подъ щитомъ
 „своимъ и кровію обогрѣлъ праву. Смерт-
 „ный одръ его былъ посреди поля. Дружину
 „его и съ нимъ птицъ крылья приодѣли, и
 „звѣри кровь полизали. Несчастный Князь!

„не было шуть съ шобою ни Брячислава,
 „братъ швоего, ни Всеволода. Одинъ сквозь
 „златое ожереліе изронилъ шы жемчужную
 „душу свою изъ храбраго шѣла.

„Уныла радость, поникло веселіе, гласъ
 „раздора и брани раздается повсюду. Тру-
 „бятъ воинскія шрубы. Ярославъ, и вы всѣ,
 „внуки Всеславовы, не хопѣли вы споятъ
 „дружно, преклонитежъ днесъ спяги ваши,
 „вложите посрамленные мечи свои во вла-
 „галища: уже вы славы дѣда своего лиши-
 „лись! вы крамолами своими начали наво-
 „дитъ нечесливыхъ враговъ на землю Ру-
 „скую, на жизнь Всеславою. Какихъ чрезъ
 „шо насилій не прешерпѣли мы опъ земли
 „Половецкой!

„На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, Все-
 „славъ, любя юную дѣвицу, скачетъ, какъ
 „люшый звѣрь, къ граду Кіеву, касается
 „копіемъ своимъ златаго Кіевскаго престо-
 „ла. Течетъ въ полуночи изъ Бѣла-града, и
 „тяжелыми сприкусами, на солнечномъ во-
 „сходѣ, опворяетъ врата Новгородскія,
 „попираетъ славу Ярославову, лшитъ изъ
 „Дудушокъ на Немигу рѣку. Тамо брань ки-
 „питъ жестокая: спелютъ головы какъ
 „снопы, молошатъ цѣпями желѣзными, на
 „шокѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу опъ
 „шѣла. Брега Немиги не правую были усѣя-
 „ны, усѣяны костями Рускихъ сыновъ.

„Князь Всеславъ распоряжалъ народами,
 „раздавалъ грады Князьямъ; рыскалъ, какъ
 „сѣрый волкъ, по въ Тьмушараканъ, по въ
 „Херсонъ: вездѣ и повсюду правилъ и учре-
 „ждалъ мудро. Но хотя подвиженъ былъ
 „шѣломъ, быстръ и крѣпокъ умомъ, однако
 „поспигнушый бѣдами часто спрадалъ. Ве-
 „лѣрѣчивый Боянъ разумно припѣвалъ ему :
 „ни хитрому, ни мудрому, ниже кто по
 „пшичьему гораздъ лешать, суда Божія не
 „миновашъ.

„О! спонашь шебѣ, Руская земля, вос-
 „поминая первую годину и первыхъ Князей
 „своихъ! сердце спараго Владимира не при-
 „гвождено къ горамъ Кіевскимъ: сего ради
 „осшановились спяги Рюриковы и Давидо-
 „вы. Между шѣмъ враги наши, подъемля
 „рога свои, какъ хоботами пашущъ землю
 „Рускую, и копыя ихъ поюшъ на Дунаѣ!“

Тако рекъ Свяшославъ. Великая душа
 его, въ шѣлѣ вѣшхомъ и сокрушенномъ, ко-
 леблется и мятется, подобно препещущимъ
 высокаго дуба листвѣямъ, когда бурный
 вѣтръ играетъ ими. Очи его сверкають еще
 искрами любви къ отечеству, но сѣдая гла-
 ва его невольно клонится уже къ персямъ.
 Мраченъ, углубленъ въ размышленіе, сѣдитъ
 посредѣ вельможей своихъ, печально окрестъ
 его стоящихъ. Безмолвное уныніе цар-
 ствуешь повсюду, въ домахъ, на спогнахъ,

и въ черпогахъ Княжескихъ. Единъ жалоспный гласъ рано по ушрамъ носился тихо по воздуху: младая прекрасная Ярославна, восходитъ на стѣны градскія, и проспирая взоры свои въ страну, куда вожделѣнный сердцу ея супругъ унесъ съ собою всѣ ея радости, плачетъ и вопіетъ:

„Полечу я горлицей по Дунаю, омочу
„бобровый рукавъ свой въ Каялъ рѣкъ, обо-
„шру Князю кровавыя раны его на шѣлѣ,
„увы! можешь быть уже охладѣвшимъ.“

Ярославна рано по ушрамъ на стѣнахъ градскихъ плачетъ и вопіетъ:

„О вѣшрь, водовластитель вѣшрь! По-
„что съ такою силою вѣешь ты, немоло-
„сердый? Почто на легкихъ крилахъ сво-
„ихъ носишь убійственныя стрѣлы на вои-
„новъ возлюбленнаго супруга моего? Мало
„ли для тебя пространныхъ морей, гдѣ ты,
„подъема къ облакамъ волны, можешь но-
„силь плавающіе по нимъ корабли? Чѣмъ
„я тебя прогнѣвила? за что разсѣялъ ты
„веселіе мое по степнымъ правамъ?“

Ярославна рано по ушрамъ на стѣнахъ градскихъ плачетъ и вопіетъ:

„О Днѣпръ, преславный Днѣпръ! ты,
„капясь въ землю Половецкую, каменные
„горы на сквозь пробилъ; ты въ войска
„Кобяковы носилъ на себѣ суда Святосла-
„вовы; принеси, славный Днѣпръ, принеси
Ч а с ь VII.

„но мнѣ супруга моего, да не посылаю къ
 „нему упренныхъ слезъ моихъ, сна лишен-
 „ная!“

Ярославна рано по упрамъ на стѣнахъ
 градскихъ плачешъ и вопіешъ:

„О свѣтлое, во вѣки не мерцающее солн-
 „це! для всѣхъ ты тепло и красно, для меня
 „одной холодно и мрачно. Почто, вѣчносія-
 „ющее! простерло ты знойные лучи свои
 „на воиновъ супруга моего? Почто въ полѣ
 „безводномъ изсушило жаждущую горшанъ
 „ихъ, и луки и стрѣлы въ упомянутыхъ
 „рукахъ ихъ сдѣлало бесполезными?“

Такъ по вся упра спонала и плакала
 молодая Игорева супруга; но слезы ея пре-
 мѣняются въ радость и веселіе. Вздошно-
 валось море въ полночи; идушь смерчи
 мглами: Богъ Князю Игорю пушь кажешъ
 изъ земли Половецкой въ землю Рускую,
 къ златому опеческому престолу. Погасла
 вечерняя заря. Игорь лежишь на одрѣ сво-
 емъ, но сонъ не смыкаетъ рѣсницъ его.
 Игорь бодрствуетъ, Игорь мыслію поля мѣ-
 рить отъ великаго Дону до малаго Донца.
 Конь въ полночи для него приговоренъ.
 Вѣрный проводникъ его Овлуръ свиснулъ
 за рѣкою. Князь преклоняетъ радивое ухо
 свое, внимлетъ сему условному гласу, воз-
 стааетъ немедленно съ одра своего, и уже
 стѣны жилища его не зряшь въ себѣ зна-

менишаго плѣнника. Взвѣль вѣтръ, возшумѣла шрава, потряслися вежи Половецкія: Князь Игорь, подѣ покровомъ мрака и бури, скачешъ горноспаемъ къ просннику рѣчному, пускаешся бѣлымъ гоголемъ на воду, вержешся на борзаго коня, шечешъ къ положимъ берегамъ Донца, рыщешъ какъ волкъ по полямъ, лешипъ какъ соколъ подѣ облаками, убивая въ снѣдъ себѣ гусей и лебедей. Тако, поощряя борзыхъ коней своихъ, опрясая холодную съ кусшовъ росу, мчашся, приносящся они къ рѣкѣ Донцу, и продолжающъ далѣе по ней пушъ свой.

Донецъ речешъ: „Князь Игорь! не мало „тебѣ величія, Кончаку печали, а Руской „землѣ веселія.“ Игорь же речешъ: „о „Донецъ! не мало и тебѣ величія, несшему „меня на волнахъ своихъ, посшипавшему мнѣ „мягкую шраву на серебряныхъ берегахъ шво- „ихъ, одѣвавшему меня шеплыми мглами „подѣ сѣнію зеленыхъ древесъ, охранявшему „меня вѣрною спражею швоею: гогольми „на водахъ, чайками на спруяхъ, чернядьми „на вѣспрахъ. Не похожа на себя Спугна „рѣка: она, пожравъ многія ручьи, свирѣ- „пыми спруями широко разливаешся, погло- „щаешъ берега, извергаешъ изъ себя спруги, „и раздираешъ ихъ влача по каменьямъ и „пнямъ. Она юному Князю Роспиславу за- „градила пушъ къ Днѣпру и погребла его

*

„въ шумныхъ волнахъ своихъ. Плачешъ мать
 „Роспиславова по юномъ сынѣ своемъ, и
 „вмѣстѣ съ каплющими ея слезами увяда-
 „юшъ отъ жалости цвѣты, и деревья отъ
 „печали шакъ низко вершины свои прекло-
 „няюшъ, что сороки слетѣвъ съ нихъ спре-
 „кочушъ въ ужасѣ надъ ними.“

Между тѣмъ по слѣдамъ Игоревымъ
 ѣздяшъ Гзакъ и Кончакъ. Глубокое упрое и
 нишина царствуюшъ въ природѣ. Враны не
 каркаюшъ, галки молчашъ, сороки не спре-
 кочушъ; одни только дятлы, по сучьямъ
 ползая, спухомъ носовъ своихъ пушъ къ рѣ-
 кѣ кажущъ, и соловьи веселыми пѣснями
 свѣшъ повѣдаюшъ. Гзакъ говоришъ Кончаку:
 „упустивъ изъ рукъ сокола, позлащенными
 „стрѣлами разстрѣлемъ соколенка.“ Кон-
 чакъ отвѣчаетъ: „упустивъ изъ рукъ со-
 „кола, опушаемъ соколенка красною дѣви-
 „цею.“ Гзакъ вопреки вѣщаетъ Кончаку:
 „когда опушаемъ его красною дѣвицею, то
 „не сбережемъ у себя ни соколенка, ни дѣ-
 „вы; прилепашъ къ намъ Рускія пшцы, и
 „начнушъ насъ бишъ въ полѣ Половецкомъ.“

Рекъ нѣкогда Боянъ: „пляжко шебѣ, го-
 „лова, безъ плечъ; худо шебѣ, тѣло, безъ
 „головы.“ Тако и Руской землѣ безъ Игоря:
 какъ солнце свѣтитъ на небесахъ, шакъ
 Игорь сіяетъ въ Руской землѣ. Игорь воз-
 вратился: съ нимъ возвратились бодрость

и мужество. Дѣвицы поюшъ на Дунаѣ. Вьюш-
ся голоса чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ
по Боричеву къ Богородицѣ Пирогощей:
приносится о избавленіи его Богу благода-
реніе. Страны радуются, грады веселятся!
Прославляются усами народа Князя, въ
началѣ старыя, попомъ мѣлае. Воспѣша
слава Игорю Святославичу, Буйшуру Все-
володу, Владимиру Игоревичу. Здравы Князя
и дружина, поборають по Христіанамъ,
ополчאותся прошивъ нечеспивыхъ: слава
Князьямъ и дружинѣ!

ДАФНИСЪ

СОЧИНЕНИЕ ГЕСНЕРА.

Переводъ съ Нѣмецкаго (*).

К Н И Г А I.

На рѣкѣ Неипѣ (**), исходящей изъ Клибанскихъ горъ, и подъ зелеными сводами быспро по лугамъ текущей и ударяющейся съ яростию въ деревья и брега, посвятили пастухи нимфамъ небольшой островъ, лежащій въ шѣни высокихъ соснъ и пополовъ. Посреди сего острова стояла гора, внутри копорыя находилась пещера нимфъ, гдѣ пославлены были вырѣзанные искусно изъ липоваго дерева ихъ испуканы, имѣющіе въ рукахъ урны, а на головахъ вѣнки изъ проснника. Тамо сіи богини съ зелеными власами иногда между древесъ прохаживаются,

---

(*) Первымъ изданіемъ напечатано при типографіи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго корпуса 1785 года.

(**) Неипа, или Неета, рѣка, текущая между Кропона и Пешеллы въ Ионическое море.

а иногда съ легкостію преплывають на другой берегъ, и пошѣмъ на горахъ обсыхаютъ, и почиваютъ на солнцѣ. Волны плещутъ тамъ тихо, аки бы играя съ омоченными пѣною кореньями ивъ и сарбаховъ, стоящихъ вдоль по берегу, производя шумъ пріятнѣйшій пѣснопѣнія.

Какъ скоро юная весна приходишь, собираются паспухи и паспушки съ обоихъ береговъ, и приносятъ нимфамъ лѣшорасли древъ, склоненными вершинами своими рѣку осѣняющихъ, и цвѣшны, при водахъ распушіе, и просятъ нимфъ повелѣть волнамъ, да не попопляютъ болѣе полей ихъ, и береговъ и древъ свирѣпствуя да не поглощаютъ.

Однажды въ ясную погоду съ обоихъ береговъ плылъ къ острову цѣлой флотъ челночковъ. Въ каждомъ челночкѣ подъ зеленою кровлею благоуханныхъ травъ и цвѣтовъ сидѣли съ веселіемъ паспухи и паспушки. Цѣпи цвѣшныя обвивались вокругъ длинныхъ шестовъ, даже до самой вершины, гдѣ ленты и вѣнки высоко въ воздухъ развѣвали. Они шуда плыли сопровождаемы пріятнымъ гласомъ свирѣлей и пѣсенъ, и пристали къ острову. Толпы юношъ и дѣвицъ вышли на берегъ, дѣвицы, которыхъ прелести самихъ богинь приводили въ зависть; каждая изъ нихъ одна передъ другою

привлекала на себя взоры боговъ, низшедшихъ на облакахъ съ Олимпа, и богинь въ уединеніи оставившихъ. Ибо красота восхищала шуть различными прелестями: иная прельщала стройнымъ и высокимъ станомъ, другая бѣлизною лица и пріятностію круглой груди; здѣсь подобное Діянину важное лице нравилось, шамъ усмѣшка Венерина плѣняла; индѣ представлялась очамъ созрѣвающая юность на подобіе произрастающей изъ пучка розы, а индѣ совершенная младость на подобіе розы уже распускившейся. Онѣ приближались попарно, вошли въ священную пещеру, и повергли корзинки свои наполненныя цвѣтами къ ногамъ нимфъ, и обвязали ихъ цвѣтами изъ цвѣтовъ, и украсили вѣнками. Тогда вышла младая Филиса принести вѣнокъ свой и цвѣты. Она прекрасна была какъ Грація; веселіе и невинность на маленькомъ личикѣ написанныя сопровождали каждый шагъ ея; черные глаза ея и пріятная улыбка побѣдоносны были какъ сама любовь. Такой видъ имѣетъ молодая роза, прекраснѣйшая всѣхъ прочихъ цвѣтовъ, вокругъ ея распускающихся; лщещно манящъ они пчелу въ сомнѣніи около ихъ лешающую, она видитъ розу, и не ищетъ себѣ другаго цвѣтка.

Дафнисъ прекрасный юноша быспрыми очами облещѣлъ шолпы дѣвицы; взоры его

встрѣтились съ пронзительными взорами многихъ пастушекъ, которыя смотрѣли на него съ улыбкою, потомъ тихо другъ другу шептали нѣчто въ уши, и потомъ опять съ пріязненною улыбкою на него смотрѣли. Тогда увидѣвъ онъ Филису, тяжкій вздохъ изъ груди его вырвался, краска выступила въ лице, и глаза его неподвижно на нее устремились. Она взглянула на него и пошупила взоры на землю, пошла назадъ и опять стыдливо на него взглянула; тогда зашрепепалаъ Дафнисъ, сердце его заняло, онъ смотрѣлъ на нее съ горячностію, исполненъ страха, чѣмъ не упустилъ ее во многолюдствѣ изъ глазъ, однакожъ онъ не упустилъ ее, она стояла у него въ виду и разговаривала со своими подружками; часто взоръ ея обращался на Дафниса, но пошчасъ паки съ робостію пошуплялся въ праву при ея ногахъ; иногда высокая пастушка зашпанавливала Филису, тогда сердился Дафнисъ, а когда сія пастушка отшупала къ сторонѣ, тогда въ очахъ его сіяла новая радость: такъ радуясь луга, когда свѣтлый мѣсяцъ вышелъ изъ за облака о-сребришь ихъ своими лучами.

Уже всѣ цвѣтны повержены были къ ногамъ Нимфъ, и уже пастухи украсили ихъ вѣнками, тогда дѣвицы и юноши раздѣлились на разные лики и сшали другъ прошивъ

друга, Дафнисъ спалъ прошиву Филисы, и погда лики дѣвицъ одинъ за другимъ пѣли похвальныя Нимфамъ пѣсни.

„Вы Нимфы! (пѣли онѣ) въ пещерахъ
„рѣки сея обитающія; и вы Нимфы! съ
„каменныхъ горъ урны свои съ шумомъ низ-
„ливающія, будуще, о будуще благосклонны
„пасухамъ у пошочковъ рѣки сея живущимъ.

„Мы цвѣтущую на берегахъ весну сняли
„съ деревъ; мы похищили у полей цвѣшны,
„и въ священную вашу принесли пещеру,
„вы Нимфы въ рѣкѣ и на высокихъ горахъ!

„О будуще благосклонны пасухамъ у
„пошочковъ рѣки сея живущимъ! да не свер-
„гающе волны плодоносныхъ деревъ, и по-
„лей, и луговъ да не пощипываютъ; погда
„можете вы на берегахъ въ пѣни прохаживать-
„ся и по цвѣтамъ гулять, вы Нимфы
„въ рѣкѣ и на высокихъ горахъ!

Такъ пѣли лики дѣвицъ, а пасухи при-
япно къ шому играли на свирѣляхъ. Дафнисъ
внималъ прилѣжно, не услышитъ ли Филип-
сина голоса, и забывалъ играть на свирѣли.

И се мѣсяцъ изъ опдаленныхъ холмовъ
спалъ уже являлся, юноши и дѣвицы по-
шли обратно къ своимъ челночкамъ. Филип-
са пошла также къ своему, и посмотрѣла
на Дафниса; темноша придала ей смѣлости;
она приспально устремила на него глаза,
и вздохнула; тихо шла она къ берегу и

часто озиралась назадъ. Дафнисъ стоялъ шамъ и печально смопрѣлъ за нею вслѣдъ, и забылъ бы сѣсть въ челночокъ, естѣлибъ другіе паспухи не возбудили его опъ задумчивости; онъ вошелъ въ челночокъ, сѣлъ въ немъ, и печальными очами провождалъ шѣхъ, кои на другой берегъ поплыли. Все исполнено было веселіемъ, съ обѣихъ сторонъ слышно было со гласомъ свирѣлей пріятное смѣшеніе пѣсенъ, по всѣмъ холмамъ вдоль по рѣкѣ вѣхомъ разносимое. Юноши и дѣвицы, сидѣвшіе въ челночкѣ съ Дафнисомъ, смѣялись и шутили и пѣли; одинъ Дафнисъ былъ нѣмъ, и смопрѣлъ на другой берегъ, и пѣлъ только тогда съ ними, когда они о любви воспѣвали, съ великимъ чувствіемъ пѣлъ онъ тогда.

Такимъ образомъ печаленъ вышелъ онъ на берегъ и пошелъ къ своему шалашу; предсталъ предъ спарика отца своего, которой радостными очами его вспрѣшилъ, спрашивалъ о праздникѣ, и потомъ рассказывалъ ему, какъ часто видалъ онъ, что свирѣлая рѣка берега пошопляла, и на ярыхъ волнахъ плодоносныя древа уносила, и какъ нерѣдко челноки и паспуховъ поглащала. Дафнисъ безмолвенъ внемлетъ ему, потомъ отходитъ изъ шалаша своего, останавливается подлѣ одного дерева, и видитъ всю спрану лун-

нымъ сіяніемъ освѣщенну, шамъ спойшь онъ печально и воздыхаешь.

Что со мною сдѣлалось? (тихо самъ себѣ говоритъ) что я чувствую? опъ чего сердце во мнѣ шрепещетъ, и для чего я вздыхаю? для чего не могъ я опшрашишь опъ нея взоровъ своихъ? для чего боялся я, когда ты опъ меня удалялась? для чего я и теперь еще боюсь? для чего ты непре-
спанно мечтаешься мнѣ, прекраснѣйшая паспушка? ахъ! я еще и теперь всегда вижу, какъ русыя твои волосы часпію въ вѣнокъ заплетенныя! часпію по плечамъ и по груди распущенныя возвѣвали! по молодой твоей, прелестной груди! а черные твои глаза! ахъ, въ какое приходилъ я безпокойство, когда они съ ласкою на другава паспуха смотрѣли! а когда они съ умиленно-стію на меня обращались, тогда взоръ твой проникалъ въ самую внутренность души моей: ахъ! я тебя люблю. Какое щастіе, есѣлибъ и ты меня любила! Часто взгляды наши встрѣчались, и тогда подобно мнѣ пошупляла ты ихъ на землю. О есѣли бы то знакъ былъ твой ко мнѣ любви! но гдѣ ты? ахъ, можешь быть далеко опъ меня! Образъ только твой не выдешъ никогда изъ памяти моей: онъ предо мною будетъ, когда я сплю; онъ, когда я пробужусь; онъ, когда я спану пасши снада; онъ, когда я

скопѣ своей погоню къ рѣкѣ; онъ, когда я пойду въ рощу: но ахъ, чей онъ, шу можешь быть я никогда не увижу.

Такъ говорилъ Дафнисъ, потомъ облакошился на пѣнь, и смотрѣлъ на тихой мѣсяцъ и вздыхалъ: шакъ любезна она, (говорилъ онъ) шакъ прекрасна какъ ты, мѣсяцъ! шакъ прекрасна предъ другими дѣвицами, какъ ты предъ другими свѣпилами вокругъ себя сіяющими. Потомъ онъ опять умолялъ, стоялъ неподвижно, вздыхалъ и жалобы свои произносилъ прерывно, доколѣ сонъ не позвалъ его въ шалашъ. Сонъ его былъ сновидѣніе о Филисѣ, онъ пробудился и хотѣлъ ее обнять, но схвативъ обманувшимися руками пустую пѣнь, шяжко воздохнулъ. Благопріятная упренная заря побуждала иногда его къ пѣнію, но шеперь и пѣсни ему на умъ не шли, онъ вышелъ тихо изъ своего шалаша, и погналъ съ горестію небольшое стадо свое въ луга. Тамъ нашель онъ паспуховъ, съ веселіемъ споящихъ, и о праздникѣ Нимфъ разговаривающихъ. Тотъ показывалъ ленточку, которую подарила ему паспушка; другой вѣнокъ, которой любезная его надѣла ему на голову; иной хвасталъ цвѣтами, которые унесъ онъ съ груди у паспушки: а иной пѣлъ новую пѣсню, которую въ челночкѣ перенялъ онъ у дѣвокъ. Дафнисъ иногда слушалъ ихъ, а

иногда былъ безъ всякаго вниманія, онъ разсказывалъ имъ, разсказывалъ съ великимъ жаромъ и воспоргами, какъ видѣлъ онъ прекраснѣйшую паспушку, тогда лукавые паспухи смѣялись и говорили ему: Дафнисъ! ты любишь эту паспушку! Онъ хотѣлъ любовь свою опъ нихъ утаить, тогда паспухи заглянули ему въ глаза, онъ покраснѣлъ, и тогда они еще больше смѣялись.

Любовь его опчасу умножалась, соповарищество паспуховъ стало ему непріятно; онъ началъ спада свои гонять въ уединенныя долины, къ ручейкамъ, подъ тѣнію кустовъ журчащимъ; попомъ у ручейковъ ему не понравилось, онъ пошелъ въ рощу, роща ему наскучила, онъ пошелъ на берегъ и смотрѣлъ на другую сторону и плакалъ, что рѣка разлучаетъ его съ любезною паспушкой. Такъ уркуешь и спонешь горлинка, и лешаетъ жалостно вокругъ дерева, подъ которыми жестокой спрѣлокъ убилъ ея голубка. Паспухамъ жаль было Дафниса, они всѣ его любили. Гдѣ Дафнисъ? (говорили они), мы съ тѣхъ поръ не веселимся, какъ онъ насъ оставилъ, онъ оживлялъ наши утѣхи, прелюбезной паспухъ, которой лучше всѣхъ умѣлъ пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Паспушки спрашивали также: гдѣ Дафнисъ? и когда слышали о его любви, многія изъ нихъ опечалились.

Часто уединенный Дафнисъ сидѣлъ на рѣкѣ или въ рощѣ, тогда не спя утѣпалъ онъ въ сонныхъ мечтаніяхъ: казалась ему его любезная, онъ рассказываетъ ей о своей любви, она краснѣетъ, онъ жметъ и цѣлуешь у нея руку, она хочетъ опъ него удалихся, онъ объемлетъ ея колѣна и плачетъ, она вздыхаетъ и усмѣхается, напоследокъ садихся подлѣ него, онъ цѣлуешь ее ненасытно, она цѣлуешь его также, и тогда онъ крѣпко прижимаетъ ее къ своей груди; потомъ печальныя приходящъ къ нему мысли, что любезная его далеко опъ него, что можешь бышь онъ ее никогда не найдетъ, тогда шрепепалъ онъ опъ страха и плакалъ шакъ, что слезы у него лились ручьями. Не рѣдко садился онъ въ челночокъ, и преплывалъ на другой берегъ искашь своей пастушки; бѣгалъ по берегу, всходилъ на пригорки, смотрѣлъ быспрыми очами въ долинахъ, бродилъ по лугамъ, по рѣчкамъ, и всегда безупѣшенъ возвращался назадъ. Не ужъ ли вѣчно' буду я тебя искашь напрасно? (вопіялъ онъ) вѣчно напрасно! однако шану искашь по всѣмъ мѣстамъ, шану искашь по всѣмъ рощамъ, шану искашь по всѣмъ ручейкамъ. О боги! какое щастіе, естли я ее найду.

Какое дерево освѣняетъ тебя шеперь, прелесшная пастушка? (часто онъ мыслишь)

какой легкой вѣперокъ прохлаждаетъ себя и возбѣваетъ свои волосы? не почитаешь ли ты при источникѣ? шепишь тихо, вы волны, не мѣшайте ея сну. Ахъ! есѣли бы ей обо мнѣ снилось! шумишь громко, вы волны, есѣли ей о другомъ пасухѣ снился; о боги! есѣли она другава видѣшь во снѣ, есѣли она другава любишь, есѣли нѣжными руками своими другава объемлешь, есѣли другой цѣлуешь ея прекрасное лице; ахъ, что я тогда буду; боги! что со мною спанешся? я уйду, удаюсь, въ глубокія запрусь пещеры грустить шамъ и пошомъ . . . . ахъ! умереть безъ утѣшенія!

Уже отъ времени разцвѣта до времени жашвы мучила его любовь, все теперь въ полномъ было веселіи, одинъ Дафнисъ не могъ ни чѣмъ утѣшаться. Загорѣлые жашели зацѣли пѣсни и пошли на пучныя нивы; Дафнисъ пошелъ помогать имъ; ибо во время жашвы при спадахъ немногіе пасухи осѣаются. Они длинными шли рядами, и одни блестящимъ серпомъ желтые подсекали класы, а другіе вязали ихъ въ снопы, и когда приходилъ полдень или вечеръ, то собирались они подъ тѣнь ближайшаго дерева, насыщались шамъ пищею и прохладались пишемъ, и цѣли въ часъ

Ч а с ѣ VII.

11

Цереры жашвенныя пѣсни, между пѣмъ какъ полный крушець вокругъ ихъ обносился. Жашели, и пѣ, кошорые вяжущь снопы, сѣли другъ прошивъ дружки, и всѣ въ голосъ запѣли.

„О ты класами вѣнчающая себя, бѣлокурая Церера, прими благодареніе наше за богашую жашву и за зрѣлыя зерна.“ А попомъ пѣли пѣ, кошорые снопы вяжущь: „вы бодрые жашели, не спойте праздно опершись на кривые серпы, чшобъ пѣ, кошорые вяжущь снопы, не были безъ дѣла.“ А попомъ пѣли жашели: „вы прохладные вѣшперки, не улетайте съ поля ошъ жашелей и во власы имъ вѣя прохлады, ждайте ихъ ошъ солнечнаго зноя.“ А попомъ пѣли пѣ, кошорые вяжущь снопы: „пой свою веселую и громкую пѣсенку, ты спрекоза, кошорая вокругъ насъ скачешь; а ты, о крушець, не будь никогда пущь при такомъ зноѣ!“ Попомъ пѣли ряды жашелей: „И когда ты, прохладной вечеръ, придешь, то найдешь поле сіе обнаженнымъ, а мы, мы поючи пѣсни пойдемъ тогда по короткимъ жнивамъ домой.“ А попомъ пѣли всѣ: „о ты класами вѣнчающая себя, бѣлокурая Церера, прими благодареніе наше за богашую жашву и за зрѣлыя зерна.“

Такъ пѣли жашели. Дафнисъ! (говорили они) ты не весель и не поешь. Но Дафнисъ вздыхалъ и молчалъ.

Уже поле обнажено было, плугъ и сѣпелъ ходили по оному, и паслухи возвращались къ своимъ спадамъ; Дафнисъ сидѣлъ однажды на рѣкѣ и слышалъ, что нѣкто вдали играетъ на двухъ свирѣляхъ; онъ никогда еще такъ пріятнаго голоса не слышалъ, грудь его сладкимъ удовольствіемъ наполнилась; чѣмъ ближе голосъ сей становился, тѣмъ больше сердце его расло отъ радости и въ пріятныхъ восторгахъ ушлопало; и овцы его перестали бѣсть праву и слушали; и пшички на деревьяхъ умолкли и слушали; и вся страна въ безмолвномъ любострастіи слушала. Между тѣмъ Дафнисъ увидѣлъ молодова опрока, копорой къ нему шелъ и игралъ на двухъ свирѣляхъ. Опрокъ сей былъ пригожъ какъ вышупающая изъ пучка роза, ничто не прикрывало нѣжнаго и мягкаго шѣла его, ничто бѣлыхъ и круглыхъ рукъ; красою умильнаго личика своего не уступалъ онъ Граціи, а золошья кудри его переплешены были наилучшими цвѣтами.

Опрокъ подошелъ къ Дафнису, копорого нѣкій ужасъ объялъ. Паслухъ! (говорилъ ему опрокъ) поди, перевези меня на ту сторону рѣки. Дафнисъ опвязалъ чел-

* .

ночокъ свой, и опрокъ въ него вошелъ. Волны, кошорыя впрочемъ съ яростію въ челночокъ ударяли, шекли шеперь тихо, и цѣлуя челночокъ съ плёскомъ опъ него опскакивали. Они скоро переѣхали черезъ рѣку; тогда опрокъ скочилъ на берегъ и сказалъ: паспухъ, я купидонъ, богъ любви; поди шуда, гдѣ испочникъ между кустовъ шечешъ; поди внизъ испочника по кустамъ, тамъ получишь шы за шруды свои награду.

Такъ сказалъ купидонъ, и исчезъ; и гдѣ онъ исчезъ, тамъ процвѣла вдругъ роза. Дафнисъ запрепешалъ и шполялъ долго въ изумленіи. Попомъ оставилъ священное сіе мѣсто и побѣжалъ къ испочнику, и пробирался сквозъ кусты, исполненъ смущенія и восторга. О ешъли бы я нашелъ Филису! (говорилъ онъ) ахъ! . . . чѣмъ хочешъ наградишь меня купидонъ? Но . . . я льщусь мечшою! ахъ, ешъли бы я нашелъ Филису! (шакъ говорилъ онъ, между шѣмъ какъ скорымъ бѣгомъ сплешшіся между собою разрывалъ вѣтви). Напослѣдокъ кусты раздѣлились на двѣ шпороны, а между ими явилась небольшая долина, цвѣтами испещренная, которую обшекалъ чистшой испочникъ.

Дафнисъ взорами своими недолго заблуждалъ по сей долигѣ, онъ увидѣлъ Филису, она облакошясь на руку лежала подлѣ испочника и грустила. Ешъли бы онъ

здѣсь былъ, (говорила она) есѣли бы онъ
здѣсь былъ; эшопъ вѣнокъ надѣла бы я
ему на голову. Ахъ, какъ я тебя люблю!
сказала бы я ему. Но гдѣ онъ? ахъ! далеко
отъ меня, далеко; на чшожъ мнѣ и вѣнокъ,
изорву я его. Она изорвала вѣнокъ и ошер-
ла текущія изъ очей слезы; тогда шель
нѣкшо по кустамъ, она оглянулась, и эшо
былъ Дафнисъ. Боги! (вскрикнула она) и
вскочила. Дафнисъ стоялъ тамъ смущенъ,
шрепещущъ, наподобіе древа легкимъ вѣ-
шкомъ колеблемаго; потомъ бросился онъ
къ ней, она ошспунила назадъ, онъ взялъ
у нея руку, прижалъ ее къ ушамъ своимъ,
и вздыхалъ, и не могъ сказать ни слова,
лишь устремилъ на нее спрасшныя взоры,
въ которыхъ все его сердце и всѣ пламен-
ныя чувствованія ясно изображались. Фи-
лиса! (произнесъ онъ со вздохомъ) Фили-
са! . . . . ахъ! . . . . я слабъ перенести
такую радость. Дафнисъ! ахъ . . . . Даф-
нисъ! (промолвила она), потомъ опять
умолкла и вздохнула. Ахъ, Филиса! (вскри-
чалъ онъ) ахъ! что я претерпѣлъ съ тѣхъ
поръ, какъ съ тобою видѣлся! ахъ! ты
только одна непрестанно наполняла мои
мысли, тебя одну видѣлъ я въ лугахъ, тебя
одну въ рощахъ, тебя одну когда спалъ,
тебя одну когда просыпался! Я богамъ по-
добенъ щасіемъ, есѣли ты меня любишь!

Дафнисъ! промолвила она вздохнувъ, и прослезясь пошупила глаза на землю, ахъ, какъ я тебя люблю! шупъ вздохнула она опять, и приклонила голову спыдливо къ его груди. Тогда поцѣлуями своими осушилъ Дафнисъ радостныя въ очахъ ея слезы, и прижалъ ее безмолвенъ къ сердцу. Долго пребыли они въ молчаніи, она преклонясь на его грудь, онъ препенущею рукою объявъ ее. Сильное смущеніе перемѣнилось наконецъ въ тихое услажденіе; такъ укрощается жеспокая буря, буря проходитъ, розы и гвоздички препенущъ еще, потомъ перестаютъ препенать, благоуханіемъ своимъ наки наполняютъ воздухъ, зефиры обратно къ нимъ прилепаютъ, и крылами своими мѣжатъ ихъ и цѣлуютъ. Такъ успокоились они, и сѣли подлѣ источника, и рассказывалъ онъ ей, какъ часто ѣздилъ онъ черезъ рѣку, какъ онъ по берегу и по рѣчкамъ и по холмамъ ее искалъ, и какъ всегда безупѣшенъ возвращался назадъ. Потомъ рассказывала ему Филиса, какъ она его любила, съ тѣхъ поръ какъ у праздника Нимфъ увидѣла; какъ часто ходила она въ уединеніи на рѣку, какъ грустила, и какъ сидя въ кустахъ подлѣ источника сокрушалась. Потомъ рассказывалъ ей Дафнисъ, какъ перевезъ онъ черезъ рѣку купидона, какъ выросла роза на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ

исчезъ, и какъ купидонъ показаль ему испочникъ.

Такъ сидѣли они вмѣстѣ и цѣловались и обнимались и рассказывали другъ другу о своей любви. Уже отъ луннаго сіянія возблиспаль испочникъ, тогда общались они, на завтра, какъ скоро пройдетъ полдень, опять придти на это мѣсто. Ахъ! намъ должно расстаться, сказали они вздохнувъ, и сидѣли еще на мѣстѣ. Прости Дафнисъ! (повторила Филиса) прости! пришло, пришло миѣ съ тобою расстаться; потомъ поцѣловала она его, и хотѣла идти, и сидѣла по прежнему на мѣстѣ. Ахъ! пришло, пришло намъ расстаться, сказалъ опять Дафнисъ, и обнялъ ее и поцѣловаль; тогда отошли они нѣсколько шаговъ и опять другъ на друга оглянулись, потомъ остановились, потомъ опять приближали другъ къ другу и опять цѣловались. Прости Филиса! прости Дафнисъ! говорили они, и расстались, и оглядывались назадъ, и махали одинъ другому, покуда ушли изъ виду. Дафнисъ пошелъ въ восхищеніи на берегъ, поцѣловаль еще розу, гдѣ исчезъ купидонъ, сѣлъ въ челночокъ, и поплылъ съ веселіемъ черезъ рѣку, и запѣлъ; никогда сердце его не чувствовало подобнаго удовольствія, онъ пѣлъ съ такимъ услажденіемъ, что голосъ его слабъ былъ изобразить сердечную радость.

Теперь Дафнисъ опять спалъ веселъ, онъ пошелъ къ пастухамъ, пѣлъ имъ пѣсни, игралъ на свирѣли и ушѣшался всѣми ихъ забавами; но какъ скоро проходилъ полдень, то поручалъ онъ небольшое стадо свое вѣрному пастуху, самъ садился въ челночокъ, и поспѣшалъ къ тому уединенному источнику, гдѣ Филиса всегда уже его ожидала.

Чѣмъ больше они видались, тѣмъ больше желали видѣться; и каждой изъ нихъ почиталъ себя щастливѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ. Они тысячу разъ между собою твердили, какъ они другъ друга любятъ, однакожъ каждой изъ нихъ думалъ, что этого не довольно, сказать другому, какъ много онъ его любитъ. Часто Дафнисъ сидя подлѣ Филисы, училъ ее новымъ пѣснямъ; Филиса пѣла, и Дафнису казался голосъ ея несравненно лучше соловьинова; Дафнисъ игралъ на свирѣли, и Филиса сомнѣвалась, чтобъ Панъ могъ лучше его играть. Часто рассказывали они другъ другу повѣсти; когда Филиса рассказывала, то Дафнисъ слушалъ прилѣжно, или шевелилъ ленточками, которыми грудь ея была связана, и тогда нарушая вниманіе поцѣлуями своими мѣшалъ онъ ей рассказывать; а когда Дафнисъ рассказывалъ, то Филиса мягкою рукою своею гладила у него подбородокъ, или

надѣвала ему на голову вѣнокъ, или такими умильными смотрѣла на него глазами, что онъ забывалъ порядокъ повѣсти.

Часто ходили они къ розѣ и почивали ее за весьма священную вещь; они оградили ее рачительно опъ оводовъ и другихъ насѣкомыхъ, и вошкнули шесшы съ пугалками вверху, и пѣли при нѣжныхъ объятіяхъ благодарную купидону пѣснь.

Дафнисъ поймалъ однажды маленькую ппичку и принесъ ее къ Филисѣ, она обрадовавшись поцѣловала его за то; потомъ посадила она ппичку къ себѣ на руку, держа между перстовъ тоненькія ножки ея; ппичка билась беспрыми крылышками по ея рукѣ, и всвистывала, какъ будто бы она кого кличетъ. Филиса смотрѣла на нее? тебѣ хочешь съ руки моей на вѣшную? (сказала она) кого ты кличешь? подружекъ своихъ? чтобы онѣ всѣ ко мнѣ прилетѣли? какъ ты препенешься! или ты призываешь своего самчика? ахъ, шакъ! она кличетъ своего любезнаго, она о немъ тоскуешь, можетъ быть печальный самчикъ ее шеперь ищетъ; ахъ, Дафнисъ, я пуцу ее! шакъ съ жалостію сказала она и пустила ее изъ рукъ: ппичка засвиставъ полетѣла съ одного дерева на другое, а Филиса смотрѣла ей вслѣдъ; какъ будто бы опасаясь, что она не найдетъ опять сво-

его самчика. Дафнисъ взглянулъ на Филису и увидѣлъ, что она печально глаза свои пошупила на землю; онъ бросился испугавшись къ ней и поцѣловалъ ее. Филиса вздохнула. Ахъ Дафнисъ! сказала она, ахъ! естлибъ я тебя лишилась, естлибъ когда нибудь разлучилась съ тобою, ахъ, горестъ моя была бы безмѣрна! я бы умерла! Тогда и Дафнисъ также опечалился.

Нѣкогда, какъ они сидѣли вмѣстѣ, поднялись облаки и пошелъ дождь: они побѣжали отъ него и погнали передъ собою Филисиныхъ овецъ, и пришли къ одной пещерѣ, въ которую входъ окруженъ былъ ползущимъ плющемъ; они вошли туда и овечки передъ ними тудажъ вбѣжали. Дафнисъ увидѣлъ среди пещеры кипарисное дерево, изъ подъ котораго билъ къверху чистой воды источникъ; съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ и думалъ, что эта пещера принадлежитъ какой нибудь Нимфѣ, или иному божеству; но они усмѣхнулись нашедъ путь пасуха, которой сидѣлъ въ проспникѣ подлѣ источника, и дѣлалъ семиколѣнные дудки и свирѣли изъ проспника. Онъ оглянулся и сказалъ имъ: добро пожаловать, красная дѣвица, и ты пасухъ! Можетъ быть вамъ здѣсь хотѣлось наединѣ побыть, а? не угадалъ ли я, молодая пасушка? О! любовь часто уже прохлад-

ное мѣсто сіе свидѣшелемъ забавъ своихъ избирала; но цѣлуйшесь, друзья мои, какъ хошите; я не буду на васъ оглядываться.... Нѣтъ, паспухъ, (перервала спыдаливо Филиса) мы пришли сюда укрыться отъ дождика. Тупъ подошелъ къ нему Дафнисъ; ты дѣлаешь свирѣли? спросилъ онъ у него. Да, отпѣчалъ паспухъ, и самыя лучшія изъ всего округа. Никто такъ хорошо не умѣетъ ихъ дѣлать, какъ я; всякому моихъ свирѣлей хочелся; вчера одинъ паспухъ далъ мнѣ двѣ овцы за одну свирѣль; я могу на ней голосъ всѣхъ пшичекъ и самой соловьиной наигрывать, такъ что всѣ онѣ слезающіяся на вѣтви того дерева, подъ копорымъ я играшь буду. Дафнисъ взялъ одну свирѣль въ руки; я сплану на ней Хлоину пѣсню играшь (сказалъ онъ) Филиса! а ты пой.

„Ты черноволосый паспухъ! (такъ пѣла съ веселымъ видомъ и съ великою прилипностію Филиса) ты черноволосый паспухъ, копорой овецъ своихъ въ буковой долиніѣ пасешь! ахъ! когда я мимо тебя иду, и будто пропавшую овечку свою ищу, а между тѣмъ украдкою изъ подъ вѣнка на тебя взглядываю, и съ такою ласковою улыбкою говорю тебѣ: здорово паспухъ! ахъ, для чего ты меня тогда не разумѣешь? Сегодня въ ясную воду смо-

„шрѣла я на себя, и такъ изъ подъ вѣнка
 „взглядывала, какъ я на тебя взглядываю,
 „и такъ усмѣхалась, какъ я привѣщивая
 „тебѣ усмѣхаюсь; сказать правду, малень-
 „кія уста мои усмѣхающіяся плутовато,
 „черные глаза мои много тебѣ сказываютъ,
 „однакожъ ты, засмѣнчивой пасхухъ! од-
 „накожъ ты не понимаешь меня. Научите
 „меня вы, Нимфы! научи меня ты, любовь!
 „какъ могу я исполковать ему ясное то,
 „что чувствую.“

Ты пѣсню эту опмѣнно хорошо пѣла,
 (сказалъ пасхухъ Филисѣ); а ты такъ
 игралъ ее, что, Паномъ тебѣ божусь! мнѣ
 бы самому лучше не сыграть; за то дарю
 я тебѣ эту свирѣль: она больше стѣбитъ,
 нежели суягная коза. А знаешь ли ты
 (спросилъ онъ у Дафниса) эту пѣсню: вы
 дѣвки, которыя прихворно суровствуете?
 . . . это старинная пѣсня и немногіе
 пасхухи ее знаютъ, она называется Неи-
 шова пѣсня, потому что въ ней описана
 повѣсть о семь рѣчномъ богѣ, и эта пе-
 щера слыветъ Неишова пещера, потому
 что приключеніе сіе здѣсь происходило.
 Дафнисъ просилъ его сыграть имъ эту
 пѣсню, и пасхухъ взялъ свирѣль, и за-
 игралъ на ней такъ пріятно, что не спалъ
 бы слушать соловья. Теперь и я могу ее
 сыграть, (сказалъ Дафнисъ) я спану

играть ; а ты, паспухъ, пой. Тутъ начали они и паспухъ пѣлъ :

„Вы дѣвки, которыя пришворно суров-
„спвуете, хотя сердце и грудь ваша отъ
„любви шаюшъ, послушайте какъ боги на-
„казали Нимфу, послушайте пѣсню о Не-
„ишѣ.

„Когда Неишъ опершись на кувшинѣ
„своемъ лежалъ въ водѣ, тогда начали вол-
„ны быспрѣ скакать, тогда поднялъ онъ
„увѣчанную проспникомъ мокрую голову
„свою, оперъ воду съ рѣсницъ, проглянулъ,
„и увидѣлъ Нимфу, которая вошла въ рѣку.
„Какъ прелестна, (говорилъ онъ тихо) какъ
„прелестна ты Нимфа! какая бѣлая и
„круглая у тебя грудь! какое, чистое и
„нѣжное пѣло! Какъ волны около круглыхъ
„колѣнъ твоихъ скачущъ, какъ будто бы
„покушаяся вскочить еще выше! Ахъ Ним-
„фа! такъ воздыхалъ онъ и вышелъ на бе-
„регъ. Нимфа увидѣла его и побѣжала: онъ
„гнался за нею скоро какъ дикая коза, она
„летѣла отъ него по цвѣшамъ какъ зефиръ.
„Запыхаясь едва могъ онъ промолвить: ахъ
„Нимфа! почто ты отъ меня бѣжишь?
„Нимфа вбѣжала въ пещеру; для чего не
„далѣе сквозь роу? цѣломудрая!

„Вы дѣвки, которыя пришворно суров-
„спвуете, хотя сердце и грудь ваша отъ
„любви шаюшъ; послушайте какъ боги

„наказали Нимфу, послушайте пѣсню о
„Неишѣ.

„Ужѣ думалъ Неишъ нѣжное шѣло об-
„няшь, боги! (вскричала Нимфа) помогите
„мнѣ, превратите меня въ кипарисъ! Едва
„сѣ желаніе изъ устъ ея излѣшѣло, какъ
„вдругъ ноги еядесятью корнями ошпры-
„скнувъ водрузились въ землю. Сердце ея,
„обросшее мгновенно корою, воспрепешало
„ошъ ужаса: ахъ! (вздохнула она и став-
„шія вѣшьями руки свои подняла къверху)
„ахъ боги, почто слышали вы такъ скоро
„мою молитву! ахъ Неишъ! . . . ахъ Ним-
„фа! сказалъ вздохнувъ рѣчной богъ и о-
„хватилъ руками кору ея. Она вѣшьями
„хотѣла его обнять, но не могла, и уми-
„раючи пошрясла своими листьями. Въ гнѣ-
„вѣ шопнулъ богъ рѣки ногою въ землю, и
„гдѣ онъ шопнулъ, тамъ къверху спалъ
„битъ источникъ.

„Вы дѣвки, которыя пришворно су-
„ровствуете, хотя сердце и грудь ваша
„ошъ любви таюшъ; слышали ль вы какъ
„боги наказали Нимфу? уштрашила ли васъ
„пѣсня о Неишѣ?

Такъ пѣлъ пасхухъ, а Дафнисъ и Фи-
лиса слушали его съ восхищеніемъ. Не та-
ли это пещера? не шопъ ли это кипарисъ
и источникъ? спросилъ Дафнисъ. Да, ска-
залъ пасхухъ, это шопъ самой источникъ

и кипарисъ. Мнѣ кажешся, сказала Филиса, мнѣ кажешся, что онъ листочками своими шевелилъ чаще, когда ты пѣлъ пѣсню. Въ такихъ разговорахъ день прошелъ у нихъ весьма скоро.

Однажды пришелъ Дафнисъ къ рѣчкѣ, и не нашелъ памъ своей Филисы; тогда, чтобъ время показалось ему не такъ скучно, спалъ онъ вырѣзывавъ на корѣ имя ея, попомъ игралъ на свирѣли пѣсню, попомъ съ неперпѣливостію взлѣзъ на дерево. и смошрѣлъ въ ту сторону, откуда должна придти Филиса; попомъ слѣзъ съ дерева и ходилъ въ страхѣ взадъ и впередъ. Напослѣдокъ пришла она, вѣнка на головѣ у ней не было, волосы беспорядочно лежали по плечамъ, она шла тихо съ пошупленными печально глазами и какъ бы сама себя не помня: Дафнисъ испугался, поблѣднѣлъ, сердце у него билось, онъ шелъ со препешомъ и взялъ у нее руку, которую она помно къ нему опустила, они слова не могли промолвить, онъ не смѣлъ спросить у нее о приключеніи; шущъ взглянула она на него съ горячностію, глаза ея омочены были слезами, во взорахъ ея видна была сердечная горестъ. Ахъ Дафнисъ! (такъ промолвила она тихо и зарыдала) Дафнисъ! попомъ опять умолкла и слезы ручьями капились у нея изъ очей. Дафнисъ препе-

паль. Боги всемогущіе! вскричалъ онъ, Филіса! какое несчастіе съ тобою сдѣлалось? скажи, ради любви моей къ тебѣ, скажи.... Дафнисъ! произнесла она, ахъ . . . . мнѣ должно . . . . другога любить, а не тебя! Тогда ужасъ объялъ его, подобно какъ на кого каменная гора рушится, холодный потъ выступилъ у него на чело, блѣдень и пррепещущъ стоялъ онъ шамъ. Такъ, Дафнисъ! (продолжала она) мнѣ должно любить Ламона, паспуха, у кошораго спада цѣлое поле покрывающъ! ахъ! его должна я любить; онъ машущкѣ моей отдавалъ весь свой скопъ и всѣ свои большіе луга, и просилъ меня себѣ въ невѣсты; а моя любезная машущка почишаетъ по за великое для меня щастіе, и хочеть, ахъ! хочеть, чшобы я его любила. Такъ говорила она и плакала съ Дафнисомъ. Пошомъ опять начала: ахъ нѣшъ, Дафнисъ, не плачь! какъ могу я другога любить, хошя бы спада его всѣ здѣшніе луга покрывали? дѣлаешъ ли по его любезнымъ? нѣшъ, Дафнисъ, нѣшъ; шы одинъ мнѣ любезенъ, шы и въ бѣдности любезенъ, швое крошость, швое добросердечіе дѣлающъ тебя любезнымъ; тебя хочу я любить, Дафнисъ! шакъ сказала она и обняла его . . . . но ахъ! (вскричала опять). тогда буду я машущкѣ своей непослушна; тогда въ старосши приключу я ей огорченіе

и досаду; ахъ Дафнисъ! я несчастлива! несчастлива, когда послушаюсь; несчастлива, когда не послушаюсь! . . . . Дафнисъ! не плачь такъ много! я умру отъ горести. Ахъ Филиса! (сказала съ великой печалію Дафнисъ) будь послушна, боги наказуютъ непослушаніе, будь послушна, они сдѣлаютъ тебя благополучною! а я пойду, ахъ.... скроюсь, отъ тебя навсегда, и буду несчастливъ, несчастливъ во всю мою жизнь. . . . . Такъ любовь съ добродѣтелію боролась. По семь долго они молчали, вздохи и горести оспанавливали рѣчи въ устахъ ихъ: наконецъ Филиса прижала его къ своей груди, и взглянувъ на него съ горячностію, Дафнисъ, (сказала она) ахъ Дафнисъ! нѣтъ! я никого кромѣ тебя любишь не стану! я пойду къ мапушкѣ, и когда она мнѣ о другой любви говоритъ станешь, я брошусь передъ нею на колѣни, упаду ей въ ноги и буду плакать; до тѣхъ поръ буду плакать и не вставать, покуда она не сжалятся надъ нами. Такъ Филиса (сказала съ восхищеніемъ Дафнисъ) упади ей въ ноги, плачь, омывай ихъ слезами и не вставай, не вставай, покуда она не согласится увѣнчать любовь нашу. Конечно сжалятся она, конечно прослезится сама, и позволишь намъ любить другъ друга.

Такъ льстила имъ надежда, они опять спали веселы, и обнимались съ такою горячностію, какъ обнимаются любящіеся, когда они по долгомъ разлученіи паки увидяшся; радостныя слезы текли у нихъ изъ очей и они цѣловались безпрестанно, покуда вечеръ не принудилъ ихъ разспаться.

Дафнисъ преисполненъ неперѣливости и надежды шелъ домой. На другой день не дожидаясь и вечера поимылъ онъ за рѣку. Филиса была уже шамъ подлѣ источника; онъ прибѣжалъ туда и съ ней поцѣловался; веселый взоръ ея предвѣщалъ ему нѣчто доброе; она сѣла на правую, онъ сѣлъ подлѣ ней, одною рукою обнялъ ее, а другую положилъ къ ней на колѣни держа въ ней мягкую ея руку. Дафнисъ! (сказала она) мы щасливы! шущъ она его поцѣловала, попомъ онъ ее поцѣловалъ и прижалъ съ восторгомъ къ своей груди! мы щасливы, продолжала она; какъ я вчера возвратилась домой, мапушка моя была въ огородѣ, копорой передъ нашимъ шалашемъ, и шамъ работала; я пришла и поклонилась ей; здорово, Филисушка! сказала она; попомъ спросила у меня, поила ли я спадо? Скоро (примолвила она) будетъ у тебя большое спадо. У Ламона такъ много скопа, что ни у одного нашего паспуха столько нѣтъ. Тушъ испугалась я и заплакала; она оста-

вила свою робушу и взглянувъ на меня спросила: о чемъ ты плачешь, Филиса? Туть я еще больше заплакала. Тогда опять она у меня спросила, а я рыдаючи сказала: ахъ мапушка, мапушка, не осердись на меня! я плачу, ахъ плачу о томъ, что не могу любить Ламона. Туть бросилась я къ ней въ ноги и обняла ихъ: не сердись (сказала я съ горькими слезами), ахъ не сердись на меня, мапушка! я не могу, не могу никакъ любить Ламона! я люблю . . . . ахъ! я ужъ люблю одного юношу съ той стороны, онъ самой лучший, самой добросердечной юноша. Такъ сказала я и обняла ее колѣна и плакала; сподо его не велико (говорила я) однакожъ онъ шакъ любезенъ, шакъ добросердеченъ! Туть умолкла я и плачучи на нее взглянула, и увидѣла, что и у ней шакже текутъ слезы изъ глазъ; она съ ласкою подала мнѣ руку и велѣла встать; не бось, Филисушка, сказала она, не бось, я не шакъ своенравна, чтобъ спала прошивишься швоей любви; но, Филиса, любовь обманчива: я не могу совсѣмъ согласиться, покуда не увижу швоего любезнаго, покуда не освѣдомлюсь шочно ли онъ добродѣтеленъ; въ томъ состоить и шашіе и нешашіе швоей жизни: одна добродѣтель дѣлаетъ людей шасшливыми. Такъ сказала она, и я общала ей привести себя

*

къ намъ въ шалашъ. Дафнисъ вскочилъ и прыгалъ отъ радости, потомъ поцѣловалъ Филису и обнялъ ее обѣими руками, она также его обняла, они прижали крѣпко другъ друга къ сердцу и хошѣли нацѣловаться до сыща, но не могли.

Послушай, Филиса, сказалъ Дафнисъ, мапушка швоя знаетъ теперъ о нашей любви, да . . . . понравлюсь ли я ей какъ ты меня приведешь въ шалашъ свой? Конечно, конечно ты ей понравишься, сказала Филиса. Однакожъ мой батюшка (продолжалъ Дафнисъ) не знаетъ еще о нашей любви, я пойду и скажу ему. . . . . Да знаешь ли ты что, Филиса? пойдѣмъ ты со мною, я тебя приведу къ нему и какъ онъ тебя увидитъ, то вѣрно, вѣрно скажетъ: ай Дафнисъ! ты умѣлъ себѣ выбрать невѣсту.

Филиса согласилась на то и просила его принести цвѣшковъ, чшобъ украситъ голову свою свѣжимъ вѣнкомъ. Дафнисъ побѣждалъ искать цвѣшковъ по берегу и по кустамъ, а Филиса между тѣмъ въ прозрачномъ источникѣ умывала прекрасное свое лице. Дафнисъ скоро возвратился и принесъ полную шляпу песнренъкихъ цвѣтчиковъ, изъ кошорыхъ иные были разноцвѣтны, другіе бѣлы какъ снѣгъ, иные сини какъ небо, а иные красноваты какъ

звѣзды, или румяны какъ Филисины уста. Онъ высыпалъ ихъ къ Филисѣ въ колѣни и самъ сѣлъ подлѣ ней; она спала плесни вѣнокъ, и пестренѣкіе цвѣточки одинъ къ одному искусно прибирашь, а онъ заплепалъ у нее русую косу, и бѣлую грудь ея украсилъ букетомъ. Филиса надѣла вѣнокъ, и Дафнису казалось, что онъ ее никогда еще такъ красивою не видывалъ; онъ отъ радости былъ внѣ себя, и взявшись за руку пошелъ съ нею на берегъ; они сѣли въ челночокъ и переѣхали скоро черезъ рѣку.

Дафнисъ привелъ ее къ шалашу своему; я шеперь шуда пойду, сказалъ онъ, а ты, Филиса, подожди здѣсь, я пошчасъ возвращусь назадъ, и тебѣ опведу къ моему опцу.

Онъ вошелъ въ шалашъ и споялъ шамъ покраснѣвъ и потуля глаза. Батюшка! сказалъ онъ напоследокъ и замолчалъ. Что ты, Дафнисъ? спросилъ у него старикъ. Батюшка! я . . . . я люблю. Тушъ опять заспыдился онъ и умолялъ. Ты любишь, сказалъ старикъ, и пропянулъ къ нему съ ласкою руку, ты любишь, да кого? Тушъ подошелъ онъ къ опцу и подаль ему свою руку: ахъ батюшка! я люблю паспушку, самую лучшую, самую прекраснѣйшую изъ всей здѣшней спороны. Ты щаспливъ Дафнисъ, сказалъ старикъ, ештли красота

тебя не обманываешь, и естѣли любезная швоя хранишь почщеніе къ богамъ, шы щасшливъ, боги ниспошлюшь ей благословеніе свое съ Олимпа. Однако, Дафнисъ, любовь обманчива. Нѣтъ, сказалъ Дафнисъ, нѣтъ, она меня не обманула. Тутъ выскочилъ онъ изъ шалаша и взявъ Филису за руку привелъ ее къ своему опцу.

Она вошла шуда имѣя голову пошупленную, лице спыдомъ и невинностію украшенное, и едва взоръ ея дерзалъ иногда украдкою вырывашься изъ подъ вѣнка. Дафнисъ взглядывалъ то на опца, то на Филису; смопря на опца радовался онъ, что спарикъ шакъ дружелюбно и приспально смопришь на его любезную, а смопря на Филису усмѣхался, что она спойшь съ шакною спыдливіостію; онъ взялъ ея за руку и подвелъ къ спарику опцу своему и поцѣловалъ съ горячністію у него руку; Филиса! сказалъ онъ, поди, поцѣлуй и шы у любезнаго опца моего руку; шогда и Филиса пожъ сдѣлала.

Спарикъ долго смопрѣлъ на нее приспально и пошомъ сказалъ: ахъ! что я въ чершахъ лица швоего вижу, диня мое? какое сходство съ Палемономъ! шакое шочно былъ онъ любезный другъ мой въ молодости своей, шакое шочно имѣлъ прілтное лице; онъ умеръ; ахъ! половина щасшія мо-

его съ нимъ погибла! скажи, дитя мое, скажи, не Палемонова ль ты дочь?

Такъ, сказала Филиса, я дочь Палемонова. Ахъ! я никогда отца моего не видела; онъ умеръ когда была я еще во чревѣ у матери моей. Матушка моя ежедневно ходила подъ кипарисы, которые пасухи вокругъ гроба его насадили, тамъ она всегда плакала и родила меня при гробѣ отца моего.

При сихъ словахъ всхаль спарикъ, ноги у него пряслися, онъ упалъ къ Филисѣ на шею: дочь моя, дочь моя! съ трудомъ могъ онъ промолвить, и опустился безсиленъ на скамью и воздыхалъ глядя на небо и взялъ Филису за руку и не могъ опъ безмѣрной радости выговорить ни слова. Дафнисъ упопалъ въ веселіи; онъ побѣждалъ шопчасъ, сыскашъ что нибудь, чѣмъ бы спарика прохладить и Филису свою упопчивашъ; и схватилъ корзинку наполненную виноградомъ, миндальными орѣхами, апельсинами и яблоками; радость его была неописанна, онъ пѣлъ и плясалъ, неся овощи. Дафнисъ! говорилъ онъ самъ себѣ, ахъ, какъ ты щасливъ! нѣтъ человека, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ человека щасливѣе тебя! такъ говорилъ онъ, и вбѣжалъ въ шалашъ и поставилъ корзинку на столъ. Спарикъ посадилъ Филису подлѣ себя, а Дафнисъ сѣлъ

подлѣ Филисы и спалъ рачительно очищающа для нее миндальныя ядрышки и выбирающа лучшія яблоки, чшобъ они были всѣ шакія, какъ Филисино лице, когда она покраснѣвъ вошла въ шалашъ.

Ахъ! колъ благополучно, началъ опять старикъ, колъ благополучно провождалъ я дни мои живучи въ дружбѣ съ Палемономъ! Колю сердце его было правдиво! Колю добродѣтельную имѣлъ онъ душу! онъ былъ бѣденъ, однако ссужался послѣднимъ, и никто не приносилъ столько жертвъ богамъ какъ онъ; не было у него почти ни овцы, кромѣ шѣхъ, копоры выигрывалъ онъ бившись съ пастухами объ закладъ, кто изъ нихъ лучше пропоетъ; ибо въ то время никто противъ его пѣть не могъ; изъ далека приходили пастухи и вступали съ нимъ въ тяжбу и ни одинъ не одерживалъ надъ нимъ верха. Какъ однакоже спадо его ни было мало, но онъ, хотя бы то ему послѣдняго куска хлѣба стоило, приносилъ ежегодно въ жертву Пану двухъ молодыхъ козлицъ. Добродушіе написано у него было на лицѣ, радость и удовольствіе сіяли въ очахъ его, и ниже въ самомъ несчастіи онъ него оплучались; тогда лишь плакалъ онъ, когда видѣлъ въ злополучіи другихъ, и тогда лишь шужилъ о своей бѣдности, когда она препятствовала ему помогать имъ.

Таковъ честенъ былъ Палемонъ, таковъ любви достоинъ! онъ умеръ, ахъ! не доживъ еще осени лѣтъ своихъ. Вся адѣшняя спорона была о немъ въ великой печали, каждой пошерялъ у себя искренняго друга. Никогда не видано было здѣсь столько пастуховъ въ собраніи, какъ въ потѣ день, когда посшавили гробъ его на небольшемъ холмѣ неподалеку отъ его шалаша; всѣ стояли горестныи кругомъ гроба, и каждой около холма посадилъ въ землю кипарисное деревцо, изъ которыхъ напоследокъ благословеніемъ Пана выросла густая роща. У меня естъ крушець его, кошорой онъ, ударившись съ однимъ пастухомъ объ закладъ, кто изъ нихъ лучше пропосетъ пѣсню, у него выбилъ и мнѣ подарилъ; на немъ по краямъ вырѣзаны волчець и папорошникъ, а вокругъ его обвиваеися змѣя, которая опогнувъ шею кусаетъ за верхней край, и такимъ образомъ служишь рукояпкою. Ахъ! эшо у меня драгоцѣнной залогъ наминаніа о любезномъ другѣ моемъ и я шолько въ праздники изъ него пью!

Такъ говорилъ старикъ, а Дафнисъ и Филиса слушали его печально. Между пѣмъ наступилъ тихой вечеръ, и Филисѣ надлежало съ ними разспаться. Старикъ съ великимъ умиленіемъ поцѣловалъ ее въ голову; скажи машери, говорилъ онъ, скажи, что

Аминтъ еще живъ; скажи ей, что это въ старости моей весьма меня утѣшилъ, когда она согласилась, чѣмъ Палемонова дочь была за моимъ сыномъ и называла меня своимъ опцемъ. По сихъ словахъ Филиса подала руку паспуху своему и онъ вывелъ ее изъ шалаша; старикъ вышелъ также за ними, и до тѣхъ поръ провождалъ ихъ глазами, покуда они въ отдаленныхъ деревьяхъ пошерялись. По истиннѣ, сказалъ онъ восхищенный радостію, удовольствіе добродѣтельнаго сына есть истинное удовольствіе опца, и щастіе того есть истинное щастіе другаго! Какое воздаяніе, какую великую награду получаетъ, кто въ молодой и незрѣлый нравъ насаждаетъ сѣмена добродѣтели! какая богатая жатва! какіе сладкіе плоды!

Такъ сказалъ онъ и пошелъ назадъ въ шалашъ. Между тѣмъ Дафнисъ и Филиса сѣли въ челночокъ; Дафнисъ съ осторожностію плылъ черезъ рѣку и высадилъ любовную свою на берегъ, а челночокъ привязалъ крѣпко къ одной ивѣ. Они пошли и запѣли пѣсню, которую эхо повторяло, и которую они поцѣлуями своими часто прерывали. Напоследокъ вышли они въ широкое поле, и шутъ надлежало имъ расстаться; шутъ общалъ онъ ей придти на завѣрбе къ нимъ въ шалашъ, и шутъ при нѣжномъ

ихъ прощаніи пѣлъ имъ соловей сладкую пѣсенку.

Дафнисъ пошелъ черезъ кусты назадъ и хошѣлъ ошвязасть челночокъ свой, какъ нѣкто изъ за ивовыхъ кустовъ закричалъ ему: Дафнисъ! поди къ намъ въ ивнякъ. Дафнисъ пошелъ и увидѣлъ шамъ двухъ сидящихъ паспуховъ; шы должны разрѣшить споръ нашъ, сказали они, мы хошимъ бишься объ закладъ, кто изъ насъ лучше пѣть умѣетъ. Я разрѣшу споръ вашъ, сказалъ Дафнисъ, и сѣлъ супротивъ ихъ. „Сдѣлай, ше, музы! (началъ первой паспухъ) сдѣлай, о Панъ! чшобъ голосъ мой былъ лучше соловьиного, чшобъ пѣлъ я пріятнѣе, малиновки! Меналкъ поетъ, копорой слылъ всегда лучшимъ пѣвцомъ; и хопя часпо паспушки приходять слушать пѣсень моихъ и говорятъ мнѣ: Меналкъ! ахъ, какъ шы хорошо поешь! Но еспьли бы когда нибудь милая Дафна пришла ко мнѣ и сказала: Меналкъ! ахъ, какъ шы хорошо поешь!

„Я знаю одну дѣвушку, (такъ пѣлъ другой паспухъ Алексисъ) ахъ! я знаю одну дѣвушку, копорой шолько что шеспишцатъ лѣтъ минуло; миловидна она собою и оспра, волосы у нее свѣшлорусые, лице какъ снѣгъ бѣлое, глаза огненные и усмѣшка пріятная. Гдѣ скачешь шы те-

„перъ, какъ молада козочка, или какъ лег-
 „ная пшичка съ сучка на сучокъ? ахъ! гдѣ
 „скачешь ты шеперь, какъ ты въ шопъ
 „вечеръ прыгала, когда унесла у меня по-
 „ной моего сердца?

Потомъ пѣлъ Меналкъ: „шамъ гдѣ чер-
 „ноглазая Дафна поешъ, шамъ да умолкнушъ
 „пшички на древахъ; а гдѣ маленькія нож-
 „ки ея спугаюшъ, шамъ да вѣюшъ прохлад-
 „ные вѣтерки, шамъ да расшешъ все дят-
 „лина, чшобъ спсало ее было сышо и пучно.

А потомъ Алексисъ: „каждой вечеръ
 „прогоняю я спсало свое чрезъ рѣку, чшобъ
 „оно въ ней омывалось, и мои овцы бѣлы
 „какъ лебеди въ рѣкѣ, а я молодъ и при-
 „гожъ, о ты, рѣзвая паслушка!

Меналкъ пѣлъ: „какъ вечерніе прохлад-
 „ные вѣтерки по лугамъ развѣваюшъ! Какъ
 „свѣпшъ шихой мѣсяцъ! О вы, овцы и
 „козы! не ходише шакъ близко по краиш-
 „ку; здѣсь шакже ешъ дятлина, здѣсь
 „шакже ешъ и плющъ: берегъ можешъ об-
 „рушишся.

Потомъ Алексисъ: „какъ завидую я
 „тебѣ, молодой агненочикъ! ты прыгаешъ
 „около ней и вѣшь шраву изъ рукъ ея. Какъ
 „завидую я тебѣ, маленькой чижичикъ! ты
 „порхаешъ по ея окошкамъ, и видишь какъ
 „она поуштру спшъ, и поешъ ей, и она лю-
 „бишъ швои пѣсенки. Тамъ гдѣ я паслушку

„свою увижу, гдѣ она первой разъ меня
 „поцѣлуешь, шамъ ежегодно (клянусь тебѣ,
 „Панъ!) шамъ ежегодно сшану я приносить
 „тебѣ въ жертву быка!

Такъ пѣли паспухи и Дафнисъ сказалъ:
 твоей верхъ, Алексисъ! ты пріятнѣе поешь,
 нежели журчишь эша рѣчка. Тогда взялъ
 Алексисъ козу, о кошорой ударенось было
 объ закладъ. Дафнисъ! (сказалъ онъ) гово-
 рящъ, что ты хорошій пѣвецъ; я подарю
 тебѣ эту козу, естли ты споешь намъ
 пѣсню. Дафнисъ взялъ съ радостію козу и
 запѣлъ:

„Свѣши шеперь, мѣсяцъ! (шакъ онъ
 „пѣлъ) свѣши ясно на дорогу, по кошорой
 „паспушка моя идетъ домой. Да не встрѣ-
 „шился съ нею на уединенномъ пуши ни-
 „какой ночной спрахъ; да провождаешь ее
 „одна лишь пишина и свѣплость мѣсяца,
 „и ничто, ничто да не мѣшаешь мыслямъ
 „ея обо мнѣ. Цикайше лишь вы кузнечики
 „въ правѣ, пойше лишь вы соловьи на каж-
 „домъ кусту, мимо кошораго она поидетъ,
 „пойше шакимъ нѣжнымъ голосомъ, каковы
 „ея мысли, когда она обо мнѣ думаешь и
 „воздыхая смотришь на мѣсяцъ. Гдѣ я съ
 „моей паспушкою бываю, шамъ вѣчная на-
 „жешся мнѣ весна, шамъ веселюсь я смо-
 „тря на луга, шамъ пріятно благоухаю
 „для меня цвѣшны; но когда обнимаешь она

„меня и уста свои къ моимъ прижимаетъ
 „успамъ, ахъ! тогда сердце мое шрепе-
 „щепъ, тогда не вижу я весны, тогда не
 „слышу благоуханія цвѣтовъ, ахъ! тогда
 „чувствую я, чувствую лишь одно ея цѣло-
 „ваніе.“

Такъ пѣлъ Дафнисъ. Половину спада
 моего опдалъ бы я, сказала Алексисъ, есѣ-
 ли бы шакъ пѣлъ умѣлъ.

ДАФНИСЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

Дафнисъ взялъ козу и повелъ ее въ челночокъ и опшвалилъ отъ берега, но мысли его гнались за Филисою, въ задумчивости не примѣчалъ онъ, что волны играютъ съ яростию. Уже былъ онъ по срединѣ рѣки, какъ вдругъ челночокъ его ударился о камень, такъ что переломилось у него весло и рѣка на пѣнистомъ хребтѣ своемъ повлекла его быстро съ собою, и коза выскочила изъ челночка и поплыла на берегъ. Какъ юная овечка препенещетъ, когда свирѣлая львица несетъ ее въ зубахъ своихъ къ молодымъ лъвямъ, которые поимы гладомъ изъ пещеры своей на встрѣчу къ ней ревутъ; такъ препенешалъ Дафнисъ, каждую минуточку спрашась, что рѣка ударитъ его о камень, гдѣ грозныя волны спонутъ. Но рѣка не ударила его о камень, а несла на хребтѣ своемъ, доколѣ въ темную ночь спали ему не видны берега. Часто видѣлъ онъ сверкающіе на берегу огни въ шалашахъ, тогда со страхомъ вопилъ онъ, чтобы

подали ему помощь, но тщетно; рѣка проносила его весьма скоро. Напоследокъ заблѣспалъ передъ нимъ большой свѣтъ, который опчасу къ нему приближался, и потомъ увидѣлъ онъ, что то былъ огонь въ челночкѣ по рѣкѣ плавающемъ; онъ спалъ призывашъ на помощь, и челночокъ приплылъ къ нему и его взялъ.

Два мужа, которые ловили на рѣкѣ рыбу, ослѣпляя и приводя ее огнемъ въ безпамятство, взяли его дружелюбно въ челночокъ свой и ошвели въ ближній шалашъ, котораго стѣны обвѣшаны были мокрыми неводами. Дафнисъ нашелъ путь почтеннаго старика въ необыкновенномъ одѣянїи; по истиннѣ, шептали въ уши между собою рыбаки, мы сегодня весьма щасливы; уже двухъ гостей послали къ намъ боги, уже два раза дали они намъ вкусить радости отъ вспоможенія спраждущимъ. Послѣ сего одинъ изъ нихъ пошелъ приготовить для гостей кушанье изъ пойманной рыбы, а другой принесъ хлѣба, виноградна вина и овощей. Дружелюбный старикъ принудилъ Дафниса и добродѣтельнаго рыбака сѣсть подлѣ себя, и заставилъ Дафниса рассказывать, какъ рѣка его унесла; и Дафнисъ рассказывалъ, какой страхъ онъ имѣлъ, какъ тщетно призывалъ на помощь и какъ обрадовался увидя въ челночкѣ огонь. Въ сихъ

дружескихъ разговорахъ (ибо какъ назвать ихъ иначе, какъ не дружескими, когда спраждущіе соберутся къ такому гостепріимцу, которой не токмо дастъ имъ защиту, но и благодаришь боговъ за посланіе къ нему оныхъ) въ сихъ дружескихъ разговорахъ сидя провождали они время, между тѣмъ какъ другой рыбакъ съ веселымъ видомъ принесъ и поставилъ на столъ жирную уху; они сѣли всѣ за столъ и рыбаки просили гостей покушать. Дѣдушка! сказалъ одинъ изъ нихъ старику, одѣяніе твое непростое и для насъ чужее, и рѣчь твоя не такая какъ наша рѣчь, конечно несчастіе твое привело тебя сюда издалека. Тутъ вздохнулъ старикъ и не могъ скоро отвѣстствовать. Ахъ, другъ мой! напослѣдокъ сказалъ онъ, не издалека привело меня мое несчастіе; я изъ города Кропона (*), и засѣдалъ тамъ въ числѣ начальствующихъ; но ахъ! главные города сего правители, долженствующіе любить боговъ, добродѣтель и правосудіе, упоаюшъ въ роскошахъ, развращаютъ народные нравы; и жертвуютъ добродѣтель и правосудіе корыстолюбію своему и порокамъ; слѣпой народъ сего не видитъ, обманушый обожаетъ онъ тѣхъ, кои разрушаютъ его благоденствіе; я сіе видѣлъ,

---

(*) Кропонъ, при Іоническомъ морѣ, подлѣ Лакинскихъ горъ.

и защищалъ добродѣтель и правосудіе, тогда всѣ меня возненавидѣли: клевета, разсѣянная ими, оградила ихъ отъ опасности преслѣдовать честность, и тогда изгнали они меня изъ моей опчизны. Праведные боги! естли возносише вы на нихъ ополченную громомъ десницу свою, да обезоружится она, да утихнешь гнѣвъ вашъ, и да не приближится злополучіе стѣнамъ ихъ!

Такъ вздыхая вѣщала старикъ и предавался паки глубокому молчанію; всѣ другіе отъ сердечнаго о немъ сожалѣнія молчали съ нимъ, и сокрушались слыша, что есть мѣсто, гдѣ честность и благонравіе гонимы; ибо добродѣтельному прискорбно слышать, что свѣтъ порабощенъ порокамъ. Наконецъ рыбаки спали спараться утѣшая старика и веселыми разговорами и рассказами ободряли его, доколѣ томный сонъ не позвалъ ихъ къ покою.

Дафнисъ не весьма спокойно провождалъ ночь; онъ думалъ о своемъ отцѣ, и чувствовалъ всю его печаль; думалъ о Филисѣ, какой она страхъ будетъ имѣть, когда не успѣетъ онъ придти къ ней въ слѣдующій полдень. Какъ скоро утренняя заря наступитъ, говорилъ онъ, то пойду я вверхъ рѣки.

Едва солнце первыми лучами освѣщило покрытый мхомъ шалашъ ихъ, какъ уже

они всё собрались. Старикъ взялъ свой посохъ и обнялъ рыбаковъ; боги воздадутъ вамъ за ваше благодареніе, сказалъ онъ имъ со слезами; и Дафнисъ поцѣловалъ ихъ и пошелъ съ старикомъ вверхъ рѣки. Онъ провождалъ его со всякою услужливостію идучи съ нимъ тихо, и когда старикъ уставалъ, то Дафнисъ просилъ его опереться рукою къ нему на плечо; а когда пришёлъ полдень, то онъ осматривалъ, гдѣ бы найти для него прохладное мѣстечко, онъ повелъ его подъ кровлю густыхъ липовыхъ деревьевъ, оставилъ тушь, а самъ побѣжалъ искать свѣжихъ овощей, и какъ скоро они появились, то спали они опять продолжая тушь свой. Наступилъ вечеръ, тогда издалека Дафнисъ показалъ старику шалашъ свой, въ которомъ Аминтъ со страхомъ и печалію сидѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ лампы; но чадолюбивый отецъ сей воспрянулъ скоро отъ радости, когда старикъ и Дафнисъ вошли къ нему въ шалашъ. Онъ бросился къ сыну своему на шею: здравствуй, здравствуй, любезный сынъ! говорилъ онъ, о какую ты мнѣ приключилъ печаль въ прошлую ночь и во весь сегодняшний день! пошлѣ дружелюбно поздоровался онъ со старикомъ, пожавъ у него руку; и тушь Дафнисъ спалъ рассказывать, какъ рѣка его унесла, и какъ рыбаки его спасли, и по-

*

вѣсть о старикѣ, и какъ онъ его провождалъ вверхъ рѣки. Отецъ радовался слушая его и находя въ сынѣ своемъ такіе опыты добродѣтели и сожалѣнія.

Дорогой гость! сказалъ попомъ Аминъ старику, что боги мнѣ даровали, то да послужитъ къ швоему, услажденію и удовольствію, и хижина моя да будетъ швоею хижиною. При сихъ словахъ подвелъ его къ спулу, обтянутому мягкой кожею, поставилъ посохъ его къ сторонѣ, и просилъ отдохнуть и успокоиться, а самъ сѣлъ подлѣ него.

Ахъ! какое благополучіе, говорилъ старикъ въ удивленіи и въ радости, какое благополучіе жить между добродѣтельными! Добродушный другъ! у васъ нахожу я сію любви достойную добродѣтель, которую щещно искалъ я въ отечесшвенномъ градѣ моемъ. Любезный другъ! отвѣчалъ Дафнисовъ отецъ, не спавъ сіе великою добродѣтелію, помогаешь нуждающимся; извергъ одинъ сего не сдѣлаешь! почто охраняють боги шалашъ мой? и почто благословляютъ они дерева мои? для того ли, чтобы одинъ покоился я въ хижинѣ своей, когда многіе могутъ въ ней имѣть мѣсто и прохладу? для того ли, чтобы одинъ довольствовался я изобиліемъ плодовъ, когда сучья деревьевъ моихъ гнутся отъ нихъ на землю? Такъ

говорили спарини, а между пѣмъ Дафнисъ приготовилъ споль и поставилъ на немъ молоко, хлѣбъ и овощи.

Скоро пошѣмъ пошли они пріятнымъ сномъ усладиться; Дафнису мечталась непрестанно Филиса, доколѣ не возбудилъ его упренній гласъ рожковъ, въ которые трубили паслухи выгоняя спада свои въ поле. Печалась, что еще нѣтъ полудня, едва взявъ онъ съ собою свирѣль, и пошелъ съ маленькимъ спадомъ своимъ въ луга; онъ удалялся отъ другихъ паслуховъ, и погналъ скопину свою къ рѣчкѣ, которая въ пѣни высокихъ ивъ пропекала. Тамъ сидѣлъ онъ окруженъ спадомъ своимъ и терзаясь желаніями; иногда игралъ онъ на свирѣли унывную пѣсню и воздыхалъ, или смотрѣлъ съ нетерпѣливостію на солнце; а иногда гладилъ овечекъ, которыя близко его были, или приманивалъ ихъ бѣсъ изъ рукъ его дятлину; потомъ опять начиналъ играть, и опять со вздохомъ смотрѣлъ на солнце, какъ бы пѣняя ему, что оно еще не посреди неба.

Между пѣмъ Ариспъ (такъ назывался спарикъ изъ Кропона) вышелъ также изъ шалаша, обозрѣвъ окрестность сего страны. Онъ взошелъ на ближній пригорокъ, околѣ взору его открылись осіянные упреннимъ свѣтомъ широкія поля, зеленые

холмы, синія вдали горы, равные луга и долины съ плодоносными древами, и разсѣянные по разнымъ мѣстамъ лѣса изъ прямыхъ и высокихъ дубовъ, елей и сосенъ. Далеко между холмами, рощами и каменистыми утесами съ величавымъ шумомъ текла рѣка. Близкіе ручейки извивались по травѣ и съ тихимъ журчаніемъ падали въ шумящую быстрину; и спада столпившихся пшпичекъ на орошенныхъ вѣтвяхъ сидѣли, или высоко въ свѣтломъ воздухѣ вилась, различно и радостно воспѣвали, мѣшая гласъ свой со гласомъ играющихъ въ свирѣли паспуховъ и съ пѣснями паспущекъ, которые на далекихъ и близкихъ холмахъ и на зеленыхъ лугахъ сошедшись вмѣстѣ пасли свои спада. Удивленный спарикъ бродилъ ненасытными очами, по по опдаленнымъ мѣстамъ, по по травѣ и цвѣтамъ, благоухая у ногъ его смѣющимся: въ сладкомъ удовольствіи сердце его плавало.

Какое блаженство! вскричалъ онъ, какое море веселія! ахъ! едва душа моя не утопаетъ въ ономъ. О природа! коль ты прекрасна! коль прекрасна въ простотѣ своей, гдѣ искусство жадныхъ челоѣковъ еще тебя не обезобразило! Коль благополученъ паспухъ, коль щастливъ мудрый, что невѣдомъ многочисленному народу въ

веселящихся поляхъ услаждается всеми
пріятностями, какія благочинная природа
пріемлетъ и даетъ, и непримѣтный ни ко-
му большія производишь дѣла, нежели за-
воеватель и славожаждущій монархъ! о бу-
ди мною благословенна, шихая долина! будь-
те благословенны, плодоносные холмы! и
вы, журчащія рѣчки! вы, луга! и вы, о-
рощи! шоржественные храмы ненаруши-
мыхъ утѣхъ и важныхъ упражненій! будь-
те благословенны! съ какою пріятностію
срѣщаете вы меня! Холмы чистію радо-
стію препоясанные, долины одѣяныя не-
порочностію, въ очахъ моихъ ликуютъ!
покой и удовольствіе обихаютъ со сми-
ренными пастырями, съ ними почіютъ на
холмахъ, или у извивающихся рѣчекъ, съ
ними предаются сладкому сну подъ тѣнію
плодоносныхъ рощъ. Коль мало имѣете вы
нуждъ, пастухи! коль близки вы къ бла-
женству! о вы, ищущіе различныхъ ща-
спій, и ко вреду себѣ отъ простоты есте-
ства удаляющіеся, вы, безумцы! которые
непорочность простыхъ нравовъ называете
грубостію, а малыя нужды, кои природа
изъ богатыхъ источниковъ своихъ щедро
изливаетъ, презрительною скудостію;
спойте мнимые храмы щасція, что при
каждомъ дуновеніи вѣтра падаютъ и раз-
рушаются! вы чрезъ лабиринтъ идете

къ благополучію; вѣчно въ трудахъ, вѣчно вы шамо въ неудовольствіи скипаетесь. Вы чаще восходить на высшую степень щаслія; обманутые лицемѣріемъ его бродите вы какъ сонные наполнены мечтами; вы пробуждаетесь, спящихъ омрачало васъ, аки бы нѣкимъ божественнымъ свѣтомъ, веселое лице Гарпіи, и не видали вы гнуснаго хребта ея и черныхъ кожаныхъ крылъ, коими нынѣ вѣетъ она въ васъ уныніе и скуку. Вы, обладатели селъ, горделивымъ окомъ съ высокихъ башенъ домовъ своихъ на окресность страны смотрящіе, и въ надменномъ умѣ своемъ помышляющіе: все сіе мнѣ принадлежитъ, сіи трудящіеся обитатели хижинъ суть для меня, господина ихъ, предъ коимъ они трепещутъ; къ кому текутъ источники чистѣйшаго веселія съ безмолвныя страны, съ плодоносныхъ полей, и отъ всея прекрасныя природы? для чьего удовольствія журчатъ рѣчки? кого прохлаждаетъ болѣе тѣнь древесная? кого пріятнѣе обогрѣваетъ солнце? васъ, обладатели, или бѣднаго пастуха, что на правѣ покоится бродящимъ стадомъ своимъ окруженъ? онъ тамъ пребываетъ спокойно, въ душѣ его пища и удовольствіе, бѣдности своей онъ не знаетъ; и естълибъ былъ онъ господиномъ всея страны, принесло ли бы то ему бѣльшій покой и удо-

вольствие? Прекрасная природа есть для него неисчерпаемымъ источникомъ чистыхъ ушѣхъ; ни щеславіе, ни гордость, ни корыстолюбіе не понуждаютъ его жаловаться на свою участь; спокойный духъ и честное сердце сыплютъ предъ нимъ ушѣхи, равно какъ шы, о солнце, на окропленную росой спрану сію сыплешь блескъ и сіяніе. Не гнѣвайшесь, о боги, что почиталъ я себя несчастнымъ и плакалъ, когда оставлялъ Крошонъ, плакалъ озираясь на спѣны, въ которыхъ я родился; вы мрачнымъ и непроходнымъ пушемъ вели меня въ щасливые поля. О вы, рѣчки! на вашихъ берегахъ буду я ошнынѣ покоиться; вы, древа! пріимите меня въ прохладную тѣнь свою; вы, пасухи! отверзите мнѣ жилища ваши, да провожду ошапокъ старости моея между вами, между вами, которыхъ благоденственная жизнь доспойна зависти царей. Текише непрестанно, рѣки сладчайшія роскоши! я несу къ вамъ веселое сердце, несу къ вамъ чистую и непорочную душу; она чиста, какъ небо, когда нѣтъ на немъ ни единого облака; шиха, какъ море, когда споишь оно непоколебимо и въ гладкихъ водахъ своихъ всю спрану изображаетъ. Такъ, шакъ, прозрачныя рѣчки, и вы, безмолвные холмы! межъ вами водворюсь я, вкусишь при концѣ дней моихъ

истинную сладость жизни; исполненный благодарностию къ богамъ буду я съ пріятностию размышлять о протекшихъ лѣтахъ моихъ, блаженъ, что ни единое преслупленіе не воспревожитъ совѣсти моей! Жизнь моя пропекаетъ будешь, какъ пихая рѣчка, и какъ нѣжный цвѣтокъ спокойно увянешъ. Такъ спойтъ увядающая роза и послѣднее благоуханіе свое испускаетъ, легкій вѣтерокъ повѣетъ въ нее, слабые листки упадутъ и роза исчезнетъ.

Такъ говорилъ старикъ, преисполненъ сладкаго восхищенія, обозрѣвъ еще съ радостными въ очахъ слезами всю окрестность страны, и пошелъ тихими стѣпами внизъ холма и попомъ въ шалашъ.

Аминъ и Дафнисъ вспрѣтили его съ распростертыми руками, проспой обѣдъ былъ ужѣ пригошвленъ; дружелюбные старики взявшись рука за руку сѣли за споль, и Дафнисъ сѣлъ съ ними: онъ упоилъ какъ наискорѣе голодъ свой и оставилъ ихъ дружески между собою бесѣдующихъ, а самъ спѣшилъ черезъ рѣку, увидѣвшись съ своею Филисою. Онъ пришелъ къ источнику и не нашелъ ее шуть, спалъ озирашъся кругомъ, и, какое страшное для него приключеніе! увидѣвъ, что имена, которыя вырѣзывалъ онъ на древесныхъ корахъ, всѣ были срѣзаны долой. Боги! вскричалъ онъ со стра-

хомъ, не ужъ ли сіе предвѣщаетъ какое либо несчастіе? ахъ! лишь бы оно не Филисѣ моей угрожало, лишь бы. . . . . Но гдѣ она? я препену! спрашусь! лишь бы оно только не любви нашей угрожало! Такъ говорилъ Дафнисъ и стоялъ съ препеномъ, какъ вышелъ къ нему изъ за кустовъ Ламонъ. Чего ты хочешь, Дафнисъ? говорилъ онъ; кого ты ищешь? конечно Филисы. О! ты ожидаешь ее напрасно; Филиса не любитъ тебя больше; ты блѣднѣешь! невѣрная! нѣтъ, ужъ она тебя больше не любитъ; я напоследокъ вкрался къ ней въ любовь; я посумилъ ей большое снадѣ мое, и подарилъ ей всѣ свои огороды, и она меня полюбила; да, теперь ужъ прекрасная эта пастушка спала моя. Видишь ты, что выброшенные на древесныхъ корахъ имена ваши, валяющіяся подъ деревьями? мы съ Филисою были сегодня здѣсь при восхожденіи солнца и срывали ихъ долой; прощай, Дафнисъ! говорила она срывая имена, я хочу, чтобы совсѣмъ о тебѣ и памяти не было. Дафнисъ едва половину рѣчи разумѣть могъ, онъ стоялъ какъ громомъ пораженъ, ноги у него тряслися, кровь въ немъ хладѣла, и онъ упалъ бы, еслибы Ламонъ поддерживая не свелъ его на берегъ. Я удалю тебя отъ этого страшнаго мѣста, Дафнисъ! говорилъ онъ, вошь челночекъ

пвой, сядь въ него, доброй пастухъ! можешь быть боги дадутъ тебѣ другое щастіе. Мнѣ тебя очень жаль, бѣдненькой! папъ сказалъ онъ и пошелъ назадъ.

Долго стояла мать Дафнисъ, безчувственъ, подобенъ такому, которой опъ страшнаго сна пробудившись не можешь опомниться и не знаешь, сонъ ли то былъ; сердце билось въ немъ и тяжелые вздохи изъ груди его вырывались; непослѣдокъ рѣки слезъ полились у него изъ очей и онъ упалъ въ горькой тоскѣ на землю. Она не вѣрна, вскричалъ онъ, она не вѣрна! боги! и я на вѣки несчастливъ! она, которая въ обѣщаніяхъ моихъ плакала, когда мать говорила ей о любви Ламоновой, она теперь не вѣрна! жестокосердая! ахъ! почему въ первые часы не умеръ я въ твоихъ обѣщаніяхъ! злополучной день, въ которой увидѣлъ я тебя въ первой разъ! къ вѣчному несчастію моему увидѣлъ! . . . . Но нѣтъ, нѣтъ, для чего къ вѣчному несчастію? Когда она за любовь мою заплакала мнѣ обманомъ, такъ я перестану се любить, возбужу въ сердцѣ моемъ презрѣніе, презрѣніе къ дѣвкѣ, которая горячайшаго къ ней пастуха промѣняла на большое счастье. Такъ говорилъ онъ воспаленъ гнѣвомъ, и думалъ легко преодолѣть любовь; но жалость и сокрушеніе сердечное скоро преодолѣли

гнѣвъ. Ахъ! (возопилъ онъ снова) колы щасливъ былъ бы я, жестокая Филиса! колы щасливъ, естлибъ ты не измѣнила мнѣ! я бы всѣхъ благополучнѣе былъ на свѣтѣ! а шеперь я нещасливъ; нѣтъ меня нещаснѣе! все будешь мнѣ казаться уныло, журчаніе рѣчекъ прошивно мнѣ будешь, пѣніе веселыхъ пшичекъ скуку мою умножать станешь, солнечной зной и прохладная тѣнь будешь для меня равно непріятны, и мои овечки бродить станутъ безъ пастуха, пошому что онъ собственную жизнь свою въ нераченіи оставишь. Пойду назадъ къ источнику, гдѣ прижимая къ сердцу своему цѣловалъ я тебя съ такою горячностію, и гдѣ ты, жестокая Филиса, съ такою горячностію меня цѣловала; ахъ, пойду шуда, пролишь послѣднія слезы на нещасное сіе мѣсто!

Такъ жаловался Дафнисъ и пошелъ назадъ къ источнику. Вошь, говорилъ онъ, вошь то мѣсто, гдѣ я столько благополучнѣйшихъ часовъ въ объятіяхъ твоихъ проводилъ! Здѣсь лежала ты, немилосердая, у этой рѣчки, какъ я въ первый разъ тебя нашелъ! а здѣсь, здѣсь, о лютый видъ очамъ! здѣсь съ именемъ твоимъ лежишь кора, которую ты собственными руками своими срѣзала! но . . . ахъ! естли это не правда! естли Ламонъ обманулъ меня?

о сладкія мысли! ахъ! я боюсь, боюсь! ложная надежда! я былъ тебя недостойнъ, Флиса! Ламонъ лучше меня; я былъ тебя недостойнъ! ахъ! прости, прости мнѣ, Ламонъ, что льстивая надежда понудила меня несправедливо счесть тебя обманщикомъ. Тутъ нѣкто зашумѣлъ въ кустахъ, онъ оглянулся и увидѣлъ Филису: онъ воспрепещалъ, она поблѣднѣла и ошворотила отъ него глаза. Что ты здѣсь дѣлаешь, Дафнисъ? сказала она; есѣли бы я знала, что ты здѣсь, я бы сюда не пришла; я пойду; я могу ленточку свою, которую я здѣсь потеряла, и въ другое время сыскаешь. Тебѣ досадно, жестокая, что ты меня еще здѣсь видишь? сказалъ Дафнисъ. Тутъ припворилась она, будто ленточки своей ищешь, и ходила нагнувшись взадъ и впередъ, и Дафнисъ спалъ также искалъ. Это твоя ленточка, которую приплесала я всегда вѣнокъ къ волосамъ, сказала Флиса, возьми себѣ ее пожалуй, коли ты найдешь, ты можешь ее подарить новой своей любовницѣ. Моя ленточка тебѣ не годилась, Ламоновы ленты лучше, сказалъ Дафнисъ, можешь быть она лежитъ вонъ тамъ подъ срубанными корами. Такъ говорили они ища; но путь уже не могъ болѣе Дафнисъ, сильная горестъ сдѣлала его нѣмымъ, оба они съ молчаніемъ искали.

Напослѣдокъ Филиса нечувствительнѣе къ нему приблизилась, тогда услышалъ онъ ее вздыхающую, онъ посматрѣлъ ей въ лицо, и увидѣлъ, что слезы у нее капились градомъ: ты плачешь, невѣрная! сказала Дафнисъ, ты плачешь! Филиса взглянула на него сквозь слезы и увидѣла его плачуща: ты плачешь, измѣнникъ! сказала она рыдаючи, ты плачешь! плачь, немилосердой, плачь, что ты сдѣлалъ меня несчастною, несчастною навѣкъ! Тутъ закрыла она прекрасное лицо свое руками и рыдала, такъ что надрывалась отъ слезъ. Тогда бросился Дафнисъ къ ногамъ ея, и взявъ у нее руку, и прижалъ ее съ горячностію къ устамъ своимъ, и окроплялъ ее слезами. Ахъ, Филиса, сказалъ онъ всхлипывая, любезная и невѣрная Филиса! ты плачешь? Плачь о моемъ несчастіи! свирѣпой! сказала съ жалостію Филиса, ты называешь меня невѣрною, меня, которая тебя больше всего люблю, и которую ты приводишь въ несчастіе, а ты, ты-то и невѣренъ мнѣ и любишь другую дѣвку! Тутъ вскочилъ Дафнисъ; я, вскричалъ онъ, я невѣренъ? боги! поразите меня, если я невѣренъ! но ты, Филиса . . . . ахъ! вѣрна ли ты мнѣ? не любишь ли ты Ламона? . . . скажи, не обманывай меня, Филиса! не ты ли срѣзала кору съ деревьевъ? Ламонъ нашелъ меня

сегодня у рѣчки; кого ты ищешь? сказала онъ, Филисы? бѣдницей! ужъ она тебя больше не любитъ, она любитъ меня. Сегодня сама она срѣзала кору съ деревъ, чтобы совсѣмъ о тебѣ и памяти не было.

Филиса стояла въ превеликомъ удивленіи, потомъ упала къ Дафнису на шею: мы обмануты, вскричала она, жестокосердой Ламонъ! мы обмануты! Вчера, любезной Дафнисъ, вчера плакала я здѣсь, ожидая тебя понапрасну, и оглянувшись нечаянно увидѣла срѣзанную съ деревъ кору: о какъ я испугалась! чуть могла стоять на ногахъ, какъ пришелъ ко мнѣ изъ за кустовъ Ламонъ. Бѣдная Филиса, сказала обманщикъ, ты ищешь Дафниса, ты испугалась увидя срѣзанныя имена; но ты еще не знаешь, ахъ! какую страшную принесъ я къ тебѣ вѣдомость; ты еще не знаешь, что Дафнисъ тебѣ невѣренъ, Дафнисъ пивой измѣнилъ тебѣ: вчера приходилъ онъ сюда съ другой пастушкою и срѣзалъ всѣ имена съ деревъ: я хочу тебя забыть, Филиса! говорилъ онъ, хочу тебя забыть навсегда; потомъ поцѣловалъ свою пастушку и пошелъ съ нею назадъ. Я услышавъ это обмерла и упала на землю; тогда обманщикъ поднималъ меня; бѣдная Филиса, говорилъ онъ, пойдемъ, я опведу тебя въ швой шалашъ; не печалься, измѣнникъ недостойнъ

шого, чѣмъ ты о немъ плакала. Ахъ, Филиса! естълибъ ты меня любила; ты бы щасшлива была; всѣ мои большія спада и всѣ огороды были бы твоими. Такъ говорилъ обманщикъ и опшелъ меня къ намъ въ шалашъ. Я плакала, Дафнисъ, плакала всю ночь; и сегодня, ахъ, сколько мукъ претерпѣла! Я пойду туда, думала я, пойду ввечеру сегодня туда и спану тамъ плакать у рѣчки, гдѣ я такъ часто въ объятіяхъ невѣрнаго бывала: пошла и себя увидѣла, тоска меня взяла себя увидя, однакожъ я и обрадовалась; леншочки никакой я не шеряла, да хотѣла припвориться сердитою. Ахъ, какъ мнѣ это было трудно! я спала плакать, ты также плакалъ, любезный Дафнисъ! о какое щастіе, что мы опять съ тобою неразлучны!

Лукавой обманщикъ! сказалъ Дафнисъ, хорошо, что обманъ его не долго продолжался! Дражайшая Филиса! Дражайшій Дафнисъ! говорили они съ распаленнымъ чувствованіемъ обнимая другъ друга. Ахъ! сказалъ Дафнисъ, простишь ли ты мнѣ, что я тебя почипалъ невѣрною? Ахъ, Дафнисъ! сказала Филиса, Дафнисъ! не сердись ты, что я тебя почипала невѣрнымъ, и что припворялась сердитою? Тутъ опшѣшествовали они другъ другу слезами и неисчешными поцѣлуями: онъ въ во-

схищеніи сердца своего цѣловалъ ее въ бѣлой лобъ, въ щекы, въ губы и въ слезящіе очи; а она выцѣловала ему вѣнокъ вокругъ всего пригожаго лица.

Филиса спросила, для чего не пришелъ онъ вчера къ источнику; и Дафнисъ рассказывалъ, какъ унесла его рѣка, и Филиса шрепешала; а попомъ рассказывалъ онъ о добродѣтельныхъ рыбакахъ: Филиса благодарила боговъ и желала, чѣтобъ съ рыбаками было всегда ихъ благословеніе; а послѣ того рассказалъ онъ о спарикѣ, котораго многіе худые люди выгнали изъ города, и какъ онъ велъ его вверху рѣки. Филиса, въ сожалѣніи о спарикѣ, и въ радости, чѣто любилъ столь человѣколюбиваго паслуха, обняла его съ восхищеніемъ: она бы въ сіе время полюбила его больше прежняго, есѣли бы можно ей было, полюбилъ его еще больше. Тутъ пересказала ему Филиса, какъ увѣдомила она мать свою, чѣто была у нихъ въ шалашѣ, и какъ мать ее заплакала услышавъ объ Аминѣ, опцѣ его, и какъ приказывала привести къ ней Дафниса.

Пойдемъ теперъ со мною, любезной Дафнисъ, говорила она, пожавъ у него руку. Любезнѣйшая Филиса, сказалъ онъ, я самой прещасливой челоѣкъ на свѣшѣ! ахъ! какъ могъ я усумниться въ швоей любви?

я недостойнъ, чѣмъ ты меня любила, ибѣшь, я . . . . шунъ съ восторгомъ поцѣловала она его поскорѣй въ уста, чѣмъ онъ не могъ болѣе дѣлать себѣ упрековъ.

Между шѣмъ пошли они чрезъ кусты въ Филисинъ шалашъ, и лишь только спали подходить къ нему близко, какъ уже Филиса вскричала: мамушка! Дафнисъ мой здѣсь! потѣмъ вскочила она въ шалашъ, Дафнисъ вошелъ за нею, и спарушка мать встрѣтила его съ великой радостію: добро пожаловать, о сынъ добродѣтельнаго друга, говорила она, добро пожаловать! Какъ щаслива я, что дочь моя тебѣ понравилась! боги опредѣлили вамъ любить другъ друга, боги и благословяшъ васъ! Сказавъ сіе посадила она его подлѣ себя, а Филиса принесла между шѣмъ фигъ, гранатныхъ яблоковъ и винограду, и сѣла также подлѣ Дафниса. Филиса взяла большую виноградную кисть и сорвавъ первую ягоду положила въ ротъ къ Дафнису, а другую сѣбла сама, и такъ продолжала, покуда вся кисть была сѣбдена. Мать смѣючись смотрѣла на нихъ, и положила, чѣмъ чрезъ три дни Гименъ соединилъ ихъ навѣки; по ешь прежде нежели наступитъ время къ собиранію винограда, ибо листья были уже красноваты и желты, а зрѣлыя грозды полнымъ наливомъ своимъ приближеніе зимы

*

изъявляли. Дафнисъ поцѣловалъ Филису; ахъ! какъ буду я веселъ, сказалъ онъ, когда чрезъ два дни опныиѣ увижу упреннюю зорю!

Любезныя дѣти, начала говоритъ мать пожавъ у нихъ у обоихъ руки, вы утѣшеніе и радость старости моей! Какое благополучіе въ немногіе лѣта, копорыя мнѣ жить осталось, какое благополучіе видѣть васъ щастливыми! и . . . . чѣмъ сего благополучіе, какъ добродѣтельный совокупляеся съ добродѣтельною! любовь ихъ безконечна, они другъ другу всегда будущъ любезны. О дѣти! я плачу! . . . . (шутъ остановилась у нее рѣчь) ахъ! я знаю, знаю коль велико сіе блаженство! въ обѣщаніяхъ добродѣтельнаго мужа и самая бѣдность не горестна. О Палемонъ! Палемонъ! Такъ, боги пекутся объ васъ, дѣти; ко времени спознались вы другъ съ другомъ: можете спасться, дочь моя, изъ послушанія ко мнѣ вышла бы ты за Ламона, и можете спасться была бы ты несчастлива, даромъ что луга его опъ шпросника рѣчнаго даже до подошвы синѣющихъ горъ пропшнулись, и даромъ что овецъ и козъ у него безчисленное множество на нихъ пасется. Я расскажу вамъ нѣчто: Палемонъ помогаль однажды огороднику Тимешу садить виноградъ на его холму; тамъ они вкругъ камня рыли

землю и нашли кладъ. Посмотри, сказала Тимешъ, чего я никогда не ожидалъ; великое сокровище! половина придетъ на твою долю. Какіе мы бѣдняки! работаемъ отъ восхожденія до захожденія солнечнаго, а чѣмъ получаемъ себѣ за труды? упомненіе и худую пищу. Мнѣ твоего сокровища не надобно, сказалъ Палемонъ, владѣй ты имъ одинъ. Бѣдность я люблю, ешьли это бѣдность, и работа мнѣ пріятна; она члены мои сдѣлала твердыми, и полуденной зной для меня не жарокъ. И ты не радуешься, Палемонъ, о найденномъ сокровищѣ, говорилъ Тимешъ? Нѣтъ, Тимешъ, я не радуюсь о найденномъ сокровищѣ, говорилъ Палемонъ, и ешьли бы я одинъ нашелъ, то закопалъ бы его еще глубже въ землю. Начто мнѣ оно? развѣ бы мнѣ тогда праздну разлечься на лугахъ, или нѣжась сидѣшь въ прохладной тѣни, и смотрѣшь, какъ сосѣдь мой плугомъ раздиралъ землю, или въ пошѣ лица своего насаждаетъ виноградъ, или какъ пасухъ попечительно пасетъ свое стадо? развѣ бы мнѣ тогда глядя на нихъ зѣвать, или бы я больше ѣлъ, или съ лучшимъ алчемъ? сныдись! закопаемъ назадъ сокровище. Палемонъ! говорилъ Тимешъ, скоро я соглашусь закопать сокровище. О коль бываю я веселъ, продолжалъ Палемонъ, когда я уснувъ крѣпко пробуж-

даюсь съ новою силою! тогда раннія пшички прѣіемъ своимъ зовущъ меня къ прудамъ, и восходящее солнце поздравляетъ меня свѣтлыми своими лучами; радоспенъ иду я тогда на дневную работу, и распрѣваю въ лугу, гдѣ малое сѣно свое пасу, или небольшое поле свое обрабатываю, или помогаю сосѣду своему обрабатывать его поле: тогда и простая пища послѣ трудовъ вкусна мнѣ и здорова. О какъ радуюсь я потомъ, когда ушомясь въ вечеру иду въ шалашъ, когда благодарная жена съ распростертыми руками встрѣчаетъ меня, и къ утоленію жажды моей несетъ мнѣ полную кружку свѣжей воды, или виноградного морсу, ештли онъ случился, и голодъ мой хлѣбомъ, сыромъ и овощами насыщаетъ! о какъ радуюсь я тогда! и ештлибъ вся земля отъ самыхъ Клибанскихъ горъ даже до песчаныхъ холмовъ Іоническаго моря мнѣ принадлежала, то бы я не могъ больше радоваться. Закопаемъ сокровище, сказалъ Тимешъ, оно никуда не годится: и шущъ они закопали сокровище. Такъ рассказывала мать, и примолвила, что добродѣтельной всегда богаты; и утѣшалась сидя съ ними покуда вечерняя заря сквозь зеленые листья деревьевъ не начала багровить.

Тутъ надлежало идти Дафнису; поди, сказала мать, поди, скажи своему ошцу,

что я почипаю себя прещасливою мате-
 рью. И Филиса пошла съ нимъ изъ шалаша
 и проводила его до самого берега. Дафнисъ!
 сказала она ему при распаваніи и обняла
 его съ горячностію, черезъ три дни бракъ
 соединишь насъ; какъ мы будемъ щасшли-
 вы! чѣмъ сравнишь съ благополучіемъ на-
 шимъ, Дафнисъ? съ какою пріятностію
 пропекашь будешь жизнь наша! ахъ Фили-
 са! сказалъ онъ и также съ великою горяч-
 ностію обнялъ ее, она какъ вѣчная весна
 будешь процвѣтаешь. Такъ, повторила Фи-
 лиса, словно какъ эша рѣчка по цвѣтамъ
 здѣсь пропекаешь, такъ она будешь про-
 пекаешь: хопя, возлюбленный! хопя быва-
 юшь иногда волчець и шерніе на берегахъ
 ея, равно какъ и весною случаюшься иногда
 ненастные дни; однакожь, когда мы добро-
 дѣтельны, то въ швоихъ объятіяхъ, любез-
 нѣйшій Дафнисъ, и съ шерніевъ буду я со-
 бираешь розы, и ненастные дни будутъ для
 меня ясны и свѣтлы. Да, свѣтъ очей мо-
 ихъ, сказалъ Дафнисъ, и опецъ мой всегда
 мнѣ говоритъ: не теряй въ несчастіи шер-
 пѣнія, я самъ часто видалъ надъ собою бѣ-
 ды, но когда онѣ проходили, тогда забы-
 валъ я ихъ и лишь одно свое щастіе чув-
 ствовалъ. Точно такъ, Дафнисъ, примол-
 вила она, когда мы любя другъ друга не
 имѣли надежды видѣться, тогда мы были

несчастливы; какъ же попомъ спали счастливы, когда увидѣлись другъ съ другомъ! Когда мы одинъ другаго обвиняли въ невѣрности, тогда мы были несчастливы; какъ же попомъ спали счастливы, когда намъ обманъ открылся!

Такъ разговаривали они стоя подлѣ рѣки; попомъ еще поцѣловались, и Дафнисъ сѣлъ въ челночокъ, а Филиса кричала ему съ шепетомъ, чшобъ онъ берегся и осторожно плыль черезъ рѣку; боязливые взоры ея до шѣхъ поръ провожали его, пока онъ не вышелъ на берегъ; шущъ еще разъ закричала она ему съ радостію, и онъ ей шакже закричалъ.

Когда переплыль Дафнисъ черезъ рѣку, шамъ увидѣлъ онъ мужа стоящаго неподалеку отъ шалаша и плачущаго предъ мужемъ изъ шалаша. Ахъ! говорилъ сей плачущій мужъ, бѣдной я! ахъ! я бы не былъ несчастливъ, когдабъ не сіе дѣшя, на шравѣ подлѣ меня играющее! О любезное и злополучное дѣшя! Но нѣшъ, шы не злополученъ, шы съ удовольствіемъ на шравѣ улыбаешься, весель, и плачешь шолько шогда, когда меня плачуща видишь; я смошрю на швою усмѣшку и плачу, дѣшя! и плачу. Ахъ! продолжалъ онъ, я жилъ вонъ на шой горѣ, весной нынѣ деревья мои разцвѣтали и овощъ въ огородѣ моемъ произрасшалъ

изрядно, внезапно полился сильной дождь и пошoki скопившейся воды разрушили и шалашъ мой и деревья и огородъ, и покрыли пѣною и каменьями то мѣсто, гдѣ надежда пропитанія моего цвѣла.

Дафнисъ вздохнувъ прошелъ мимо; блаженъ шопъ мужъ, говорилъ онъ, кошорой несчастнымъ помогаетъ! боги видятъ сіе и благословятъ его. О боги! для чего я бѣденъ? я видѣлъ, ахъ, я видѣлъ несчастнаго, и сердце мое опъ соболѣзнованія и жалоспи спрадало, что я не могу ему подати помощи! ахъ, я чувствую, чувствую, коль бы я благополученъ былъ, есѣли бы могъ ему помочь! ахъ! для чего я бѣденъ? боги!

Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ шелъ Дафнисъ назадъ въ шалашъ; едва могъ онъ рассказать спарику опцу своему, что онъ былъ въ шалашѣ у Филисы, и что чрезъ три дни совокупитъ ихъ Тимень.

Солнце паки возеашилось, и Аристъ стоялъ уже на орошенной правѣ предъ шалашемъ. Дафнисъ съ опцемъ своимъ пришли къ нему, и тогда спарикъ просилъ ихъ перейши съ нимъ чрезъ луга; они послѣдовали ему, а онъ возвелъ ихъ на пригорокъ, опкуду вся спрана взору ихъ опкрылась, и гдѣ окрестъ сего пригорка въ пріятной зелени стояли плодоносныя деревья, кошорыя прохлаждалъ онъ своею пѣною. Сочная

и высокая шрава осѣняла небольшія бразды, по коимъ чрезъ луга текла чистая вода изъ журчащей рѣчки, между розовыми и шерновыми кустами съ пригорка низливающейся; съ другой стороны пропѣнулось хлѣбопашное поле и далекая равнина, а посреди пригорка стоялъ шалашъ и садъ, гдѣ подъ тѣнію липовыхъ кустовъ сдѣлана была дерновая бесѣдка.

Тутъ обнявъ Аристъ Аминша и его сына: ты мой другъ! и ты мой сынъ! говорилъ онъ, сей шалашъ, и сіи деревья, и сей пригорокъ вамъ принадлежать; я вамъ ихъ отдаю; вчера купилъ я ошотъ холмъ, и съ вами хочу здѣсь жить; въ семъ шалашѣ, подъ сими деревьями, при сихъ источникахъ прошекашь будешь спаросъ моя! и когда я умру, о друзья мои! когда въ обѣщаніяхъ твоихъ, Аминшъ, закрою глаза, тогда погребите меня здѣсь, между сихъ вѣшневислыхъ деревъ, гдѣ голубыя лиліи цвѣтутъ. Аминшъ отъ радости и удивленія не могъ промолвить ни слова. Ахъ! напоследокъ обнявъ своего друга сказалъ онъ, ахъ другъ мой! коль ты великодушенъ! о съ какимъ услажденіемъ буду я провождать спаросъ мою съ тобою! Дафнисъ! когда мы умремъ, ты погребѣ насъ одинъ подлѣ другаго между сими лиліями, и да

будущъ сіи древа у шебя и у швоихъ дѣшей
Арисшъ и Аминшъ называшься.

Съ печальнымъ безмолвіемъ внималъ
ощцелюбивый сынъ сіе повелѣніе, и по-
шомъ пошли они на верхъ холма и въ бе-
сѣдку. Дафнисъ обозрѣлъ кругомъ и уви-
дѣлъ за рѣкою Филисинъ шалашъ. Онъ за-
плясалъ ошъ радости на томъ мѣстѣ, гдѣ
сшоялъ, и закричалъ сшарикамъ и спалъ
имъ показывашъ жилище своей любезной.
Долго смотрѣлъ онъ на него пристально,
не увидишъ ли шамъ подъ зеленою кровлею
своей Филисы, или не выглянешъ ли она
въ окошко, но онъ не могъ ее увидѣшъ;
шущъ запѣлъ онъ въ восторгѣ пѣсню, такъ
громко, чшобъ она въ шалашѣ своемъ услы-
шала. Пошомъ пошелъ онъ осмотрѣшъ про-
сторной шалашъ свой, кошорой чисшъ
былъ и уюшенъ, ни чѣмъ не украшенъ, но
лучи восходящаго солнца на бѣлыхъ стѣ-
нахъ изображали колеблющуюся шѣнь вѣшъ-
вей и розовыхъ кусшовъ, предъ окнами по-
мавающихъ. О Арисшъ! вскричалъ онъ съ
восхищеніемъ и подскочилъ къ нему и по-
цѣловалъ у него руку. Пошомъ пошелъ онъ
вокругъ шалаша и увидѣлъ, чшо какъ лѣсъ
сшояшъ вездѣ прекрасныя деревья, кошо-
рыхъ подпершыя жердями сучья ошъ тя-
госши плодовъ къ высокой справѣ гнушся,
и ошъ одного дерева къ другому прошага-

лись дуги виноградныхъ лозъ. Ахъ Филиса! какую скажу я тебѣ радость! здѣсь будешь жилище наше! о Аристъ! коль ты милосливъ! вскричалъ онъ, и прибѣжалъ опянь къ нему, поцѣловать его въ руку. Аристъ видѣлъ ошцову и сыновню радость, и чувствовалъ божественное услажденіе, какое чувствуетъ шокмо богъ и великодушной человекъ. Коль велико блаженство видѣшь восшоргъ благодарности шѣхъ, коимъ мы сдѣлали добро!

Дафнисъ пошелъ теперь радостенъ съ холма долой, чшобъ небольшое спадо свое погнашь въ лугъ; а Аристъ и Аминъ въ веселомъ между собою собесѣдованіи остались на холму. Когда шелъ онъ позади своего спада, тогда самъ съ собою размышлялъ: теперь есть у меня холмъ, и шалашъ на немъ будешь пущъ; вы боги, услышали воздыханія мои! теперь могу я помочь несчастному, кошораго вчера видѣлъ; попрошу ошца моего, чшобъ онъ подарилъ ему эшопъ шалашъ. Такъ разсуждалъ онъ и пришелъ къ другимъ пасухамъ. Онъ началъ имъ въ радости рассказывать, какъ сшарикъ купилъ для него пригорокъ, и чшо завтра Гимень соединитъ ихъ съ Филисою, и просилъ ихъ всѣхъ придти къ нему на свадьбу. Въ доброй часъ, Дафнисъ! говорили ему всѣ пасухи, ты достоинъ

своего щасія; мы придемъ къ шебѣ на свадьбу, настроимъ свои свирѣли и приведемъ съ собою дѣвокъ. Потомъ начали разговаривать, какъ они спанутъ тамъ веселишся, пробовали свои свирѣли, и каждой выбиралъ уже себѣ пастушку. Лишь только насталъ полдень, Дафнисъ пошелъ отъ нихъ прочь, а пастухи впрочемъ общали всѣхъ придти къ нему на холмъ, какъ скоро настанетъ утро.

Дафнисъ хотѣлъ теперь идти въ старую свою шалашъ, но ни Ариста ни отца своего уже не нашелъ тамъ, и какъ удивился, когда тотъ несчастный, котораго онъ вчера видѣлъ, вышелъ къ нему на встрѣчу! Дафнисъ! Дафнисъ! говорилъ сей мужъ, между тѣмъ какъ слезы текли у него по лицу, чѣмъ могу я воздать вамъ? какъ могу показать тебѣ восторгъ благодарнаго моего сердца? нѣтъ словъ, ни самыхъ текущихъ изъ очей моихъ радостныхъ слезъ изъяснить того не могу! О боги! коль блаженъ тотъ мужъ, которому внушаете вы дѣлать добро! Дафнисъ! отецъ твой, ахъ! подарилъ мнѣ и шалашъ этотъ и деревья. Тутъ съ великимъ удовольствіемъ обнялъ его Дафнисъ: расскажи, говорилъ онъ, расскажи мнѣ, какимъ образомъ случилось сіе радостное приключеніе; какъ нашелъ себя мой отецъ? Сегодня, продолжалъ сей мужъ,

робенокъ мой Ёль сидя яблоко на вашемъ холму; тогда пришелъ отецъ свой, и взялъ его къ себѣ на колѣни, и спросилъ, кто у него отецъ; Филетъ, промолвилъ дитя; а гдѣ ваша хижина? пущъ заплакалъ ребенокъ: у насъ нѣтъ хижины, ни сада нѣтъ, ни деревьевъ нѣтъ. Тогда спросилъ Аминъ, гдѣ я; и велѣлъ ему привести меня къ себѣ; пущъ скочилъ дитя у него съ колѣней, и прибѣжалъ ко мнѣ, и привелъ меня къ своему отцу; онъ заставилъ меня рассказать о моемъ несчастіи; Филетъ, сказалъ онъ выслушавъ меня, шалашъ, которой стойтъ вонъ по ту сторону луга, и деревья, которыя покрываютъ его своею тѣнію, отдаю я тебѣ; возьми и шалашъ и деревья; я одинъ буду жить на семъ холму, а ты мнѣ будь сосѣдъ и другъ. Ахъ! я думалъ, что слышу гласъ нѣкоего бога; опасался, не мечтаюсь ли мнѣ то во сновидѣніи: я не могъ благодарить, я могъ только плакать. Тутъ умолкъ Филетъ и возвелъ на небо очи. Между тѣмъ какъ они такимъ образомъ разговаривали, невинное дитя маленькими своими рученками обнялъ Дафнисовы колѣна, и улыбаяся смотрѣлъ ему въ глаза, словно какъ бы сею улыбкою хотѣлъ ему изъяснить свою благодарность. Прости, Филетъ! сказалъ Дафнисъ, живи счастливо въ шалашѣ своемъ и да будешь

дерева твои плодоносны! Говоря сіе под-
нялъ онъ робенка къ себѣ на руки и цѣло-
валъ его, между тѣмъ какъ сей ручонкою
своею шевелилъ у него волосы и хваталъ
играючи за гладкой его подбородокъ.

Дафнисъ пошелъ теперь на холмъ свой,
и рассказалъ о нечаянномъ своемъ удоволь-
ствіи, и какъ скоро могъ снѣвшия пере-
плыть за рѣку, но Филиса не была еще у
источника. Онъ легъ подъ тѣнію одной
ивы, гдѣ солнечный зной и журчаніе рѣчки
скоро его усыпили. Вдругъ пробудился онъ
почувствовавъ что нѣкто бросилъ въ него
цѣлую горсть цвѣтовъ; онъ потчасъ взгля-
нулъ, а передъ нимъ стояла Филиса и смѣ-
ялась; онъ хотѣлъ броситься къ ней въ
объятія, но увидѣлъ, что связанъ; онъ хо-
тѣлъ развязаться, но не могъ: а Филиса
хохотала такъ, что у нее пучокъ цвѣтовъ
съ груди упалъ. Добро лукавица! говорилъ
Дафнисъ; постой, постой, дай мнѣ только
развязаться, я тебѣ это оплачу! такъ
говорилъ онъ смѣясь и щещно шуда и
сюда вертѣлся. Пожалуйста не мсти мнѣ,
сказала паспушка, покуда я тебя не раз-
вяжу! чѣмъ ты мнѣ отомстишь? Я спану
тебя цѣловашъ сказалъ онъ, такъ спану
тебя цѣловашъ, что все твое лицо какъ
роза будетъ румяно! Нѣтъ, Дафнисъ! ска-
зала она, нѣтъ, я не развяжу тебя, покуда

не дашь мнѣ слово цѣлой часъ меня не цѣловашь. Филиса . . . . . сказалъ онъ, какъ могу я это обѣщать? но Филиса его не развязывала. Я не спашу тебя цѣловашь, вскричалъ онъ напоследокъ, и тогда Филиса его развязала. Вѣрно не сдержашь ему своего слова, думала она, однакожь онъ нарочно скрѣпился, сѣлъ и не цѣловалъ ее. Прошло нѣсколько минушъ, она взглянула на него съ улыбкою, но онъ сидѣлъ по прежнему. Дафнисъ! молвила она пошомъ, я думаю, часъ ужѣ прошелъ. Прошелъ? сказалъ онъ, далеко еще до того, и четверши часа нѣшъ. Тутъ Филиса усмѣхнувшись покрасѣла немножко, и спала опять ждашь. Ахъ! шеперь ужъ онъ конечно прошелъ, сказала она. Ты обманываешься Филиса, говорилъ Дафнисъ, еще нѣшъ получаса. О Дафнисъ! сказала шутъ Филиса, ты ужъ довольно мнѣ опомсшилъ; не ужъ ли тебѣ легко не цѣловашь меня? Тутъ наклонилась она къ нему на грудь, и прижавъ лице свое къ его усшамъ, глядѣла на него съ такою улыбкою, въ которой вся сердца ея спрасшь изображалась: тогда усмѣхнулся Дафнисъ и прижалъ ее къ своей груди и пролилъ на лице ея дождь поцѣлуевъ.

Ахъ Филиса! говорилъ онъ, рѣчь свою непрестанно поцѣлуями прерывая, какъ тяжело мнѣ было мсшшь тебѣ! и хопя бы

шо всего моего сѣада стоило, я бы не могъ долѣе медлить. Но Филиса! продолжалъ онъ съ важностію въ лицѣ, ахъ! что я тебѣ скажу? боги! какую радость. Сегодня отецъ мой помогъ несчастному; сегодня, о благополучный день! сегодня видѣлъ я и проливалъ самъ слезы чистосердечія и благодарности. О коль любезны сіи слезы! любезнѣе, любезнѣе сто крашъ, какъ падающая весною на цвѣтѣхъ роса. Но послушай, свѣтъ очей моихъ, я все тебѣ расажу. Аристъ, спарикъ, купилъ для насъ большой холмъ, на которомъ такая росшесть права, что мнѣ въ колѣно, и на немъ стоишь цѣлой лѣсъ плодоносныхъ деревьевъ, а подлѣ сего лѣсу поставленъ просторной шалашъ, и подлѣ шалаша течетъ источникъ. О Филиса! какою благодарностію наполнены были сердца наши! Аристъ самъ плакалъ; о блаженные слезы того, кто проливаетъ ихъ отъ радости, что могъ сдѣлать добро! Пришелъ одинъ несчастной, у котораго водяные потоки срыли и шалашъ его и деревья, тогда отецъ мой отдалъ ему свой шалашъ и съ деревьями: о какою благодарностію наполненъ былъ сей добросердечной мужъ! онъ пролилъ радостныя слезы въ моихъ объятіяхъ! Филиса плакала при рассказываніи, и Дафнисъ сцѣловывалъ съ лица ея слезы, чтобы ни одна изъ нихъ не

укапилась къ ней за пазуху. Какъ намъ будешь весело, Филиса, продолжалъ онъ, когда овцы наши въ высокой на холму справѣ сирлчущся, между шѣмъ какъ я о деревьяхъ нещись буду, а ты о садѣ, или оба мы въ объятіяхъ другъ друга подъ шѣнію лежать и боговъ благодарить станемъ! Ахъ Дафнисъ! Дафнисъ! съ радостнымъ восхищеніемъ прижавъ его къ своей груди сказала Филиса, ахъ, какъ мы щасливы! правда, я бы и въ бѣдности была съ тобою щаслива; въ вѣшхомъ шалашикѣ, въ уединенномъ лѣсу, просныя цвѣтны принимала бы я за благоуханныя розы, и коренья справъ за сладкія ясхва; но боги даруютъ намъ еще покой и изобиліе. О какъ щастіе мое веселитъ меня шѣмъ, что оно купно и швое!

Пойдемъ, любезная Филиса, сказалъ Дафнисъ, поднявъ ее радостно съ своихъ колѣнъ, пойдемъ вонъ на эпотъ пригорокъ, гдѣ пыквы распутъ; можешъ бышь ошпуда увидимъ мы нашъ холмъ; и тушь пошли они на пригорокъ. Въ шѣни широкихъ пыквенныхъ листовъ остановился Дафнисъ и смотрѣлъ кругомъ: вдругъ запрыгалъ: Филиса, вскричалъ онъ, видишь ли ты нашъ холмъ, вонъ тамъ, смотри на мой персшъ, вонъ, гдѣ шакос множество деревъ? А! вижу, сказала Филиса, вижу: вонъ и испоч-

никъ ; какъ онъ по правѣ и межъ кустовъ лѣшся ! я вижу и шалашъ, Дафнисъ ; какой большой и хорошей ! какъ деревья вѣшвы свои черезъ него прошянули , словно какъ бы подавали ихъ другъ другу , такъ какъ мы въ пляскѣ подаемъ руки ! а вонъ эшо пробирается сквозъ ихъ либо мальчикъ либо дѣвушка ! я вижу также и бесѣдку : длинная, зеленая предъ шалашемъ. Ахъ, любезный Дафнисъ , обними меня ! какъ мы будемъ щасливы ! ахъ ! я уже вижу, я уже чувствую машернюю радость ; вижу, какъ я сижу въ бесѣдкѣ и съ улыбающимся на колѣнахъ моихъ младенцемъ играю , между цвѣткы и лепечущъ, или равнорослые молодымъ барашкамъ съ ними по правѣ прыгающъ ! о коль сладкая надежда ! Но кто эшо ? поди сюда скорѣй , кто эшо идетъ изъ бесѣдки, сѣдая голова ? О Филиса ! эшо Аристъ , сказала Дафнисъ. Ахъ Аристъ ! вскричала съ восхищеніемъ пастушка, о ты доброй Аристъ ! ты нашъ отецъ !

Свѣтъ очей моихъ , сказала Дафнисъ , сѣвши подлѣ шывъ и посадя Филису къ себѣ на колѣни, свѣтъ очей моихъ , какъ я щасливъ ! ты любишь , ахъ , ты любишь меня ! эшо одно, такъ , одно эшо уже дѣлаетъ меня щасливымъ ! Какую радость, какое услажденіе вкушаю я съ того времени,

*

какъ любимъ побою! Естли бы ты меня не любила, ни холмы, ни спада, ничто, ничто бы меня не утѣшало; но въ твоихъ объятіяхъ, душа души моей, въ твоихъ объятіяхъ почиаю я себя изъ всѣхъ благополучнѣйшимъ! Завтра буду я клясться въ любви моей предъ купидономъ. Ахъ Филиса! когда голова моя посѣдѣетъ, когда сердце мое въ послѣдніе запрепещетъ, и тогда, равно какъ теперь, будетъ оно къ тебѣ наполнено любовію. Ахъ Филиса! Любезнѣйшій Дафнисъ! сказала Филиса, и вздохнувъ руками своими жала съ горячностію его руки.

Такимъ образомъ сидѣли они тамъ съ восхищеніемъ, и услаждались и молчали. Филиса! началъ опять Дафнисъ, всѣ пастухи и пастушки радуются нашему щастію; всѣ тѣ, которые живутъ вокругъ нашего холма, общали мнѣ придти къ намъ на свадьбу, и я буду ихъ угощать въ бесѣдѣ. А живущіе около насъ пастухи и пастушки, сказала Филиса, общали мнѣ тоже самое сдѣлать. Такъ говорили они и веселились, что столько людей знаютъ, принимающихъ дружелюбное въ радости ихъ соучастіе.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Дафнисъ всталъ, чтобы идти за руку; рука за руку взявшись сошли они съ холма. Ахъ!

говорила Дафнисъ, какъ я буду веселъ, когда настанешъ утро! съ какою радостію, съ какимъ восхищеніемъ и пріятностію встрѣчу я разсвѣпаніе дня! Какъ скоро зоря наступитъ Филиса, какъ скоро наступитъ зря, буду я уже предъ швоимъ шалашемъ. А я еще прежде зари, сказала Филиса, прежде зари, спану съ неперѣливостію смошрѣшь въ окошко; и когда ты покажешся, тогда-то сердце мое вострепещетъ отъ радости; плакать спану отъ удовольствіа, словно какъ бы давно съ тобою не видалась; съ крикомъ встрѣчу тебя, такъ какъ кричатъ молодыя ласпочки, когда мать въ носикѣ своемъ несетъ къ нимъ пищу. Такъ, душа моя, сказала Дафнисъ обнявъ ее, и я на устахъ своихъ принесу къ тебѣ пищу и утѣху.

Такъ говорили они, покуда не сѣлъ Дафнисъ въ челночокъ.

Д А Ф Н И С Ъ

К Н И Г А Т Р Е Т І Я.

Въ веселыхъ снахъ оба они проводили ночь. Едва ранняя ласточка сидя подъ кровлею возвѣстила приходъ ушра, какъ внезапно гласъ многихъ свирѣлей и пѣсенъ прервалъ Дафнисовъ сонъ. Паспухи и паспушки взявшись рука съ рукою стояли уже предъ шалашемъ и пѣли Дафнису веселую свадебную пѣсню. Тотчасъ вскочилъ онъ съ восторгомъ и вскричалъ: буди мною благословенъ, о щастливѣйшій день въ моей жизни! Потомъ имѣя свѣтлорусые волосы переплетенные новою лентою, съ вѣнкомъ на головѣ и въ праздничномъ нарядѣ, выскочилъ онъ къ паспухамъ, и паспушкамъ, радостно ему восклицаящимъ, и съ которыми Аристъ и Аминъ стояли уже и веселились, что видяшъ себя присушствующими на бракъ сыновнемъ.

Теперь всѣ они пошли съ холма долой, а старики въ слѣдъ имъ съ веселіемъ смотрѣли; они пришли къ рѣкѣ и спали садясь въ челночки, которые всѣ были

украшены, каждой съ зеленою кровелькою стоялъ подлѣ берега. Запѣвъ пѣсни поплыли они за рѣку, гдѣ были многіе челночнѣ, также съ зелеными кровельками и длинными леншами, на которыхъ паспухи и паспушки прѣѣхали съ другаго берега. Тутъ выскочили они изъ челночновъ, привязали ихъ крѣпко, и пошли громко запѣвъ къ Филисину шалашу, а тамъ стояла уже большая толпа юношей и дѣвицъ; съ веселымъ сердцемъ присоединились они къ нимъ, а Дафнисъ побѣждалъ потчасъ въ шалашъ, гдѣ Филиса съ безмѣрною радостію его встрѣтила.

Между пѣмъ дѣвицы и юноши, распѣвая пѣсни, ожидали предъ шалашемъ. Одинъ прекрасной молодой паспухъ съ длинными бѣлокурыми власами привелъ юношъ и дѣвицъ съ другаго берега; неся подъ пазухою лиру изъ слоновой кости, походилъ онъ на Аполлона, когда сей былъ между паспухами; и многіе почипали его сыномъ сего младаго бога. Не было на всѣхъ поляхъ ни единого паспуха столь прекраснаго, ни столь мудраго; онъ зналъ шеченіе звѣздное, силу правъ, и въ юныхъ лѣтахъ своихъ почипался уже оракуломъ во всей окрестности; онъ умѣлъ лучше всѣхъ слагать пѣсни, и каждую вновь сложенную имъ пѣсенку потчасъ пѣли во всѣхъ странахъ; онъ воспѣ-

валъ добродѣтель, юношеское веселіе и любовь, и его стихосложенія пѣшны были въ торжественные дни во храмахъ. Когда при стадѣ своемъ сиживалъ онъ на лугу, тогда собирались къ нему пасухи и паспушки, и просили его, сыграть имъ на лирѣ пѣсню; они ложились кругомъ его, подобно какъ овечки ложатся вокругъ дерева, покрывающаго ихъ тѣнію отъ своихъ вѣшвей. Спруны подъ его перспами издавали отъ себя такой пріятной звукъ, что всѣ забывались, и чаяли себя быть въ обществѣ боговъ. Природа даровала ему еще большіе таланты, онъ былъ весьма изрядной рѣщикъ деревянныхъ кумировъ, которые поставлялъ онъ въ храмахъ. Испуканы нимфъ въ гротѣ сдѣланы были его искусною рукою; а въ ближней рощѣ поставилъ онъ рѣзное изображеніе Пана между высочайшими дубами.

Однажды вырѣзалъ онъ купидона; можно было однимъ взглядомъ узнать кто сей божокъ, хотя бы не было у него ни стрѣлы ни колчана; веселая дѣтская усмѣшка и проворство показующій видъ являли, что по былъ купидонъ. Онъ поставилъ образъ сей въ бесѣдкѣ своего сада. Нѣкогда сей юноша при лунномъ сіяніи сидѣлъ въ бесѣдкѣ пѣлъ съ великою пріятностію любовную пѣсню, тогда слышалъ онъ нѣкій шумъ,

подобно какъ бы зефиръ игралъ, или жужжали пчелы, и запахъ, благовоннѣйшій розоваго, распространился по всей бесѣдкѣ. Купидонъ окруженный множествомъ божковъ любви на серебряномъ облакѣ спустился на бесѣдку. Подобно рою пчелъ, иные изъ нихъ сѣли на вѣтви, предъ бесѣдкою помавающія, другіе на цвѣты.

Юноша! сказалъ купидонъ, я шопъ, которому весь свѣтъ возжигаетъ жертвенники; я шопъ, котораго боги почишаютъ; я шопъ, кошорой Аполлоново у пасхуховъ пребываніе сдѣлалъ доспойнымъ завиопи боговъ; я шопъ, кошорой изоцряешъ разумъ, и въ самыхъ чеспныхъ людяхъ умножаетъ чувствительность къ добродѣтели; мнѣ повинующся царь на пресполѣ и пасхухъ въ шалашѣ; я воспламеняю огонь порочнаго къ его наказанію, и улаждаю жизнь добронравнаго величайшею утѣхою, какая шокмо совмѣстна смертному; любострастнымъ желаніемъ, пріятною мукою, сладкимъ воспоргомъ. Однако немногіе изъ смерпныхъ почидали меня съ такимъ какъ пы усердіемъ; я сдѣлаю тебя щасплавимъ, щасплавимъ паче всѣхъ живущихъ на земли. Такъ сказалъ купидонъ и исчезъ.

Тогда почувствовалъ юноша въ сердцѣ своемъ нѣкую перемѣну: пайное желаніе влекло его къ размышленію о красотѣ, и

сія мечта на нѣкоторое время погрузила его въ пріятную задумчивость. Съ шѣхъ поръ, какъ скоро раннія пшички воспоютъ приходъ солнца, или возсіяетъ луна, хаживалъ онъ всегда въ бесѣдку. Каждое утро пришедъ шуда находилъ онъ купидона своего увѣчанна новымъ вѣнкомъ; сіе приводило его въ удивленіе и казалось ему быть предзнаменующимъ нѣчто благопріятное. Однажды былъ онъ ввечеру въ бесѣдкѣ и размышляя о вѣнкѣ вознамѣрился проводить всю ночь у испукана: долго сперегъ онъ, покуда шихая полночь не наступила, и шогда услышалъ шумъ: онъ спрясался пихонько позади испукана, и видитъ дѣвицу выходящую изъ за кустовъ, которыми садъ его былъ окруженъ. Тихо спупала она и какъ бы крадучись шла къ бесѣдкѣ; спройный спанъ ея покрывало шрепещась бѣлое и легкое одѣяніе, на которомъ русые волосы возвѣзаясь обнажали иногда прелестъ круглой ея шеи; величаваго возрасту дѣвица сія сходсповала съ Юноною, но въ пріятныхъ чертахъ лица ея видно было больше веселія нежели важности. Она вошла въ бесѣдку и шомнымъ окомъ взглянула на испукана. Купидонъ! сказала она и вздохнула, доколѣ буду я чувствовашъ данныя мнѣ любовью муки? Ахъ! сердце мое горитъ любовью, я въздыхаю, шомлюсь. Дамонъ!

если бы ты видѣлъ слезы, горячія слезы, текущія изъ моихъ очей! ты бы сѣловалъ ихъ съ лица моего! ты бы воздыхалъ и меня любилъ! Ахъ! когда повергшаяся въ объятія рукъ своихъ буду я счастлива? когда съ радостными въ очахъ слезами воздамъ хвалу купидону?

Такъ сказала она и надѣла купидону вѣнокъ на голову. Дамонъ съ великимъ восхищеніемъ слушалъ ее, любовь въ волнующемся сердцѣ его уже сильно владычествовала. Онъ вышелъ опшолѣ съ шрепетомъ, бросился съ отверстыми руками къ своей любезной, и въ объятіяхъ ея почувствовалъ, что онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. Сей былъ пастухъ, приведшій юношъ и дѣвицъ съ другаго берега.

Солнце появилось изъ за горъ, луга съ веселіемъ его встрѣтили; Филиса вышла изъ шалаша, пастухи и пастушки также съ веселіемъ ее встрѣтили; Дафнисъ велъ ее за руку, онъ прекрасенъ былъ какъ юный Бахусъ, и веселъ какъ божокъ любви. Мать слѣдовала за ними, удовольствіе написано было на ея лицѣ. Попарно всѣ они шли къ челночкамъ; великой флотъ поплылъ за рѣку. Сказываютъ, что въ бесѣдкахъ на челночкахъ рѣзвились купидоны: тихое колебаніе листковъ, розовый запахъ и нѣжное шрепешаніе лентъ и цвѣшковъ на грудяхъ

у паспушенъ, показывали ихъ присущствіе. Каждый паспухъ шихо-прижавъ высадилъ паспушку свою изъ челночка; Дафнисъ съ Филисою шли напередъ и возвели ихъ на верхъ холма, гдѣ Аминшъ съ ошверспыми руками и съ великою радостію Филисину мать встрѣшилъ. Добро пожаловать, говорилъ онъ обѣ руки у нее пожавъ, добро пожаловать, о жена лучшаго изъ моихъ друзей! Какого благополучнаго дня дождались мы при сшаросши! благословеніе боговъ да будешъ съ нами! А Аристъ и Филешъ, копорому Аминшъ подарилъ шалашъ, поспѣшали на встрѣчу къ Филисѣ и обняли ее съ великимъ усердіемъ.

Попомъ юноши и дѣвицы на подобіе вѣнка спали всѣ кругомъ жершвенника, воздвигнушаго купидону, и запѣли брачныя пѣсни. Дафнисъ и Филиса стояли предъ жершвенникомъ; никогда еще шоль прекрасная чеша не приносила жершвъ купидону; вѣнки изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ лежали у нихъ на головахъ, и цѣпи пестрыхъ цвѣтовъ обвивались ошъ плечь до пояса. Дафнисъ держалъ въ рукѣ голубя, а Филиса голубку; они убивали сихъ голубей, копорые препещась били крылышками обѣ умерщвляющія ихъ руки. Филиса убивала съ жалостію, и попомъ положили они ихъ на жершвенный камень, осыпали благовонными

растѣніями, и возлики на оныя медъ и масло; каждая чеша юношъ и дѣвицъ приближилась и возлагала вѣнки на жертву: вскорѣ сіе воспурилось и облако благоуханій со гласомъ брачныхъ пѣсень поднялось къ Олимпу.

„О купидонъ! (пѣли онѣ при игрании „на свирѣляхъ) ты сладкой богъ любви! о „когда пріятно любишь и бывъшъ любиму! „любяшь боги въ рощахъ и боги въ рѣкахъ; „и соловей въ тихую ночь тебѣ поешь! „все любишь, о купидонъ! сладкой богъ „любви!

„Не прощѣщаетъ ли уже любовь въ „младенцѣ, которой едва лепешашъ умѣя „играешь смѣючись съ цвѣтками? конечно; „такъ прощѣщаетъ съ начала весны молодой цвѣтокъ въ пучкѣ. О купидонъ! „сладкой богъ любви!

„Кто не любишь, тошъ въ скукѣ про- „вождаешь дни, тошъ какъ мушная вода, „которая не печетъ, какъ нѣмая пища, „которая не поешь, и какъ сухое дерево, „которое никогда не разцвѣщаетъ. О купидонъ! „сладкой богъ любви!

„Вы, взаимно между собою любящіеся, „не лучше ли благоухаютъ для васъ цвѣты? „не пріятнѣе ли журчатъ рѣчки? не ка- „жется ли вамъ пѣніе пшичекъ брачными „пѣснями? О купидонъ! сладкой богъ любви!

„Панъ да покровительствуетъ ваши
 „спада, и Церера съ Бахусомъ да благосло-
 „вляють овощи и виноградъ, и домашнія
 „боги да поживушъ мирно въ шалашахъ ва-
 „шихъ! а ты проспирай надъ ними свой
 „лучъ, да не охладѣетъ никогда любовь ихъ,
 „о Гименъ! сладкой богъ! богъ брака, о
 „Гименъ!“

Между тѣмъ Дафнисовъ отецъ и Аристъ
 и Филетъ у подошвы холма принесли въ
 жертву Пану, покровителю земледѣльцевъ
 и спада, юнаго шѣльца, у котораго роги
 обвиты были плющемъ и ельникомъ; а мать
 Филисина въ шипинѣ возсылала молитву
 богинѣ домашнихъ дѣлъ и женскихъ ша-
 инствъ.

Всѣ теперь собрались въ бесѣдку, гдѣ
 Филисина мать хозяйствуя приготовила
 длинной споль, наполненный смачныхъ
 яствъ и овощей и цвѣшовъ. Всѣ посѣли
 кругомъ спола, а Филиса и Дафнисъ сѣли
 въ переднемъ мѣстѣ, такъ какъ въ хоро-
 шемъ вѣнкѣ роза съ лиліей должны быть
 посреди бѣлаго чела у дѣвицы. Подлѣ нихъ
 сѣлъ Филетовъ маленький сынъ; усмѣшка
 и веселіе процвѣтали на его лицѣ; онъ
 взглядывалъ съ улыбкою на Филису, и цѣ-
 ловалъ у нее часто руку. Пошомъ сѣли
 старики, Аристъ и Филисина мать, Аминтъ
 и Филетъ; дружелюбіе и радость являли

на лицахъ ихъ цвѣтъ юности. Смѣхи, шутки, забавныя повѣсти, рассказываемыя другъ другу, шептаніе въ уши пасдушкамъ, господствовало за столомъ; однако вскорѣ бодрая юность оставила бесѣдку для начатія веселыхъ игръ. Сперва взявшись другъ съ другомъ за руку составили они изъ себя продолговатой кругъ; Дафнисъ былъ первой въ кругу, а Филиса послѣдняя, и когда кругъ смыкался, тогда сходились они вмѣстѣ и обнимались, и пошомъ всѣ кругомъ плясали, или Филиса съ Дафнисомъ плясали одни въ кругу, а дѣвицы и юноши кругомъ ихъ вертѣлись; или лучшіе плясуны и плясальщицы выходили составивъ пляску жашелей, или сѣяшелей, или собирашелей винограда, или мореходцевъ, и наблюдали пляшущее почное ихъ шлодвиженіе, а прочіе пѣли имъ пѣсни жашелей, сѣяшелей, собирашелей винограда и мореходцевъ. Въ скорыхъ оборотахъ рѣзвые юноши вертѣли смѣющихся дѣвокъ, такъ что легкое платье ихъ лѣтало къ верху. Ушомаясь наконецъ отъ пляски пошли они въ бесѣдку подъ шѣнію прохлаждаться, шутить, вкушая овощи, или забавныя другъ другу рассказывать повѣсти.

Мой пасдухъ однажды очень ошибся, говорила одна пасдушка, и пошрепала съ ласкою своего пасдуха; очень онъ ошибся, такъ рассказывала она Филисѣ: я общала

въ нѣкоторой часъ приходи къ нему въ кусты, но бѣдной паспушокъ долго, долго меня прождалъ; напоследокъ прибѣжала я безъ цвѣшовъ, волосы распребаны и вѣнокъ изорванъ. . . . Да, перервалъ паспухъ, и грудь вся обнажена. . . . Я хотѣла его обнять, продолжала паспушка нѣсколько покраснѣвъ, но онъ ошступилъ назадъ. Паспухъ! сказала я, мнѣ не лзя было прежде къ тебѣ приходи; Дамешъ, дорогой Дамешъ бѣжалъ за мною, и какъ я сюда спѣшила, онъ бросился ко мнѣ на шею, вѣнокъ у меня изорвалъ, цвѣшы съ груди унесъ и лешы всѣ развязалъ; такъ сказала я и хотѣла его обнять, но онъ съ сердець пошелъ ошъ меня прочь. Не бѣги, мой другъ, сказала я, Дамешъ принесетъ мнѣ свѣжихъ цвѣшовъ. Тогда онъ и пуще ошъ меня побѣжалъ; я смошрѣла за нимъ въ слѣдъ, онъ нахмурился и. . . . Да, перервалъ опять паспухъ, мнѣ очень было досадно; жестокая, сказалъ я, она невѣрна мнѣ, можешъ быть давно ужѣ невѣрна и все меня обманывала, теперь сама это сказала и хочешъ меня еще обнимать, словно какъ бы мнѣ до шого и дѣла не было; я еще много говорилъ и ходилъ въ сердцахъ взадъ и впередъ, и не знаю какъ вдругъ очутился опять передъ нею; гнѣвъ и шоска владѣли мною; но взглянувъ увидѣлъ я на рукахъ

у нее дѣшя, кошорой завязывалъ леншы и присаживалъ къ груди ея цѣвшокъ. Видишь ли шы, сердшой паспухъ, сказала она взглянувъ на меня съ умиленіемъ и досадою, видишь ли, что маленькой Дамешъ принесъ ко мнѣ свѣжихъ цѣвшовъ. Эшошъ - то Дамешъ развязалъ у тебя леншы? вскричалъ я съ удивленіемъ, наполненный стыда и радости при открывшемся обманѣ. . . . Да, сказала я, продолжала опять паспушка, да, эшошъ самой Дамешъ; за что шы осердился, любезной паспухъ? но впередъ ужъ конечно, конечно ничто меня не удержитъ, для того, что шы сердишься. Тогда подошелъ шы ко мнѣ и пожалъ у меня руку, и плача спряшалъ лице свое ко мнѣ въ колѣни; чѣмъ больше я говорила: вспанъ, моя душа, я тебя поцѣбую; шѣмъ больше шы плакалъ и говорилъ: я недостоинъ, чшобъ шы меня цѣловала. Такъ рассказывала паспушка и обняла своего паспуха.

Ахъ! какъ пріятно такимъ образомъ опять помириться! сказала Филиса обнявъ своего Дафниса. Такъ, душа моя, отпѣчалъ Дафнисъ, никогда не былъ я столь радостенъ; какъ помирись съ побою послѣ ссоры, какую произвелъ между нами Ламонъ.

Меня моя паспушка однажды обманула, сказалъ одинъ паспухъ, держа паспушку свою на колѣняхъ, кошорая при рассказы-

ваніи хохотала. Я лежала подлѣ рѣки и заснула; вдругъ разбудилъ меня чей-то голосъ: паспухъ! говорилъ сей пріятной голосъ, ахъ! когда я тебя здѣсь подлѣ рѣки вижу, тогда смотрю на тебя вздыхая, а когда ты прочь пойдешь отъ сего берега, тогда я чувствую несказанную горестъ. Какъ бываю я весела, когда ты здѣсь подлѣ рѣки засыпаешь! я прихожу на берегъ и тебя обнимаю; я не могу долѣе скрывать своего пламени, я люблю тебя, тебя люблю нимфа, ахъ! надобно и въ помѣ признашь! прекрасная, молодая нимфа! не уже ли не спанешь ты меня любишь, о паспухъ? Я не могу, не могу тебя любить, нимфа! сказалъ я, я уже люблю прекрасную паспушку. Но когда ты меня увидишь, продолжала нимфа, когда ты увидишь зеленые власы мои, на бѣломъ шлѣ и вокругъ нѣжныхъ колѣнъ моихъ возвѣвающие, когда голубые глаза мои, румянецъ лица моего и мои уста увидишь, тогда съ охотою промѣняешь ты паспушку свою на нимфу. Не гнѣвайся нимфа, сказалъ я опять, я не могу тебя любить, хотя бы ты прекрасна была какъ прелестъ и какъ сама Венера; я люблю мою Хлою и на цѣлый свѣтъ ее не промѣняю; я пойду, прости нимфа, пойду отселѣ и до шѣхъ поръ не возвращусь, покуда любовь твоя не простынетъ.. Же-

спокой! вскричала нимфа, я стану тебя повсюду гнать, лѣсные боги похищай у тебя сонъ, и ввергнушь тебя въ рѣку. Ахъ! сказалъ я, хотя бы лѣсные боги и жизнь у меня похитили, но я никого не могу любить кромѣ Хлои. Они и Хлою твою у тебя похищай, хотѣла еще продолжая нимфа, но вдругъ слова ея въ громкой смѣхъ переѣнились; и тогда вышла ко мнѣ Хлоя и хохотала изо всей мочи. Я не могла долѣе, любезной паспухъ, говорила она. . . . Да, перервала шутъ паспушка, мнѣ смѣшно стало, чуть было онъ не разсердился на нимфу; но какъ была я рада, что такимъ образомъ вѣрность твою испытала; такъ сказала она и прижала его къ сердцу.

Въ такихъ веселостяхъ приблизился вечеръ, и луна взошла съ пишиною на небо; тогда Филиса и Дафнисъ созвали опять всѣхъ паспуховъ и паспушекъ въ липовую бесѣдку. Тамъ въ зеленыхъ гнѣздахъ посажены были на столѣ дыни, накрышыя виноградными вѣнками; румяныя яблоки, груши, гранаты съ зелеными коронками, сладкія фиги, и всѣ плоды, какіе щедрая осень приносишь, плоды въ гладкихъ и мохнатыхъ кожицахъ, или въ швердыхъ шелухахъ, лежали длинными рядами на блюдахъ, осыпанныхъ цвѣтами и душистыми травами, и кружки, обвишыя посвященнымъ богу ви-

*

нограда плющемъ, спояли на возвышенныхъ подносахъ.

Когда посѣли они всѣ кругомъ спола, тогда подошелъ къ Дафнису Дамонъ, пошъ юноша, у котораго лира изъ слоновой кости, и которой вырѣзалъ купидона; вошъ, другъ мой, (говорилъ онъ подавая ему большой спаканъ) вошъ спаканъ, которой я нарочно для тебя вырѣзалъ; да будешь онъ залогомъ нашей дружбы! налей его полною виномъ и да обносишься онъ кругомъ спола, и каждой, кто изъ него пьетъ будешь, пошъ да споешь намъ пѣсню. Дафнисъ принялъ съ радостію спаканъ; Дамонъ! дружба швоя для меня безцѣнна, говорилъ онъ, между пѣмъ какъ вершелъ въ рукахъ спаканъ и удивлялся искусству его работы: на немъ вырѣзанъ былъ веселый Ліэй, везомый на колѣсницѣ своей кропкими шиграми; за колѣсницею его слѣдовалъ Силенъ, смѣшно смѣющійся, а по обѣимъ сторонамъ подлѣ него шли Фауны, они хохотали и поддерживали его на ослѣ своими плечами. Толпы скачущихъ другъ черезъ друга нимфъ, Сашировъ и Фауновъ бѣжали веселясь за Силеномъ, съ ширсами, съ цимбалами, съ бубнами, съ флейшами, или съ мѣхами за спиною. Выше того на вѣнкѣ, которой вырѣзанъ былъ около верхняго краю спакана, порхали любовные божки, бросая внизъ цвѣ-

шы; посреди ихъ висѣлъ на крыльяхъ купидонъ, и пускалъ стрѣлы въ нимфъ, изъ кошорыхъ инья съ смѣхомъ на него смострѣли, другія казалось отъ него бѣжали, однакожъ изъ подшиха оглядывались, близько онъ еще, и можешъ ли ихъ примѣшишь.

Дафнисъ преисполненъ веселія налилъ пѣнящагося вина въ спаканъ и запѣлъ:
 „шы вино! (шакъ онъ пѣлъ) о коль пріятно,
 „но шы въ рукахъ у моей пастушки! и когда
 „взоръ ея сопровождаетъ тебя, ахъ!
 „тогда пью я съ радостію; ибо взоръ мой,
 „ей любезной отверзаетъ потчасъ пущь
 „радости къ моему сердцу. Пойду и у подошвы
 „холма въ честь Лію и купидону священную
 „насажу бесѣдку, насажу ее изъ виноградныхъ
 „лозь, и тогда въ бесѣдкѣ, въ объятіяхъ
 „моей любезной, принесу я благодарность,
 „купидону за мое восхищеніе, Лію за мою радость.

Такъ пѣлъ онъ и опдалъ Филисѣ спаканъ,
 она взяла его съ улыбкою и запѣла:
 „шы роза! (шакъ она пѣла) запахъ твой
 „тогда лишь мнѣ пріятенъ, когда сорвешь
 „тебя мой Дафнисъ; а когда съ воспоргомъ
 „поцѣловавъ меня приложишь онъ тебѣ
 „къ моей груди, ахъ! тогда благоуханіе
 „твое радости мнѣ приносишь, ибо сладкой
 „поцѣлуй моего любезнаго отверзаетъ
 „потчасъ пущь радости къ моему сердцу.

„Насаждай, паспухъ, бесѣдку Лію и купи-
 „дону; я къ винограду швоему въ честь
 „богу любви присовокуплю еще розы, и шо-
 „гда въ объятіяхъ швоихъ принесу купидо-
 „ну благодарность за мое восхищеніе.

Такимъ образомъ обносился спаканъ
 кругомъ спола и умножалъ забавы, смѣхъ
 и шушки; всѣ пѣли веселыя или любовныя
 пѣсни; одинъ лукавой паспухъ пѣлъ: . . .
 „чуть было не влюбился я въ тебя, о ты
 „суровая, несклонная паспушка! но будь
 „сурова и несклонна, презирай пожалуй лю-
 „бовь! ты можешь, можешь опъ меня убѣ-
 „гать, съ тѣхъ поръ какъ ты въ колодезѣ
 „для овецъ своихъ воду черпала; какъ не
 „однажды нагибался выпягивала ты изъ
 „него ведро, тогда, о бѣдная паспушка,
 „смотрѣлъ я къ тебѣ за голую пазуху!

Одна молодиньякая паспушка, невеличка
 собою, пѣла съ такою пріятностію, какъ
 молодой жаворонокъ: . . . „я не хочу лю-
 „бить, такъ всегда я говорю; ппичекъ ли
 „вижу когда на вѣткахъ цѣлующихся, го-
 „ворю всегда: я не хочу любить. Паспуха
 „ли когда увижу пригожаго, говорю всегда:
 „паспухъ! я не хочу любить. Ахъ! скажи-
 „те мнѣ, дѣвицы! вы, которыя уже люби-
 „те, скажите, хотя бы я и вздыхала, чего
 „мнѣ опасаться, когда я говорю: пригожій
 „паспухъ! я не хочу любить?

Напослѣдокъ спаканъ пришелъ къ Дамону, которой его вырѣзалъ. Дамонъ! (вскричали всѣ паспухи и паспушки) шебѣ надобно съиграшь намъ пѣсню; гдѣ швоя лира? я не могу играшь, говорилъ онъ, я спану пѣшь безъ лиры; а между пѣмъ одна хипрая дѣвушка смѣючись вложила ему лиру въ руки: всѣ паспухи и паспушки захопали въ ладоши и кричали ему: шы долженъ, долженъ играшь. Онъ взялъ лиру и вспалъ: пошчасъ все со вниманіемъ умоляло, ниже ленточка, ниже листокъ въ вѣнкѣ шевелился, и тогда началъ онъ играя на лирѣ пѣшь:

„Вы дѣвицы и юноши! любите и пейте, да упонаешъ сердце ваше въ сладкомъ, „восхищеніи, да ликуешъ на пламенныхъ лицахъ вашихъ радость. Повѣрьте мнѣ, юноши, я видѣлъ, видѣлъ Ліэя, сего младаго, „веселаго бога; онъ лежалъ въ зеленой бесѣдкѣ, покрытъ до половины пѣнію; на „винный мѣхъ облакопясь лежалъ онъ и „смѣялся, а кунидонъ одною рукою опершись къ нему въ колѣно, другою надѣввалъ „ему на голову вѣнокъ изъ виноградныхъ „гроздій. Пьяные Фауны шатались вокругъ „бесѣдки, они плясали съ нимфами, и нагибались въ пляскѣ и поднимали сопропивляющихся нимфъ высоко къ верху, и „прижимали ихъ къ біющемуся сердцу. Ку-

„пидонъ! сказала Ліэй, о купидонъ! шакъ,
 „и вино безъ тебя не вкусно. Коль пусто,
 „коль праздно то сердце, которое не ды-
 „шитъ тобою! и нектаръ, нектаръ самъ
 „безъ тебя не вкусенъ. Да не будетъ, о ку-
 „пидонъ, да не будетъ сердце мое ни на
 „одну минуточку безъ любви. Когда я люблю,
 „да, когда люблю, тогда чувствую, что я
 „Ліэй, богъ вина и радости. Ліэй! сказала
 „пусть купидонъ; Ліэй! о сколь обязанъ я
 „вину! ты застѣнчивымъ даешь смѣлость;
 „ты погасающей любви новую жизнь вли-
 „ваешь; въ самыхъ охлаждѣвшихъ спарикахъ
 „во время пишья играетъ любовь, подобно
 „какъ лучи заходящаго солнца играютъ
 „еще въ вечерней зарѣ. Ты, ты умножаешь
 „радость, ты поцѣлуемъ придаешь сладо-
 „спи; да, когда я пью, когда пью, тогда
 „чувствую, что я купидонъ, богъ любви и
 „восторга. Такъ говорили боги. Вы дѣвицы
 „и юноши! любите и пейте, да ушопаетъ
 „сердце ваше въ сладкомъ восхищеніи, да
 „ликуетъ на пламенныхъ лицахъ вашихъ
 „радость.“ Такъ пѣлъ юноша и умолкъ.

Пастухи и пастушки сидѣли долго,
 какъ будто бы еще слушали. Такъ весели-
 лись они и пѣли и пили и цѣловались, по-
 куда мѣсяцъ не взошелъ высоко; тогда о-
 ставили они бесѣдку и пошли провожать
 Дафниса съ Филисою въ брачную сѣнь, и

плясали идучи, и прыгали, и пѣли, подобно
какъ вакханшки на виноградныхъ горахъ.
О Гименъ, пѣли они, сладкой богъ брака,
о Гименъ! Въ бесѣдѣ слышно было соглас-
ное шептаніе дріядъ, а соловьи на ближнихъ
деревахъ воспѣли имъ брачныя пѣсни.

КАРТИНА ИЗЪ ПОТОПА

ИЛИ

СЕМИРА и СЕМИНЪ.

Уже мраморныя башни стояли глубоко подъ водою, и черныя волны надъ хребтами горъ носились; едино шокмо гордое чело нѣкія горы возникало еще изъ водъ. Вокругъ окропленныхъ боковъ ея слышно было кипѣніе моря и вопль несчастныхъ, силлящихся въ опчаяніи взойти на высопу, да избавящихся отъ текущей во слѣдъ за ними смерши. Тамо опшоргается часть горы и съ тяжестію спенящихся на оной людей низвергается въ пѣнящееся море. Индѣ скопившіеся пошoki водъ влекутъ съ яростію сына, першагося о спасеніи полумертваго опца, или спраждущей матери, дѣшми обремененной. И се единъ шокмо высочайшій холмъ оставался еще цѣлъ отъ потопленія. Семиръ, благонравный юноша, спасъ возлюбленную Семиру свою на высотѣ сего холма. Тамо ревущей бурѣ внемля пребывающіи уединенны, ибо все предано уже было смерши. На нихъ лростныя волны плещутъ,

надъ ними громъ гремитъ, подъ ними спонетъ море. Спрашный мракъ окружалъ ихъ, когда сверкающая молнія не открывала имъ наполненнаго ужасомъ зрѣлища; каждое облако угрюмымъ челомъ своимъ грозило ввергнуть ихъ въ опчяніе, и каждая волна, тысячами шруповъ покрывая, несомая на крилахъ бури, текла искавъ новыхъ поглощеній. Семира прижимаетъ возлюбленнаго своего къ шепещущему сердцу, слезы совокупно съ дождевыми каплями текутъ по блѣдному ея лицу, она прерывнымъ голосомъ вѣщаетъ: нѣтъ намъ къ спасенію надежды, о возлюбленный! о мой Семинъ! свирѣлая смерть зѣлетъ на насъ со всѣхъ сторонъ! о пагуба! о горе! опчасу приближается она, люшая смерть! кошорая изъ сихъ волнъ, увы! кошорая поглотитъ насъ! Держи меня, держи дрожащею рукою, о возлюбленный! скоро, скоро, преданныхъ всеобщему истребленію, ни меня, ни тебя не будетъ. . . . Се! . . . о боже! . . . валь несется! коль ужасенъ! молніями освѣщенъ приближается онъ къ намъ. И се, о боже! боже! судія! тако вѣщала она и пала полумертва къ Семину.

Трепещущими руками обнялъ онъ безчувственную любовницу, дрожащія уста его молчали, не зрѣлъ онъ болѣе окружающихъ его бѣдствій, зрѣлъ едину возлюб-

ленную свою едва не бездыханно на груди его лежащу, и чувствовалъ мученіе горшее чѣмъ ужасъ смерти. Се лобзаетъ онъ блѣдныя ланины ея, хладнымъ дождемъ окропленныя, крѣпко прижимаетъ ее къ своей груди и вѣщаетъ: . . . . Семира! дражайшая Семира! возспани! увы! хошя единожды воззри еще на страшное сіе позорище, обрати на меня взоръ свой, да скажешь блѣдныя уста твои, что я и въ самый смертный часъ любимъ побою, да скажешь еще единожды, доколѣ не поглотили насъ волны.

Тако вѣщалъ онъ, и чувствуя ея возрапались; она возвела на него взоры, наполненные любви и несказанныя горести; попомъ обратила ихъ на повсемѣстное опустошеніе: Боже! судія! возопила она, такъ нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости надъ нами? съ какою яростию ревущъ на насъ волны! съ какимъ прескомъ громы ударяющъ! съ какимъ ужасомъ возвѣщается непримиримое мщеніе! о Боже! дни наши текли въ непорочности, ты, о юноша добродѣтельный! . . . . увы! горе мнѣ! нѣтъ уже ихъ, нѣтъ болѣе улаждавшихъ жизнь мою, всѣ они погибли! и ты, родитель мой! о любуѣйшій часъ! опторгнувший отъ моихъ объятій, еще возвышалъ ты главу и руки, хотѣлъ благословишь меня и былъ

погашенъ волнами. Ахъ! уже всѣ они смерть вкусили! . . . . . Но и самый опущенный свѣтъ, о Семинъ! Семинъ! бывъ съ тобою вмѣстѣ почивала бы я райскимъ селеніемъ! о боже! дни наши шекли въ непорочности. Увы! такъ нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости? . . . . . но что вѣщаетъ спраждущее сердце мое? о Боже! отпусти мнѣ! что есть предъ тобою человѣческая непорочность!

Юноша держалъ возлюбленную свою, колеблющуюся вѣтромъ, и рекъ: дражайшая! нѣтъ уже ничего дышущаго на лицѣ земли; изъ глубины кипящихъ водъ не вызываетъ болѣе ни одинъ смертный. О Семира! наступавшая минута будешь для насъ послѣдняя; такъ, вся надежда жизни нашей исчезла; любовь льстила улаждавъ дни наши неисчислимыми утѣхами, прешло сіе упованіе: мы умираемъ! смерть возвышается и волны обтекають уже дрожащія колѣна наши! но да не погибнемъ опечалены, яко беззаконники! мы умираемъ! и, о дражайшая! что есть и самая преисполненная утѣхами должайшая жизнь? висящая на горѣ капля росы; солнце не взойдетъ еще, она уже падеть въ море. Ободрись духъ свой; за предѣломъ жизни сел царствуешь блаженство и вѣчность. Умиравшіе да не воспрепещемъ, обойми меня,

и да поспигнешъ насъ тако жребій нашъ. Скоро, о Семира! скоро души наши оставятъ опустошенный доль сей, и преисполненныя чувствомъ неизреченнаго блаженства воспарятъ на высоту. О боже! сколько смѣло уповаешь душа моя? такъ, Семира! простремъ руки наши къ богу: како достоинъ смертному испытывать пуши его? вселивый въ насъ духъ жизни посылаетъ смерть праведнику и беззаконнику. Благо тому, кто шествовалъ путемъ добродѣтели! Не жизни молимъ у тебя, безначальный! прими ее отъ насъ въ руку твою, судъ твой праведенъ; но да утверди насъ во упованіи неизреченнаго блаженства, егже не похищаетъ десница смерти. Тогда гремите грома! свирѣпствуй смерть! несишь на насъ волны! хвала правосудному богу, хвала ему: сія да будетъ послѣдняя мысль выходящихъ изъ бrenнаго мѣла душъ нашихъ!

Надежда и радость явились на просіавшемъ отрадою лицѣ Семириномъ; она вознесла руки свои въ ревущій вѣпръ и вѣщала: такъ, я сіе чувствую, душа моя наполнена сладчайшаго упованія: восхвалите успа мои Господа, пролейте очи мои потоки радостныхъ слезъ, доколѣ не сомкнула еще васъ приближающаяся смерть. Блаженство небесное намъ уготовано. Вы пред-

шестпвовали намъ, вы, воѣ наши возлюблен-
ные ; мы къ вамъ грядемъ, и скоро, скоро
паки васъ обращемъ ! они праведники спо-
япъ тамо предъ его пресшоломъ ; онъ опъ
суда своего собралъ ихъ предъ свое лице.
Гремише громы ! возспени пуспыня ! вы
супъ славящіе правосудіе его пѣснопѣвцы !
Идите на насъ , волны ! . . . . се ! возлюб-
ленный ! обойми меня ! се идепъ къ намъ
смерть ! по верхъ сея черныя волны сб-
дитъ она ! обойми меня , Семинъ ! держи
въ объапіяхъ крѣпко ! ужё волны меня подъ-
емлюпъ !

Пребуди въ объапіяхъ моихъ , Семира !
вѣщаль юноша, пребуди ! о смерть , гряди !
се мы ! хвала правосудному во вѣки !

Тако рекли они, и волны объёмляющихся
поглощаюпъ.

ЕВАНДРЪ и АЛЦИМНА

ПАСТУШЬЯ КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

сочиненіе Г. Геснера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Представляется уединенная страна съ кустами и деревьями.

ЛАМОНЪ и ХЛОЯ.

ХЛ. Куда такъ невеселъ, сосѣдушка? Полно у насъ тому всегда не безъ заботы, кто смотришь прилѣжно за своимъ стадомъ и маленькой домишко свой бережешь какъ должно.

ЛАМ. Правда швоя, голубушка! дни въ работѣ не увидишь какъ наспаюшъ и проходятъ. Я теперь отправлялъ священное дѣло, котораго я никогда не упускаю: въ роцѣ приносилъ Пану въ жертву первые

плоды осьмнадцати молодыхъ деревьевъ, которые посадилъ я въ память того дня, когда приемышъ мой Евандръ былъ мнѣ отданъ на руки. Теперь уже осьмнадцать лѣтъ, какъ они стоятъ на корню, и такъ хорошо растутъ, что кажется боги хотятъ симъ предзнаменовать нѣчто доброе.

ХЛ. Ты благочестивой мужъ, за то жили небесные тебя любятъ: тошъ имъ всегда пріятенъ, кто честенъ и почитаетъ боговъ. Особливо тѣ люди должны быть крошки, которые въ жизни ожидаютъ съ собою великихъ приключеній. Что напоследокъ изъ того будешь? Мы теперь можемъ свободно разговаривать здѣсь о тайнствѣ нашемъ (*озирается кругомъ*). Кабы мнѣ дожишъ до того времени, чтобъ увидѣшь, что съ приемышемъ моимъ Алцимною сдѣлается. Вотъ уже шестнадцать лѣтъ какъ она мнѣ отдана: береги ее и храни крѣпко сію тайну, ты нѣкогда чрезъ то будешь счастлива: сказалъ тошъ человекъ, которой мнѣ ее отдалъ.

ЛАМ. Боги хотятъ показать съ ними нѣчто великое. Евандра во всемъ здѣшнемъ округѣ нѣтъ лучше; онъ такъ хорошъ, какъ Дельфискаго храма идолъ; такъ разуменъ, какъ бывають искусившіеся люди въ зрѣлыхъ лѣтахъ; смѣлъ какъ Геркулесъ. поидетъ на льва; и кто въ бѣганіи, въ борьбѣ,

Ч а с ш ъ VII.

17

во всякомъ дѣлѣ, гдѣ потребны сила и порывъ, могъ съ нимъ сравниться? Пѣсни его лучшія, словно какъ бы самъ Аполлонъ внушалъ ему ихъ во сновидѣніи.

ХЛ. Такъ точно и Алцимна превосходитъ всѣхъ своихъ подругъ; она прекрасна какъ Грація; всякая пріятность, украшающая дѣвицу, въ ней особливо видна: она передъ своими подругами, какъ роза передъ простыми цвѣтками.

ЛАМ. Смотря на любовь ихъ я радуюсь и боюсь; можешь быть боги опредѣлили имъ любить другъ друга; однако. . . намъ этого знать не лзя. Я всегда надѣюсь, что судьба не разлучитъ ихъ; однако. . . мы не можемъ располагать ихъ жребіемъ, такъ какъ бы они были наши дѣти: ихъ отъ насъ возмущъ; можешь быть это скоро случится. Когда не лзя намъ согласиться, чѣмъ богъ брака соединилъ ихъ, такъ должно удалять отъ нихъ надежду.

ХЛ. Конечно! шоя правда, Ламонъ! я думаю таинство наше скоро откроется; я желаю сего съ бѣльшею неперпѣливостію, чѣмъ ты, потому что я женщина.

ЛАМ. Боги примутъ на себя попеченіе о семъ дѣлѣ. Какъ я шужить спану, если ли того не сбудется! какъ оба они достойны щастія! Жаль мнѣ, что горячаго въ любви желанія ихъ не могу удовольствовать.

Я не люблю лгать, но какую скажу ему опговорку? Ложь имѣла я всегда въ ненависти: боги въ семь случаевъ просятъ насъ: скажемъ, что мы съ побоемъ въ эту ночь видѣли одинакой сонъ, который препяшсвуемъ ихъ соединенію.

ХЛ. Хорошо ты вздумалъ! въ доброй часъ молвишь; коли необходимо надобно ихъ обмануть ложью, такъ пусть по швоему будетъ: инымъ образомъ не лзя намъ опъ сильной прозбы ихъ опвязаться. Однако прощай! пора мнѣ въ огородъ; вонъ и сынъ швой идетъ; я здѣсь сквозъ кусты проберусь.

ЛАМ. И я также поспѣшу уйши опъ его доуки.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЕВАНДРЪ, а попомъ АЛЦИМНА.

ЕВ. Ищу, ищу, а все по напрасну! здѣсь ее нѣтъ, у колодезя нѣтъ, въ кустахъ не видалъ. Подожду на этомъ мѣстѣ, авось придетъ. Развѣ мать дала ей работу? (*осматривается кругомъ*). Вошъ такъ-то! онъ опъ меня бѣжитъ! ошець мой когда думаешь, что я спану ему говорю объ Алцимѣ, то опъ меня и уйдетъ. Боги! я не знаю, что объ этомъ думаешь. Для чего прошивно ему, что я люблю такую хоро-

*

шую дѣвицу? Каждой, и онъ самъ хвалишь ее и говоришь; что она здѣсь всѣхъ лучше. Опасаюсь я эшого, очень опасаюсь. Да гдѣ она? нейдешь еще. Дай на гладкой корѣ эшого дерева вырѣжу покамѣстѣ ея имя. *(вынимаетъ ножикъ)*. Будь съ именемъ ея и моимъ, распи высоко, да не будешь ты никогда срублено сѣкирою: сіе дерево посвящено любви, скажешь всякъ, кто пойдешь мимо. *(натинаетъ вырѣзывать, между тѣмъ Алцимна подходитъ тихонько сзади и закрываетъ ему руками глаза)*.

АЛЦ. Угадай кто?

ЕВ. Алцимна! любезная!

АЛЦ. Не правда.

ЕВ. Правда. Гдѣ ты шакъ долго была?

АЛЦ. Поцѣлуй меня, коли правда. *(упускаетъ его изъ рукъ и цѣлуетъ)*. Привязался ко мнѣ Милонъ, паспухъ. Какъ онъ мнѣ своєю любовью досаждаешь.

ЕВ. Ахъ! да вошь онъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

МИЛОНЪ и прежніе.

МИЛ. Такъ! я эшо и думалъ, что найду себя съ Евандромъ. Евандръ во всемъ беретъ надо мною верьхъ, въ бѣганьи, въ борьбѣ, въ пѣсняхъ и въ дѣвкахъ. Евандръ! ты ужъ не одну козу выбилъ объ закладъ.

АЛЦ. Мы и безъ тебя это знаемъ.

МИЛ. Я всегда смѣюсь проспаку Меналку, какъ онъ съ побою, шамъ подъ спарымъ дубомъ. . . . .

АЛЦ. Мы ужъ давно этому смѣялись. Да . . . . . за чѣмъ ты сюда пришелъ?

МИЛ. Будь же ко мнѣ поласковѣ! взгляни на меня хоть одинъ разъ умильно!

АЛЦ. (смотря на него съ насмѣшкою) Ну, доволенъ ли? поди. . . .

МИЛ. Ты надо мною все шупишь. Пожалуйсѣ будь до меня хотя не множко по добрѣ! я тебѣ спою пѣсню, кошорую я сегодня . . . .

АЛЦ. А есѣли я слушать не хочу?

МИЛ. Такъ я все таки спою.

АЛЦ. А я зажму себѣ уши.

МИЛ. Какъ ты хочешь, Евандръ! а на свирѣли тебѣ прошивъ меня не сыиграшь. Я съ собою принесъ одну, вошь она; я вчера ее сдѣлалъ, куда хороша! я ужъ на ней двѣ козы выбилъ объ закладъ, и гораздо лучше тебя сыиграю; послушай. . . .

ЕВ. Вѣрю, покудова не слышу.

МИЛ. О! я ударюсь объ закладъ о лучшей козѣ.

АЛЦ. А я все свое спадю хочу прозакладывать, есѣли ты не самой несносной человѣкъ изъ всего нашего округа! долго ли тебѣ болшать? ты какъ шерновой

сунъ , за всякаго цѣпляешься , кпо мимо тебя идешь.

МИЛ. Я вижу вамъ наединѣ бышь хочешся.

ЕВ. Долго ты угадывалъ.

МИЛ. Инъ я пойду. (*уходитъ и воротается назадъ*). Чуть - было не забылъ вамъ рассказать самого главного : вчера , какъ солнце въ море опускалось , пошелъ я на берегъ и . . . . .

АЛЦ. Еще не конецъ ?

МИЛ. Я лишь начинаю , а ты ужъ и конца хочешь. Ну , какъ я пришелъ на берегъ , тамъ увидѣлъ я Асфаліона , рыбака ; онъ выпаскивалъ неводъ изъ воды , и сказывалъ , что онъ передъ солнечнымъ восхожденіемъ видѣлъ далеко въ морѣ пять большихъ кораблей , и думаетъ , что они приспанушъ къ нашему берегу , естли шолько . . . .

АЛЦ. Да . . . пускай ихъ приспанушъ къ нашему берегу , лишь ты не забудь опселѣ уйши.

МИЛ. Оставайтесь же одни. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ и АЛЦИМНА.

АЛЦ. Ушелъ ли онъ , эштоъ болшунъ ? (*осматриваетъ кругомъ*) кажешся ушелъ.

Полно не спрятался ли онъ за кустами, чтобъ насъ подслушивать? но можешь ли это помѣшать мнѣ сказать тебѣ, мой любезной, что я быль съ тобою вмѣстѣ желала больше, нежели къ малымъ пшеницамъ своимъ желаетъ возвратиться чижичекъ, котораго не жалосливой ребенокъ въ полѣ поймавъ держишь, и какъ его ни ласкаешь, однакожь онъ сидишь печально и помышляетъ только о своей свободѣ. Не съ такою поспѣшностію летишь онъ пошѣмъ ко своимъ пшеницамъ, съ какою летила я къ тебѣ, когда Милонъ меня поймалъ и я оцъ него вырвалась.

ЕВ. О моя дражайшая! коль я щастливъ, что ты меня такъ любишь! Когда я сюда шелъ мимо розовыхъ кустовъ, шамъ увидѣлъ я сіи двѣ розы; сжавшись одна съ другою вмѣстѣ онѣ выросли, вмѣстѣ сладкое благоуханіе испускали, вмѣстѣ увянушъ. Возьми, любезная, возьми сіе подобіе любви нашей и приколи ихъ къ своей груди.

АЛЦ. Пусть онѣ будушъ на груди моей. Смори, какъ онѣ хорошо сидятъ! такъ-то мы съ тобою выросли вмѣстѣ.

ЕВ. И такъ соединенно спанемъ провождашъ дни наши; они пріятны будушъ, какъ розовый запахъ.

АЛЦ. Такъ и мы одинъ подлѣ другаго.

цвѣсти будемъ. Но скажи, долго ли ты меня ждалъ?

ЕВ. Нѣтъ; но мнѣ, когда я тебя не вижу, каждая минута долга кажетсяся.

АЛЦ. Я очень испугалась, какъ идучи сквозь буковые кусты нашла Милона; и такъ ему обрадовалась, какъ пчела шершню. Онъ стоялъ тамъ посреди дороги: каждая дѣвка, говорилъ онъ, которая поидесть по этой дорогѣ, должна меня поцѣловать. Пусти меня, говорила я съ досадою, однако онъ не пускалъ. Посмотри, сказала я напослѣдокъ, чья эта бѣлая корова въ болотѣ встать праву? знаетъ она заблудилась. Онъ оглянулся, а я и проскочила мимо его, и была уже далеко, прежде нежели онъ примѣтилъ, что это былъ обманъ. И шутъ этотъ докучливой человѣкъ погнался было за мною. Но что ты такъ задумался?

ЕВ. Я?

АЛЦ. Да, ты; ты мнѣ кажется въ размышленіи, какъ будто у тебя есть что-то на сердцѣ, чего ты мнѣ сказать не хочешь; не печаль меня.

ЕВ. Я . . . я не знаю, скажешь ли мнѣ себѣ, или нѣтъ.

АЛЦ. Я буду скучать, коли ты мнѣ не скажешь.

ЕВ. Отецъ мой не знаю для чего медлишь и не исполняешь нашего съ тобою

желанія; ашо меня въ безпокойство приводишь; кажешся онъ убѣгаетъ, чшобъ со мною не вспрѣшишься; а когда сіе нечаянно случился, и я начну ему говорить о нашей любви, шакъ онъ приходитъ въ смущеніе и спарается перервать о томъ рѣчь.

АЛЦ. Я сама боюсь: машушка моя шочно шожѣ дѣлаешъ.

ЕВ. Сегодня приносилъ онъ въ жершву богамъ первые плоды опъ пяши молодыхъ деревъ, которые посадилъ онъ въ шо время, какъ мнѣ исполнился первый годъ опъ моего рожденія. Я нечаянно пришелъ шуда, гдѣ онъ жершвовалъ, и чшобъ не помѣшатъ его благоговѣнію, ошановился я за кустами и услышалъ, чшо онъ шакъ молишся: благотворители боги! внемлише молишву мою и приимише милосердно сію жершву. Явише благодать свою надъ моимъ сыномъ, да сбудушся съ нимъ чудныя судьбы ваши къ его шасшію! онъ еще больше говорилъ чшо-шо, но вѣтеръ поднявшисъ зашевелилъ лишкми, и шогда я не могъ ужѣ его разумѣть.

АЛЦ. Удивительно, какъ я желаю, чшобъ боги исполнили его молишву!

ЕВ. Чшобъ шакое со мною ни было, да ушпроюшъ сіѣ боги къ моему шасшію! но я одною швоею любовію могу бытъ благополученъ.

АЛЦ. О мой дражайшій! удалимъ ошъ
себя печальныя мысли; переспанемъ ду-
машъ о нещасіи, котораго можетъ бытъ
никогда съ нами не случится. Ободрисъ,
взгляни на меня съ веселіемъ. Послушай!
споемъ шу пѣсню, которую мы всегда вмѣ-
стѣ пѣвали.

ЕВ. Съ шобою забываю я свою печаль.
Запой ты; ты всегда первая начинала.

АЛЦ. Изволь я начну:

Ахъ! чшо я, мой любезной,
чшо безъ шебя?

какъ безъ росы и солнца
въ лугахъ цвѣшъ.

Они спояшъ и сохнушъ,
мрачна весна,
веселіе и радость
бѣгушъ съ полей.

* * *

ЕВ. Твоею я любовью
живу, мой свѣтъ,
какъ солнцемъ и росою
живушъ цвѣшъ.

Луга покрышъ ими,
цвѣшетъ весна,
веселіе и радость
вездѣ въ поляхъ.

о б а

Тебя любить я буду вѣчно,
клянусь полями сими,

клянусь священной рощей!
внемлите кляпву вы, о нимфы!
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!

* * *

АЛЦ. Когда съ полей зеленыхъ
морозъ и снѣгъ
печальну пчелку гонишь
въ улью сидѣшь,
о какъ она скучаетъ
всю зиму шамъ!
шамъ я съ шобой въ разлукѣ
скучна сижу.

* * *

ЕВ. Когда согрѣешь солнце
лучемъ поля,
и пчелка вылетаетъ
изъ улья вонъ,
съ какимъ она весельемъ
узришь весну!
и я шамъ веселюся
тебя узрѣвъ.

о б а .

Тебя любить я буду вѣчно,
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!
внемлите кляпву вы, о нимфы!
клянусь полями сими,
клянусь священной рощей!

—————

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МИЛОНЪ и прежніе.

МИЛ. Вы очень хорошо пѣли.

АЛЦ. Какъ! шы ужъ опяшь ядѣсь? или шы совсѣмъ не уходилъ? куда хорошо!

МИЛ. Уходишь - шо я уходилъ, да слышалъ послѣднія слова вашей пѣсни.

АЛЦ. Да чего тебѣ хочется, неопвязной?

МИЛ. Я любя васъ ворошился: вы распѣваете да милуешься, а шого не примѣчаете, что здѣсь дѣлаешся. Слышите ли вы эшомъ шумъ?

ЕВ. Чшо такое?

МИЛ. Корабли, о которыхъ сказывалъ Асфаліонъ, вѣдь подлинно пристали къ берегу.

АЛЦ. Ну шакъ чшожъ? намъ какое до эшого дѣло?

МИЛ. Никакого, коли вы надо мною смѣетесь.

ЕВ. Скажи пожалуйста.

МИЛ. Нечего мнѣ сказать.

АЛЦ. Скажи, не сердись.

МИЛ. Они пристали къ берегу и подлѣ эшого кустарника, шамъ вонъ подъ липовыми деревьями, разбиваютъ шашры. Я хотѣлъ вамъ объ эшомъ сказать, чшобъ съ вами чего не сдѣлалось; вѣдь по чему

знанъ, за чѣмъ они сюда прѣхали. Не лучше ли вамъ ошселѣ убраться.

АЛЦ. Спасибо тебѣ, Милонъ, за твою осторожность. Подлинно я очень боюсь; уйдемъ ошсюда.

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРРЪ и АРАТЬ.

ПИР. Какъ нестерпѣливо хочется мнѣ увидѣть моего сына! время опасности прошло. Осьмнадцатъ лѣтъ велѣлъ мнѣ оракулъ скрывать его между паспухами, а теперь уже осьмнадцатая весна, какъ я его ошъ себя услалъ. Прекрасное было дѣшя! такимъ изображають намъ любовнаго божка. Я уповаю найши въ немъ сына, кошорой впечатлѣнія чесши и добродѣтели сохранилъ въ себѣ невредимы.

АР. Я самъ съ нестерпѣливостію желаю увидѣть нашего князя. Какъ мы щасливы, ешъли оба найдемъ дѣшей своихъ въ желаемомъ состояніи! тебѣ извѣстно, что по внушенію нѣкоего сновидѣнія ошослалъ я дочь свою въ сію спрану. Предъ ошправленіемъ нашимъ сюда приносилъ я домаш-

нимъ богамъ моимъ жерпву, они даровали мнѣ второе лице: сіе предвѣщаетъ дому моему великую радость.

ПИР. Да устроятъ боги все къ нашему щастію! Можеть быть не охотно оспавитъ онъ сіи прохладныя шѣни, сію простую и спокойную жизнь. Смотри на пріятности сей спраны, душа моя наполняется къ нимъ любовію, кажется она чувствуетъ, что жизнь проводимая въ простотѣ прекрасныя природы есть самая лучшая и приличнѣйшая нашему существу; она чувствуетъ здѣсь то, что ощущаетъ человѣкъ, когда послѣ многотруднаго и далекаго спранствованія увидитъ онъ поля своего отечества.

АР. Правду сказать, родъ жизни нашей такъ далеко отходитъ отъ первоначальной простоты, и такъ много воспріять въ себя спраннаго, что не можеть онъ не показаться чуднымъ тому, кто вступитъ въ него съ сердцемъ привыкшимъ отъ юности своей къ благородной простотѣ.

ПИР. Уже цѣлой часъ, какъ я его ожидаю. Вонъ нѣкто пригожій юноша идетъ сквозь кусты; онъ такъ прекрасенъ, что рождаетъ во мнѣ желаніе найти въ немъ моего сына. Онъ прямо къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ЕВАНДРЪ и прежніе.

ЕВ. Здравствуйте, господа!

ПИР. Здравствуй, пастушокъ! любопытство ведетъ тебя къ намъ или дѣло?

ЕВ. Не безъ того; намъ всегда въ диковинку видѣть людей изъ города. Но скажите мнѣ, господа, вчера приспалъ къ нашему берегу Циршской Князь, вы не съ нимъ ли пріѣхали?

АР. Съ нимъ.

ПИР. Конечно хочется тебѣ оставить худое свое жишье и уѣхать съ нами въ городъ?

ЕВ. Въ городъ? ха, ха, ха! дѣло и безъ того обойдется. Я былъ въ городѣ еще ребенкомъ, въ Дельфахъ; все мнѣ казалось чудно, что я тамъ ни видѣлъ; однакожъ я прекрасной здѣшней стороны не промѣняю на городъ, гдѣ надобно столько улицъ пробѣжать, чтобъ выйти въ чистое поле.

ПИР. Простячокъ! да ты къ этому легко привыкнуть можешь.

ЕВ. Трудно было бы мнѣ привыкнуть жить съ людьми, которыхъ нравы совсѣмъ несходны съ нашими. Они смѣются надъ нами, прососердечными, однакожъ мы не меньше ихъ благополучны; они столько заботятся, чтобъ быть щасливыми, а мы

нѣтъ; мы довольны пѣмъ, что имѣемъ; мы воздѣлываемъ свои поля, и сбережемъ наши спада, которые награждаютъ насъ за то съ избыткомъ; они правда избытокъ нашъ называютъ бѣдностію, но они чудные люди. Нѣтъ, въ городъ я опять не хочу идти. Какъ я тамъ былъ, стоялъ я тамъ и зевалъ на большіе дома, которые такъ велики какъ горы, а горожане всѣ почти мѣльче насъ; тогда шли мимо меня люди и всѣ надо мною смѣялись, и еще пуще смѣяться спали, какъ я у нихъ по о томъ то о другомъ спать спрашивалъ. Ты молодой паспухъ! молвилъ одинъ изъ нихъ, умѣешь ли ты пѣть? Умѣю, сказалъ я, и запѣлъ любимую мою пѣсню, такъ чтобы далеко было слышно; тогда сбѣжались они со всѣхъ сторонъ и хохотали надо мною, а я пою не худо, всѣ паспухи это говорятъ. Также и дѣвки тамошнія не привѣтливы; когда я имъ съ ласкою кланялся, такъ онѣ, какъ будто и не въ примѣшу имъ, проходили мимо меня, словно какъ мимо камня, которой лежитъ на дорогѣ; а онѣ гораздо сухощавѣе и хуже нашихъ дѣвокъ.

ПИР. Есѣлибъ ты меня такъ любилъ, какъ я тебя, ты бы съ нами поѣхалъ.

ЕВ. Я тебя лишь увидѣлъ, то и полюбилъ; но не ужъ то мнѣ опца своего, копо-

раго я также люблю, оставить одного, и уѣхашь съ тобою въ городъ? отецъ мой съ младенчества моего имѣлъ обо мнѣ неусыпное попеченіе, такъ не должно ли мнѣ въ благодарность за то пещись о немъ при его старости? Останьшесь съ нами, господа, мы вамъ дадимъ лучшее изъ того, что намъ приносятъ деревья наши и сада. Но я съ вами заболтался, а вы не скажете мнѣ, гдѣ сыскать Князя.

ПИР. Но скажи, какое тебѣ до него дѣло?

ЕВ. Отецъ мой послалъ меня къ нему съ овощами; я сорвалъ ихъ съ пѣхъ деревъ, которыхъ посадилъ онъ осмнадцать лѣтъ тому назадъ, въ ту самую весну, говоритъ онъ, когда мнѣ было осьмъ роду одинъ годъ. Они зрѣлы и сладки какъ медъ. Гдѣ я его найду?

ПИР. Боги! въ такомъ возрастѣ сынъ мой! Воспитавшій его въ ту самую весну насаждалъ древа, когда отдано было ему дѣшя. Арашъ! о естли бы это онъ самой былъ предъ нами!

АР. Подозрѣнія твои вѣроятны: какой бы другой пастухъ послалъ къ тебѣ овощи?

ЕВ. Скажите мнѣ пожалуйста, гдѣ найши Князя. Мнѣ надобно шоропиться; у меня много дѣла, сходишь къ саду, въ огородъ, да и пастушѣа моя дожидается меня у рѣчки.

Часть VII.

18

ПИР. Знай же, юноша! что я пошъ, кого ты ищешь.

ЕВ. Ты Князь изъ Криса?

ПИР. Да, я пошъ самой. Но скажи мнѣ, гдѣ швой опецъ, и какъ его зовушъ?

ЕВ. Опецъ мой живетъ памъ вонъ, позади этой рощи, а зовушъ его Ламонѣмъ.

ПИР. (къ *Арату*) о другъ мой! едва могу я воздержаться отъ заключенія его въ мои объятія. И воспивавшій его шакъ почено называется.

АР. Я самъ почти не сомнѣваюсь больше.

ЕВ. А! да вошъ и опецъ мой.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛАМОНЪ, СЛУЖИТЕЛЬ ПИРРОВЪ, и прежніе.

СЛУЖ. (къ *Пирру*) Государь! вошъ человекъ, которому за осмнашцашъ лѣшъ предъ симъ порученъ былъ швой сынъ.

ПИР. Такъ это ты, мой другъ! которому осмнашцашъ лѣшъ шому назадъ опдано было на руки дшшя?

ЛАМ. Такъ, государь мой! я; и вошъ это пошъ самой юноша, которой принесъ къ вамъ овощи. Они съ шѣхъ деревь, копоры посадилъ я въ шу весну, когда принесли его ко мнѣ еще младенцемъ; вошъ и

запечатанная грамота, которую мнѣ вмѣстѣ съ нимъ отдали.

ЕВ. Боги! что я слышу?

ПИР. Это несомнительная правда, обойми меня, ты мой сынъ! обойми твоего щасливаго отца. *(обнимаются)*.

ЕВ. Боги да сохраняють тебя, мой родишель!

ПИР. Такъ, я твой отецъ! по повелѣнію боговъ еще младенцемъ оппоргъ я тебя отъ объящій своихъ, и мужу сему поручилъ твою младость.

ЕВ. *(къ Ламону)* А ты ужъ не отецъ мой! однако я спану всегда называть тебя моимъ отцемъ, тебя, которой меня любилъ съ такою горячностію.

ПИР. Благодарю васъ, боги, за шолікое милосердіе! вы сохранили сына моего, вы паки мнѣ его возвращаете! А ты, мой другъ! чѣмъ могу я воздашь за неусыпное твое попеченіе?

ЛАМ. Хвала богамъ, приведшимъ сіе къ шоль щасливому окончанію; я за свое попеченіе получу награду, когда онъ меня любишь спанешъ и будетъ щасливъ. А впрочемъ чшобы ты ни давалъ, мнѣ ничего не надобно.

ПИР. Благополучные люди, коль мало вы желаете! Но, Арапъ! я не хочу долго наслаждаться радостію, не принеся благо-

*

даренія богамъ; поспѣвшимъ приуготовить имъ жертвоприношеніе. Ты мой сынъ, останься здѣсь; я скоро къ тебѣ возвращусь. Неперпѣливые сопутники мои придуть между тѣмъ увидѣшь обрѣшеннаго ихъ Князя.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ, МОЛОДОЙ ГОСПОДЧИКЪ.

ЕВ. Боги! эшто чудно; я не знаю, во снѣ ли мнѣ видится или на яву; я въ великомъ смущеніи. Всего бы лучше пошелъ я къ Алцимнѣ, и сказалъ ей, что со мною приключилось. А! да вошь нѣкто идесть. Кто бы эшто такой былъ, которой идучи ко мнѣ такъ припрыгиваетъ?

МОЛ. ГОС. Позволь, мой Князь! съ горячайшимъ усердіемъ изъявишь тебѣ мою радость.

ЕВ. Что себя такъ обрадовало, другъ мой?

МОЛ. ГОС. Что наконецъ строгая воля Оракулова исполнилась, и ты освобожденъ спалъ изъ низкаго, презрительнаго и скучнаго рода жизни, въ которомъ жестокимъ опредѣленіемъ судьбы потерялъ ты свою молодость.

ЕВ. Благодарю боговъ, что такъ они повелѣли. Никогда не забуду я веселыхъ лѣтъ моей юности; сихъ пріятныхъ упражненій! сихъ непорочныхъ ушѣхъ!

МОЛ. ГОС. Непорочныхъ ушѣхъ! ха, ха, ха! о Князь! ты еще не знаешь, что такое ушѣхи; придика въ нашъ просвѣщенный свѣтъ, тамъ ты ихъ найдешь. О! я бы не спалъ благодарить боговъ, есѣлибъ они меня послали къ пасухамъ.

ЕВ. Такъ жизнь въ сихъ пріятныхъ странахъ весьма для тебя прошивна?

МОЛ. ГОС. Развѣ бы жить здѣсь съ ошборнымъ обществомъ, и то по нуждѣ!

ЕВ. Прекрасныя перемѣны природы не производяшъ въ тебѣ никакой радости?

МОЛ. ГОС. Онѣ могутъ быть хороши, есѣли лучше ихъ не знаешь.

ЕВ. Когда утренняя заря освѣтитъ прекрасную страну, и каждая пшичка, каждая травка ощутишъ новую силу жизни, тогда не почувствуешь ты удовольствія?

МОЛ. ГОС. О утренняя заря! я ее ошроду не видывалъ.

ЕВ. Ни одинъ пасухъ не позавидуешь тебѣ въ твоемъ удовольствіи.

МОЛ. ГОС. Этому я повѣрю, они не созданы для нѣжныхъ удовольствій.

ЕВ. Но скажи мнѣ еще, кто ты таковъ?

МОЛ. ГОС. Я придворной молодой человекомъ.

ЕВ. А что за шобою дѣла?

МОЛ. ГОС. (*въ сторону*) Я чаю право онъ думаетъ, что мы за сохой ходимъ! (*къ Евандру*) Что за мною дѣла? Великолѣпно одѣваться, ѣздить на пиры, плясать, вымышлять новыя увеселенія, непрестанно посѣщать красавицъ. . . . .

ЕВ. А больше ничего?

МОЛ. ГОС. Больше ничего! Да чтожь мнѣ больше дѣлать?

ЕВ. Здѣсь мы, простые люди, называемъ дѣломъ то, чѣмъ мы самимъ себѣ или другимъ пользу приносимъ: и такія дѣла подаютъ намъ удовольствіе и радость; мы больше любимъ трудолюбивую пчелу, нежели бабочку, какъ бы она ни была нарядна и пригожа.

МОЛ. ГОС. (*въ сторону*) Боги! какъ плохо разсуждаетъ нашъ Князь! какъ онъ спадомъ своимъ пахнетъ! (*къ Евандру*) людямъ низкаго состоянія трудами надлежитъ изнурять свои силы, а мы знатные господа должны наслаждаться жизнью. Непрестанныя перемѣны не даютъ намъ и подумать о чемъ нибудь трудномъ. Пускай другіе во всенародныхъ играхъ члены свои ломаютъ, и въ ристаніяхъ жизнь свою ввѣряютъ необузданному коню, люди моего состоянія

больше берегутъ свое шѣло. Мы имѣемъ преимущество жизнь свою вести въ пріятной праздности. Мы лепаемъ изъ радости въ радость, и отъ одной пригожей дѣвушки къ другой. Всѣ наши красавицы были уже въ моихъ сѣняхъ, и ни одной изъ нихъ я не былъ вѣренъ.

ЕВ. По этому или онѣ всѣ дурны, или ты не чувствителенъ, какъ дерево зимою.

МОЛ. ГОС. Совсѣмъ напропивъ; онѣ прекрасны какъ Граціи, а я къ прелестямъ ихъ больше чувствителенъ, нежелибъ могъ къ одной изъ нихъ прилѣпиться. Вѣрность въ нашемъ просвѣщенномъ свѣтѣ смѣшная вещь; всегда объ одной дѣвкѣ вздыхашь.... ха, ха, ха! нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ я одинъ разъ влюбленъ, однако нынѣ эту смѣшную спрашу умѣю побѣждать. Правду сказать и дѣвка хороша была какъ Венера. Юпитеромъ божусь, что я ее цѣлой годъ любилъ, ха, ха, ха!

ЕВ. О простой человѣкъ! ты хвалишься умнѣемъ, лучшее счастье, какое даровали намъ боги, изгоняешь изъ своего сердца, и опнимаешь у себя несравненные ни съ чѣмъ утѣхи! тебя легко увѣрить можно, что сладкая груша горька, и что роза даетъ отъ себя пропивной запахъ.

МОЛ. ГОС. Ты скоро, мой Князь, самъ найдешь смѣшнымъ чудной образъ мыслей

твоихъ, копорой получилъ ты отъ низкаго воспитанія.

ЕВ. Боги меня отъ сего да сохраняшъ! прежде яблоня сдѣлается бесполезнымъ терновникомъ.

МОЛ. ГОС. Мнѣ пора идти, Князь! позволь тебѣ откланяться.

ЕВ. Поди себѣ пожалуй; рѣчи твои мнѣ не нравятся.

МОЛ. ГОС. (*отходя*) О боги! какъ онъ смѣшонъ! какъ простъ! Жаль, что отплачуешь его отъ сѣда.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЕВАНДРЪ и ОФИЦЕРЪ отъ пѣлохранищелей
Княжескихъ.

ЕВ. Ушелъ ли этотъ смѣшной человѣкъ? Спросишь было у этого, копорой такъ вооруженъ ко мнѣ идетъ, кто онъ таковъ. Кто ты таковъ, мой другъ, въ такомъ страшномъ уборѣ? что за копье держишь ты въ рукахъ, и что это у тебя на боку привѣшено?

ОФ. Мой мечъ, Князь!

ЕВ. Да на что ты спрашныя эти снаряды таскаешь съ собою въ радостное время? Я бы смѣялся надъ пѣмъ изъ нашихъ, копорый бы во время спокойной зимы та-

скалъ съ собою всѣ снаряды, надобныя лѣшомъ для воздѣлыванія полей и огородовъ.

ОФ. Я начальствую надъ шѣлохранищелами Князя, опца швоего.

ЕВ. По ашому васъ много и всѣ съ шакими орудіями?

ОФ. Да, много, и всѣ съ шакими орудіями. Ха, ха, ха!.... извини, мнѣ смѣшно.

ЕВ. Видно вы живете въ весьма опасномъ мѣстѣ.

ОФ. Почему, государь?

ЕВ. Пошому, что вы всегда ошерегаетесь. Знаешь у васъ много волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей; намъ здѣсь нѣтъ нужды въ шакон ошорожности, у насъ рѣдко случается, чтобы они забѣжали когда въ шподо; ваша шпорона нехороша для шподо.

ОФ. У насъ шаковыхъ звѣрей шолько по имени знаюшь.

ЕВ. Такъ по ашому вы шлишкомъ ошорожны, что Князя швоего безъ нужды ошрашиваете.

ОФ. Да это не безъ нужды, государь! Владѣтелямъ случалось уже неоднократно лишаться жизни отъ шобшвенныхъ швоихъ подданныхъ. Мы должны народъ содержать въ шпрахѣ, чтобы онъ не взбуншовалъ противъ швоего Государя.

ЕВ. Этошь народъ долженъ бышь весь-

ма злой; я бы не спадъ съ нимъ жить ни часу. Вѣдь это словно какъ бы опца защищать отъ собственныхъ его дѣшей. Или развѣ бываютъ такіе злые Князья, что они народъ свой доводятъ до такого гнѣва?

ОФ. Всеконечно; и что тогда народу дѣлать? Бываютъ такіе Государи, которые, кромѣ воли и спрасшей своихъ, иныхъ законовъ не знаютъ, и которые съ подданными своими и съ имѣніемъ ихъ такъ поступаютъ, что доводятъ ихъ до такого бѣшенства и наглости, что они готовы умертвить собственнаго своего государя.

ЕВ. О боги! въ какую землю вы меня ведете! и такъ вы тѣ люди, которые, когда владѣтель золъ, измученной народъ содержите въ страхѣ? Я ужасаюсь! такая гнусность для меня непонятна. Это словно какъ бы кровожаждущій волкъ напалъ на стадо, а шутъ бы нашлись такіе люди, которыебъ препятствовали другимъ спасать ошпенокъ стада. Однако опецъ мой думаю не для того васъ держитъ.

ОФ. Нѣтъ; да мы и не для одного этого полезны. Когда государь захочетъ распространить свою обласъ, тогда выступаемъ мы на землю нашихъ сосѣдей, и тогда выходимъ противъ насъ равное или еще большее число такихъ же вооруженныхъ людей; мы споймъ другъ противъ друга

спройно, и каждой спарается какъ можно больше убивать другихъ; кто въ такомъ случаѣ онажетъ себя храбрѣйшимъ. . . . .

ЕВ. Съ позволенія: кто храбрѣйшіе? кого вы такъ называете?

ОФ. (въ сторону) Боги! какъ это смѣшно, мнѣ надобно говорить съ нимъ какъ съ робенкомъ; онъ даже и того не знаетъ, что такъ славно и велико! (къ нему). Кто вѣщій сдѣлалъ вредъ непріятелю, кто больше убилъ сопровивниковъ, образъ того, въ знакъ славнаго о немъ напоминовенія, выливаютъ изъ мѣди, или высѣкаютъ изъ мрамора.

ЕВ. Это гнусно. О! я не хочу больше знать ни о чемъ; меня ужасъ беретъ! Еще одно: отецъ мой не ужъ ли также свирѣпъ?

ОФ. Нѣтъ; онъ миролюбивой государь: служа ему нельзя пріобрѣсти себѣ великой славы.

ЕВ. И ты объ этомъ пужишь? О боги! слава и честь пріобрѣщается убійствомъ утѣсненныхъ людей! у насъ бы гнушались такимъ человѣкомъ, которой насильственнымъ рукою захопѣлъ бы себѣ присвоить поле своего сосѣда; а это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ.

ОФ. Да въ малыхъ вещахъ не такъ это и водился; такого надлежитъ безъ пощады повѣсиль.

ЕВ. О поди ошъ меня прочь! рѣчи твои омерзене во мнѣ производятъ! я не хочу больше ничего спрашивать, не хочу ни кого видѣть. О боги! но вошъ еще кто-то приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЕВАНДРЪ, ДРУГОЙ ПРИДВОРНОЙ.

ПР. Позволь, милостивой государь, *(бросается предъ нимъ на землю)*.

ЕВ. Это чудной человѣкъ. Развѣ ты уронилъ что нибудь? чего ты шушь ищешь?

ПР. Нѣтъ, государь! позволь мнѣ принести тебѣ мою нижайшую покорность и. . . . .

ЕВ. Это чудно. Такъ почно ковернулась передо мною моя собака, когда бывало долго меня не увидишь. Но на что ты это дѣлаешь?

ПР. Дабы препоручить себя въ твою милость, и сказать тебѣ, что я твой всеподданнѣйшій невольникъ.

ЕВ. Невольникъ? ахъ какъ мнѣ тебя жаль! какимъ образомъ попалъ ты въ это несчастное состояніе? я слышалъ, нѣтъ жесточаѣ для человѣка жребія, какъ быть въ неволѣ.

ПР. Государь! я не изъ пѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, которые по несчастію или по какому нибудь пресупленію лишились вольности; это мое собственное произволеніе; изъ высокопочитанія къ тебѣ приношу я свободу свою въ жертву многомилостивой твоей волѣ, и щасливымъ себя почту, естли только. . . . .

ЕВ. Что я изъ чудныхъ рѣчей твоихъ понимать могу, такъ это только то, что ты мнѣ кажешься самымъ презрѣннѣйшимъ глупцомъ. Какіе это люди! въ какомъ я смущеніи! я бы желалъ, чтобы мнѣ все это - во снѣ видилось! вопъ идетъ чловѣкъ почтеннаго виду; о скажи мнѣ, другъ мой, не сновидѣніе ли я вижу? почтенный мужъ! въ тебѣ уповаю я найпи разумнаго чловѣка.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЕВАНДРЪ и УЧЕНОЙ.

УЧ. Ты не обманываешься, Князь, во мнѣ найдешь ты ключъ ко всѣмъ наукамъ. Кто воспользуется моими наставленіями, тотъ будетъ ученъ и доспопочтенъ паче Царя.

ЕВ. Какъ я радъ, что тебя нашелъ. Стало ты знаешь и ту науку, какъ воздѣ-

лывать поле, и какъ пещись о деревьяхъ?

УЧ. Нѣтъ.

ЕВ. Какъ наилучше ходишь за скотами, и какъ лечишь ихъ болѣзни?

УЧ. И этого нѣтъ.

ЕВ. Такъ ты по этому и цѣлительной силы правъ не знаешь?

УЧ. Нѣтъ.

ЕВ. Можешь бышь музы опмѣнно тебѣ благопріятствуюшь, и ты умѣешь искусно слагать пѣсни, которыя увеселяють разумъ и сердце человѣческое?

УЧ. Какъ! чѣмъ я былъ стихотворецъ! этого рода людей ничего нѣтъ смѣшнѣе на свѣтѣ!

ЕВ. Это чудно! такъ развѣ ты знаешь въ чемъ состоить благо человѣковъ, и отъ чего они могутъ быть щастливы?

УЧ. Я никогда не упражнялся въ бездѣлицахъ.

ЕВ. Да чтожь ты такое знаешь, что бы всего этого было лучше?

УЧ. Я исчисляю звѣздное теченіе; я знаю языки, которыми отдаленнѣйшія царства говорятъ; я вычислилъ сколько песчинокъ ляжетъ на поверхности одной мили; и я предъ недавнымъ временемъ примѣтилъ новое пятно въ луиѣ, котораго самъ Ендимионъ не зналъ прежде.

ЕВ. О боги! нѣтъ моихъ силъ! уйду скорѣе, уйду! мнѣ долго не оправиться отъ моего смущенія.

Д Ъ Й С Т В І Е Т Р Е Т І Е.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ХЛОЯ, АЛЦИМНА и СЛУЖИТЕЛЬ АРАТОВЪ.

АЛ. Посмотри, машушка! вотъ ихъ шапры. Я боюсь къ нимъ идти.

ХЛ. Небось; чего боишься? господа изъ города всегда ласковы къ дѣвицамъ.

АЛ. Того-то я и опасуюсь.

СЛУЖ. Подождите здѣсь; я пойду въ палашку моего господина и скажу, что вы пришли. (*уходитъ*).

АЛ. Каковъ - то у меня вѣнокъ? ты не дала мнѣ времени нарвать свѣжихъ цвѣтковъ и посмотреть въ источникъ, хорошо ли онъ надѣтъ. Господа могутъ подумать, что я. . . .

ХЛ. О дѣвки! дѣвки! кажется будто вамъ природно желать нравиться всему, что имѣетъ глаза.

АЛ. Да, велика мнѣ нужда! лишь бы я пастуху своему нравилась. Однако скажи мнѣ. . . .

ХЛ. Хорошо, душа моя, онъ очень къ тебѣ приспалъ.

АЛ. Да за чѣмъ мы сюда пришли? я бы желала, чтобъ ужъ это время прошло.

ХЛ. Ты услышишь здѣсь нѣчто чудное: скоро оставишь ты и шалашъ мой и здѣшнюю сторону.

АЛ. О боги! нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Какъ ты меня пугаешь!

ХЛ. Ты съ этими господами побѣдешь въ городъ, душа моя!

АЛ. Этому не бываешь. Я уйду, спрячусь отъ этихъ людей въ самую глухія мѣста. Пойдемъ, куда не пришелъ кто, или я одна уйду.

ХЛ. Постой сейчасъ.

АЛ. Ради самихъ боговъ,пусти меня!

ХЛ. Послушай, что я тебѣ скажу: ты найдешь здѣсь своего отца.

АЛ. Какъ? найду моего отца!

ХЛ. Да. Я не мать твоя, хотя люблю тебя, какъ истинную мою дочь.

АЛ. И ты такъ немилосерда, что мнѣ это говоришь!

ХЛ. Это сущая правда, душа моя! ты родилась въ городѣ отъ знатныхъ родителей. Нынѣ шестнадцатъ лѣтъ исполнилось, какъ этошъ самой человѣкъ, которой назъ сюда привелъ, принесъ тебя ко мнѣ, для того что отцу твоему нѣкое сновидѣніе

такъ велѣло; теперь онъ здѣсь и хочешь тебя взять съ собою.

АЛ. Боги! въ какое удивленіе ты меня приводишь! въ какомъ я смущеніи! но это должна быть правда: для чего бы тебѣ такимъ чуднымъ образомъ шутить надо мною? есѣли же это подлинно все такъ, то Евандру надобно ѣхать со мною въ городъ. Вѣдь и ты съ нами побѣдешь, не такъ ли? А безъ того я опсѣлъ не побѣду! право не побѣду! посмотри! вонъ кто-то выходитъ изъ шатра, господинъ въ богашомъ плащѣ. Какой у него ласковой видъ! сердце во мнѣ бьется. Коли опецъ мой здѣсь между ими, такъ бы я желала, чѣмъ это онъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АРАТЬ, СЛУЖИТЕЛЬ, двѣ СЛУЖАНКИ и прежнія.

АР. (*выходя изъ палатки*) Ты, мой вѣрный другъ! важная твоя услуга не останется безъ награжденія. Ипакъ это подлинно та женщина, которой поручилъ ты младенца?

СЛУЖ. Та самая, государь! я бы узналъ ее въ лице, хотя бы она не показала мнѣ кольца, которое я тебѣ опдалъ. Да и дочь твоя такъ любезна, что ты съ радостію кровь свою въ ней признаешь. Вотъ она стойтъ.

АР. (*подходя къ ней*) Буди мною благословенъ!
Ч а с т ь VII.

венна, о дочь моя! лучший для меня даръ боговъ! любезная дочь моя! обойми меня!

АЛ. Что ты мой отецъ, это говоришь мнѣ радостный восторгъ моего сердца.

АР. О какое для меня счастье! какая радость!

АЛ. О мой родитель!

АР. Благодарение богамъ, устроившимъ полъ благополучный конецъ! а ты, любезная воспитательница! коль благъ успѣхъ твоего попеченія!

ХЛ. Боги благословили мои труды! я тебѣ вручаю дочь любви достойную.

АР. О koliko невинность нравовъ и сердце прекрасна! добродушная жена! попеченія твои безъ воздаянія не останутся. Еще разъ обойми меня, любезная дочь!

АЛ. Я обнимаю тебя съ радостію, любезный родитель!

АР. Хлоя можешь теперь идти домой, куда я опять ее не позову. Я поспѣшаю къ Князю объявить ему радость. А ты, дочь моя, останься между нѣмъ съ теми женщинами, которыхъ я нарочно для твоихъ услугъ взялъ съ собою. Я скоро возвращусь и найду тебя въ моей палатѣ.

ХЛ. Прости, дорогая моя дочка! я всегда тебя такъ называю. Пойду теперь въ свой шалашъ.

АЛ. Прости, мапушка! не оставляй меня долго одну; вѣдь ты скоро придешь назадъ?

ХЛ. Я только исправлю кое что. . . .

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АЛЦИМНА и двѣ СЛУЖАНКИ.

ПЕРВ. СЛУЖ. Какъ мы щаспдивы, что насъ избрали тебѣ служишь!

ВТОР. СЛУЖ. По истиннѣ щаспдивы, еспили удоспоемся спвоей милоспи.

АЛ. Вы очень добраго сердца, двушки, что въ первой разѣ меня увидя, спакъ ко мнѣ ласковы.

ПЕРВ. СЛУЖ. Ты должна приказывать намъ; родисель спвой имѣль милоспъ насъ къ спому опредѣлишь.

АЛ. Да я сколько ни спану думать, не выдумаю ничего, чтообы мнѣ вамъ приказать. Какъ можешь одна женщина имѣть сполько надобностей, чтообъ держать при себѣ двухъ другихъ, за копорыми бѣ сполько и дѣла было, что исполнять ея приказы? Надобно ей быть очень чудной и безпкойной, или спѣмъ двумъ споять безъ всякаго дѣла. и сполько на нее зѣвать.

ВТОР. СЛУЖ. Знашныя споспжи не занимающся какъ сполько приличными споспнїю ихъ вещами; прочее все на насъ возла-

*

гають. Взоръ швой повелишь, и мы лепимъ; всегда случаються шысячи малостей, кошорыя ты намъ приказывашь можешь.

АЛ. Эшого я не понимаю. Мнѣ смѣшно кажется; эшо такъ словно, какъ бы я увидѣла подлѣ себя фіялочку, и мнѣ захошѣлось ее сорвать, но чшобъ ни крошечки не нагибаться, шо вмѣсто себя велѣла бы я сдѣлать эшо моимъ подругамъ.

ПЕРВ. СЛУЖ. Конечно такъ, и хопя бы эша фіялочка подлѣ самыхъ рукъ швоихъ была.

АЛ. О нѣтъ! я не могу бышь такъ безстыдна и лѣнива.

ВТОР. СЛУЖ. Позволь себѣ сказать; тебѣ надобно опъ простопы здѣшнихъ нравовъ опспавать и привыкать къ придворнымъ нравамъ. Знашныя госпожи должны жить прилично своему сосшоянію. Опъ сего времени мы всегда при тебѣ будемъ и спашемъ тебѣ объ эшомъ шолковать.

АЛ. Но . . . . мнѣ кажется простопаш нравовъ, какую мы здѣсь имѣемъ, гораздо лучше и спокойнѣе, потому что она сама собою въ разумъ приходитъ, и не надобно ей обучаться съ такою шрудноштію, какъ бы хошѣшь пшичку выучить пѣшь чужія пѣсни. Скажите мнѣ еще что нибудь о городскихъ нравахъ; я боюсь, боюсь, что они мнѣ будутъ шягосшны.

ВТОР. СЛУЖ. По ушпру, когда ты про-

спнешься, то есть, какъ наступитъ полдень; знашныя госпожи не должны проеыпаться въ одно время съ рабочими людьми. . . . .

АЛ. Когда полдень наступитъ? такъ мнѣ и сладкаго по ушрамъ пѣнія пшичекъ не слушать, и на восходящее солнце не смошрѣшь? вопъ хорошо!

ПЕРВ. СЛУЖ. О! это бездѣлицы, которыми знашныя люди смѣются.

АЛ. Глупо вы говорите, дѣвушки! Изрядна будетъ жизнь моя, коли ужъ она такъ хорошо начинается! Ну дайте.

ВТОР. СЛУЖ. Потомъ мы къ тебѣ придемъ обѣ, и спанемъ тебя одѣвать; а это должно продолжаться по крайней мѣрѣ не меньше часа; послѣ того остальное до обѣда время употребитъ ты на поправленіе своихъ уборовъ.

АЛ. Это чудное для меня одѣванье, коли за пѣмъ имѣть у себя двухъ помощницъ, чшобы въ цѣлой часъ не быть гошовой. Такъ какъ я теперь, кажешся я одѣта чисенько и хорошо, не хуже ни чѣмъ другихъ здѣшнихъ дѣвушекъ; да я же каждое утро уываю лице свое въ источникѣ, завязываю волосы, парываю себѣ свѣжихъ цвѣшковъ на голову и на грудь; а при всемъ томъ всегда бываю гошова прежде, нежели взойдетъ солнце.

ПЕРВ. СЛУЖ. Это однимъ сельскимъ дѣвушкамъ прилично.

ВТОР. СЛУЖ. Послѣ того будешь ты принимашь посѣщеніи; когда ты прїѣдешь въ городъ, во всѣхъ бесѣдахъ стануть о тебѣ говорить; все юношество придворное станеть наперерывъ тѣсниться, чѣмъ увидѣшь новопрїѣзжую; предлагашь тебѣ тысячу увеселеній, музыку, танцы, пиры, все, все, что могла изобрѣсти роскошь.

АЛ. Ну эшо видно ласковые люди; да они мнѣ наскучаютъ, естли я должна буду всегда шо дѣлать, что они хотяшъ, а шого мнѣ будетъ не лзя, что я хочу.

ПЕРВ. СЛУЖ. Красота швоя привлечетъ множество любовниковъ; смопри, будь къ нимъ ко всѣмъ ласкова, не давай никому много надѣяться! чѣмъ больше женщина имѣетъ у себя страстныхъ любовниковъ, тѣмъ завиднѣе ея соспоянїе. Подумай какъ эшо лестно, когда они въ угодность швою рвутся, чѣмъ превзойши другъ друга въ остроумїе разума, въ великолѣпїи и въ ревности. Такїе часы для красавицъ безцѣнны.

АЛ. О для меня они шаковыми не будутъ, право нѣтъ!

ВТОР. СЛУЖ. Для чегожъ? развѣ тебѣ непрїятно, когда всѣ молодые люди стануть тебя обожать, и всѣ красавицы тебѣ завидовать?

АЛ. Нѣтъ, въ эшомъ я ни малой прїятности не найду; пошому что я не могу да

и не хочу пришворствовать; попому чшо я никому не могу казашься благосклонною, когда я подлинно къ кому не благосклонна; и попому чшо всѣ эши спрасшныя господа будушь мяѣ въ шягосъ, ибо я никого другаго любить не могу, кромѣ шого, кого я испинно люблю.

ВТОР. СЛУЖ. Какъ, шы ужѣ любишь?

АЛ. Да, да, въ эшомъ, я не запираюсь; я люблю паспуха, люблю его безъ пришворства больше всего на свѣшѣ, и онъ меня больше всего любить. Онъ прекрасенъ какъ солнце, когда оно восходитъ, и пріятель какъ весна. Соловью такъ не пропѣть. . . .

ПЕРВ. СЛУЖ. Ха, ха, ха! извини, намъ смѣшно; извини, милостивная государыня! Когда шы прѣдешъ въ городъ, шо скоро паспуха своего забудешъ. Я объ закладъ ударюсь, что чрезъ коропкое время спанешъ шы сама надъ собою смѣяшья, когда увидишь бодрое городское юношество, ихъ остроуміе, ихъ вѣжливосъ. О какъ легко тебѣ будетъ забыть проснаго паспуха! онъ только бѣдняжка жалокъ: ему ужъ не возврапишь своей потери: какъ онъ здѣсь проснымъ складомъ своимъ жаловашья спанешъ горамъ и лѣсамъ на свою муку!

АЛ. Не смѣйшесь; я вамъ клянусь, чшо я прежде сама себя нежели его забуду. Подише отъ меня съ вашими несносными вѣ-

жливостями! его хочу я любить, его одного; шакъ, дражайшій! прежде луга сіи опустѣюшъ, деревья засохнушъ, и прежде погаснушъ лучи твои, о солнце! нежели я ему измѣню; шакъ, дражайшій! клянусь тебѣ.....

ПЕРВ. СЛУЖ. Не клянись; отецъ твой не попустишъ, чшобы ты благородство свое такимъ образомъ обезслвила.

АЛ. (*сѣ гнѣвомъ*). Это что шакое: благородство? да развѣ не всякой честной челоѣкъ благороденъ? О! я не разумѣю вашихъ ученій, кошорые шакъ мало еспешивенны, да и не хочу ихъ разумѣшъ. Отецъ мой справедливъ, я это знаю; онъ не захочешъ, чшобъ я оставила то, что я больше всего люблю, и любила, что ненавижу. Съ неудовольствіемъ покидаю я васъ, прохладныя тѣни! пріятныя мѣста! исполненныя ушѣхъ невинныя упражненія! Васъ промѣняшъ на эшотъ шумъ! Но я оставляю васъ, послѣдуя моему любезному родителю. Онъ конечно не для того сюда пріѣхалъ чшобъ сдѣлать меня несчастною; я буду несчастлива, несчастлива совершенно, ешлы онъ разлучишъ меня съ тѣмъ, кого я неизреченно люблю. О! пожалуйста не пугайте меня, сестрицы! нѣшъ право, вѣдь онъ этого не сдѣлаешъ?

ВТОР. СЛУЖ. (*сѣ сторону*). Она и въ городъ съ нами не захочешъ ѣхашъ, ешлы опяташъ у нее всю надежду; бѣдинькая, она

очень влюблена! (къ Алцимиѣ). Опецъ швой
всегда былъ милоспивъ; я и сама надѣюсь.

АЛ. Я не только надѣюсь, но совер-
шенно въ шомъ увѣрена. Когда я его увижу,
брошусь къ нему со слезами, обойму его
крѣпко на крѣпко, спану просишь, плакашь,
и ужъ конечно. . . . Однако пусшпте меня;
чаю паспухъ мой въ великой нешерпѣливо-
сши, что я шакъ долго нейду,

ПЕРВ. СЛУЖ. Не прогнѣвайся, шебѣ
еще не лъзя его видѣшь.

АЛ. Не лъзя видѣшь?

ПЕРВ. СЛУЖ. Да.

АЛ. О поди прочь! для чего не лъзя миѣ
его видѣшь?

ВТОР. СЛУЖ. Мы имѣемъ приказаніе
проводишь шебя въ палашку, и шамъ при-
личное швоему сосшоянію надѣшь на шебя
плашье.

АЛ. Да вы меня долго задержите; дай-
те миѣ слово, что это гораздо меньше часа
продолжипся.

ВТОР. СЛУЖ. Нѣсколько минушь.

АЛ. Ну шакъ поскорѣй, или. . . .

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЕВАНДРЪ (въ Княжескомъ одѣяніи).

Какъ меня вездѣ задерживаюшъ! какая это суеда и хлопоты! Сколько ужъ времени какъ не видалъ я любезной моей Алцимны! Вотъ ужъ вечеръ! можетъ быть опять прождала она меня у источника. Я спѣшилъ шуда прибѣжать, но не могъ ее шамъ найши. Вездѣ искалъ, во всѣхъ темныхъ лѣсочкахъ, которые мы любви своей посвятили, но все тщетно. Ахъ! какъ бы мнѣ ее увидѣть? Знаешь ли - та она что со мною сдѣлалось? или - та не знаешь? Какъ мнѣ хочется обо всемъ ей сказать; сказать, что я одною ею могу быть щасливъ! Такъ, дражайшая, одной шобою! въ швоихъ объятіяхъ успокоился духъ мой отъ сихъ чудныхъ смяшеній. Хотя отецъ мой не знаешь еще, что я ее люблю, но для чего бы спалъ онъ препятшвовашъ мнѣ любить прекраснѣйшую, прелюбезнѣйшую дѣвицу? Нѣтъ, онъ этого и не сдѣлаетъ. Онъ не станетъ принуждать меня къ нарушенію клятвъ, которые я при каждомъ жертвенникѣ приносивъ богамъ. Я чаю и въ княжескомъ домѣ нѣтъ никого ея любезнѣс. Пойду сыщу ее; пусть надѣнетъ она свое праздничное платье, кошо-

рое какъ снѣгъ бѣло, и пусшь въ волосы свои свѣжей заплетешъ вѣнокъ; тогда я приведу ее къ моему отцу и скажу ему, сколько разъ клялся я предъ богами, что буду вѣчно ее любить. Но охотно ли она со мною поѣдетъ? не прискорбно ли ей будетъ оставишь прохладныя здѣшнія шѣни? Чего опасаться, она меня любить, а удовольствіе бышь со своимъ любезнымъ преодолѣетъ всякое другое желаніе. Теперь же пойду къ ней; какъ она удивится увидя меня въ паномъ великолѣпнн! Сколь много люди умѣютъ изобрѣшашъ! Какую пышность видѣлъ я въ шатрѣ моего отца! Не ужъ ли столько надобно человеку? Коль мало имѣемъ мы здѣсь такихъ вещей, но при всемъ томъ мы довольны! мнѣ ни какой въ нихъ не было нужды, а они кажутся обойшиться безъ того не могутъ. Но можете ли шомъ бышь щасливъ, кшо имѣетъ нужду въ шомъ многихъ вещахъ? Доселѣ одежда моя казалась мнѣ хороша и покойна, козья кожа вся бѣлая или съ пригожими пынышками покрывала мои плечи; но они украшаютъ себя пестрѣе, чѣмъ луга весною. Боюсь, боюсь я, что спокойные дни прнпныхъ моихъ ушѣхъ протекли навсегда. Зовутъ меня къ великимъ дѣламъ; боги да ниспошлютъ мнѣ свою помощь! Какъ видно сіи люди совсѣмъ оп-

личны, они чудными пущами ищуть чего-то, что они щасіемъ и удовольствіемъ называютъ; но искомое ими пребываетъ у насъ и мы находимъ оное не ища. Такъ, прохладныя тѣни, сладкожурчащія рѣчки, и вы любезныя мѣста, гдѣ юныя лѣта мои провождалъ я шоль спокойно, васъ покидаю я для такой жизни, которой еще не знаю; вы спада, за которыми я смотрѣлъ шоль прилѣжно, васъ оставляю я, дабы, какъ они говорятъ, владычествовать нѣкогда надъ безчисленными спадами людей, коихъ щастіе будетъ мнѣ ввѣрено; это хорошо, быть въ силахъ споспѣшествовать щастію многихъ людей, но не тяжко ли будетъ для меня сіе бремя? О вы, пріятные дни! васъ не забуду я никогда. Всякой разъ какъ весна возвратишся, сплану я посѣщать сію сторону, и ты, Алцимна, проводишь меня будешь: тогда мы у каждого дерева, тѣнію насъ прохлаждавшаго, богамъ принесемъ жертвы. О Алцимна! я спѣшу, спѣшу теперь въ твои обѣщія, ты прелепаніе смущеннаго сердца моего успокоишь, ты. . . .

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПИРРЪ и ЕВАНДРЪ.

ПИР. Сынъ мой! ужѣ сполько времени я тебя не вижу; для чего ты ошъ меня шакъ долго удалялся?

ЕВ. Я навѣсшилъ еще разъ каждую изъ сихъ споронъ, которыя мнѣ должно оставишь.

ПИР. Такъ ты ихъ не охотно оставляешь? скажи мнѣ, развѣ не прельщаетъ тебя сіе богатство, сіе щастіе, что боги тебѣ даровали?

ЕВ. Правду сказать, блистающая эля пышность приводитъ меня въ удивленіе; шаперъ твой почши шакже песпро блестящъ, какъ когда испещренной цвѣтами лугъ въ упреннюю росу ошъ солнечнаго сіянія свѣтлится, но однакожъ не шакъ пріятно. Я видѣлъ въ немъ множество вещей, которыхъ не знаю ни имени ни употребленія. Но скажи мнѣ, родители мой, всегда ли государи окружены бывають шакимъ множествомъ докучливыхъ людей?

ПИР. Гдѣ власть и богатство, шуда собираются добрые и злые.

ЕВ. Это подобно какъ гдѣ цвѣтеть дерево, шамъ и шмели вмѣстѣ жужжатъ со пчелами?

ПИР. Такъ шочно.

ЕВ. Но мнѣ досадно, что они присту-
пають ко мнѣ съ своими услугами, въ ко-
порыхъ я не имѣю никакой нужды; я не
могу перпѣть ихъ уничиженія; развѣ я не
шакон же человекъ какъ они.

ПИР. Сынъ мой! сіи суть преимуще-
ства государей, награждающія весьма сла-
бо шруды того, кто воспріиметъ на себя
попеченіе о соблюденіи народнаго блага и
законовъ.

ЕВ. Когда люди хопятъ поставишь
главою себѣ владѣтеля, то должны они
избирашь между собою лучшаго и прему-
дрѣйшаго: для того думаю я они тебя из-
брали. Но не безумны ли они, когда гово-
рятъ, что я нѣкогда буду ими править,
не зная еще, добръ ли я и премудръ ли.
Поручишь ли кто виноградный свой садъ
шакому, о которомъ онъ не знаетъ еще,
умѣетъ ли шопъ ходишь за виноградомъ?

ПИР. Это ужѣ единожды шакъ ушав-
лено. Тебѣ о многомъ надлежитъ еще спра-
шиваешь. Но скажи мнѣ, опъ чего ты шакъ
сшученъ кажешься, какъ бы не ошопно со
мною бхалъ?

ЕВ. Я бы ошопно шеебѣ послѣдоваль,
родитель мой, ешьяли бы. . . . .

ПИР. Ешьяли бы что?

ЕВ. Ешьяли бы Алцимна, ахъ!

ПИР. Ты вздыхаешь, сынъ мой! (въ сторону) онъ не вѣдаетъ о приключеніи съ своей Алцимною; я хочу сдѣлать ему нечаянную радость.

ЕВ. Если бы Алцимма могла вѣдать со мною.

ПИР. Алцимма! я слышалъ о твоей любви, сынъ мой; но прежде надлежитъ тебѣ увидѣть дочь Арашову, которую назначилъ я-тебѣ въ супруги.

ЕВ. Ахъ, родитель мой!

ПИР. Какъ много обманусь я въ моемъ чаяніи, если ты волею моею будешь непослушенъ!

ЕВ. О боги, коль я несчастливъ!

ПИР. Тебѣ надлежитъ только взглянуть на нее, чтобы полюбить: она красивѣе чрезвычайной.

ЕВ. О родитель мой! позволь . . . ахъ! я не могу никакъ. . . .

ПИР. Умолкни! волею идешь ея отецъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АРАТЪ и прежніе.

АР. Позволь мнѣ, Князь, привести къ тебѣ дочь мою, которой судьба такъ сходна съ твоею. Но . . . для чего, мой Князь, такъ печаленъ?

ЕВ. Я долженъ ее увидѣть по приказанію моего родителя (*въ сторону*). О боги! отецъ мой хочетъ моей гибели!

АР. Я надѣюсь, что радостный сегоднешній день не будетъ встревоженъ никакимъ несчастіемъ.

ПИР. Любовь тому причиною, что онъ не охотно отселѣ отъѣзжаетъ.

АР. Государю надлежитъ изъ княжеской породы избирать себѣ прекраснѣйшую!

ПИР. Я съ великимъ попеченіемъ выбралъ для него невѣсту, и сіе то самое приключаетъ ему горестъ. Но гдѣжь прекрасная дочь швоя?

АР. Вотъ она.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АЛЦИМНА, съ прислуживающими ей женщинами и прежніе.

АЛЦ. О боги! и такъ должна я быть влачи́ма на показъ Князю, и не видашь того, ко́торой одинъ мнѣ любезенъ, и ко́торого одного я всегда люблю́ буду!

ЕВ. (*стоитъ пекально закрывъ лицо свое рукою*). Она идетъ, я слышу: о я несчастный!

АЛЦ. Вошь и я пришла . . . . ахъ! я
ошь горесни говоришь не въ силахъ!

ЕВ. (*взглядываетъ съ удивленіемъ*) Какъ!
не обманываюсь ли я? печальный эпошь
голосъ мнѣ знакомъ; онъ. . . . .

АЛЦ. О боги! ахъ! поддержише меня;
пріятельницы, поддержише! эпошь - шо
Князь? о Евандръ!

ЕВ. Не сонъ ли эшо! чшо я вижу! о
какое восхищеніе! шы ли Алцимна?

АР. О боги! какая радосъ въ очахъ
ихъ изображается!

ЕВ. (*бросаясь обнимать Алцимну*). О
нѣшъ! эшо не сонъ! эшо шы, шы моя Ал-
цимна!

АЛЦ. О Евандръ! мой дражайшій! ка-
кое сладкое восхищеніе! какъ чудно нахо-
димъ мы опяшь другъ друга!

ЕВ. Минушу назадъ почишалъ я себя
нешаснѣйшимъ; шеперь я всѣхъ благопо-
лучнѣе на свѣшѣ.

АЛЦ. Минушу назадъ думала я уме-
решъ съ печали; шеперь сердце мое не мо-
жетъ вмѣстити въ себя всей радости.

ПИР. Любовь ваша, дѣши, да будетъ
опъ боговъ благословенна! вы сами себя
другъ для друга опредѣлили. Ты, мой другъ,
симъ доволенъ ли?

АР. Мнѣ надлежитъ прежде восхище-
ніе духа моего успокоити, дабы могъ я изъ-
Ч а с т ь VII. 20

явить радость и принести тебѣ мою благодарность.

ПИР. Пойдемъ, дѣши! пасухи сей страны сорадуясь вашему щастію да составляящъ веселое празднество.

ГОМЕРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНЬ XVI. (*)

*(Содержитъ въ себѣ шестую Троянскую брань
и смерть Патроклову).*

Между шѣмъ, какъ оба ополченія шаю
на берегу окровавленномъ рапуютъ, и чер-
ные корабли челоувѣческою дымящая кровію,
Патроклъ спѣвшишь ко Ахиллу. Изъ очей
его текутъ горькія слезы, быспрѣ чѣмъ
мушныя спруи съ высокія скалы въ доль

(*) Читайтелю покажется странно, для чего перевелъ я одну
только пѣснь изъ Гомера, и почему именно XVI. Причи-
ною сему было слѣдующее: нѣкто изъ достопочтенныхъ
мужей, съ великими познаніями и достоинствами, спро-
силъ меня: читалъ ли я Гомера? и когда я отвѣчалъ
ему, читалъ въ переводахъ на Французскомъ языкѣ, тогда
онъ сказалъ мнѣ: стало бытъ ты Гомера не знаешь. Над-
лежитъ прочиташъ его или въ подлинникѣ, или на Ан-
глинскомъ языкѣ въ переводѣ Попіевома. Сего не возмо-
жно мнѣ сдѣлать, отвѣчалъ я, пошому что Греческаго
языка во вся не знаю, и Англинскаго почти поже. Между
шѣмъ разговоръ сей возбудилъ во мнѣ любопытство, и я
просилъ почтеннаго пріятеля моего прочиташъ со мною
нѣчто изъ Попе. Мы сѣли, открыли книгу, и случайно
начали читать XVI пѣснь. Я слушалъ, онъ мнѣ толко-
валъ; такимъ образомъ прочитали мы нѣсколько стиховъ.
Пошомъ разговоръ нашъ обратился на великолѣпіе, силу
и звучность нашего Славенороссійскаго языка, и что мо-
жешь бытъ красота Гомеровы не пошеряли бы на немъ

*

низвергающіяся. Вожественный Ахиллъ, дружескимъ соболѣзнованіемъ подвигнушый, шакъ вѣщаешь ему: Папрокль! рцы, кая скорбь грудь твою смѣдающая, шоль сильно изливаешься въ сихъ твоихъ слезахъ немужественныхъ? Младенецъ, оплученный матерію отъ любезныхъ ему груди, не плачетъ шолико горестно; и душа чадолюбивой матери, взирающей съ ласкою на сего прильпнувшаго къ колѣнамъ ея младенца, просширающаго къ ней руки, да возмешь его на лоно свое, не шолико умиляешься, колико моя умиленна шобою! Не мнѣ ли какое, или рашоборной дружинѣ моей, приключилось несчастіе, о коемъ ты болѣзнуеши? или изъ опечесшвенной страны нашей до-

---

достойнштва своего, естли бы искусное и шрудолубивое перо начерташъ ихъ пошщилось. Послѣ сего почтенный пріятель мой, паче по благосклонному обо мнѣ своему мнѣнію, нежели по надеждѣ на мою способностъ, спашъ меня уговаривашъ, чшобъ я шо, чшо мы прочитали, попытался предложить на нашъ языкъ. Я исполнилъ сіѣ для одного опыша, безъ всякаго намѣренія переводить далѣе. По сличеніи сего начала съ Англинскимъ переводомъ, пріятель мой уговорилъ меня еще нѣсколько продолжить оное. Такимъ образомъ подвигаясь по немногу въ передъ вся пѣснь переведена была. Чшо же надлежало пошомъ сдѣлать? Предложишь ли всю поэму? сего по многимъ обстоятельствуамъ не въ силахъ я совершить. Оспавишь ли переведенную мною пѣснь въ неизвѣстности? шакъ бы надлежало, но нѣкошорые любители словесности присовѣтовали мнѣ издашъ оную въ свѣтъ. Я послушался ихъ: читателю ошзається оправдать или обвинить мое послушаніе.

спигла до себя вѣсть плачевная? Но опцы наши (главнѣйшее и любезнѣйшее сердце нашихъ попеченіе) здравствуютъ: швой благосердый Менесій дышетъ еще земнымъ воздухомъ, и мой покрытый сѣдинами Пеллей продолжаетъ еще дни свои, утѣшаясь въ шароспи вниманіемъ хвалы чадъ своихъ. Или меньшая какая причина рождаетъ въ тебѣ печаль сію? можешь быть погибель Грековъ, осужденныхъ за презорство гордаго вождя ихъ на горящихъ ладіяхъ своихъ погрязнуши во глубинѣ водъ, производишь въ тебѣ сожалѣніе? Но кая бы ни была тому вина, опкрой грызущую тебя горестъ, изнеси изъ сердца скорби свои, другъ швой раздѣлишь ихъ съ шобою.

Тогда пляжкое воздыханіе дважды, едино за другимъ, испоргается изъ груди Пампрокловой, и онъ вѣщаетъ: Греція да подвигнетъ наконецъ душу швою къ жалости; ты самъ Грекъ, и нѣкогда изъ Грековъ лучшій! Воззри на соспавляющихъ надежду ея знаменишѣйшихъ вождей: всѣ они мечемъ пронзенные лежатъ подъ наметами своими изливая кровь изъ ранъ своихъ! Еврипилъ, Тишидъ, Апсреевъ сынъ, и мудрый Улиссъ болѣе опечесства своего язвами, нежели собственными своими спраждущъ. Искусство врачей жестокую боль ихъ нѣкогда успокоитъ; швою единую грудь никакое врачеваніе

исцѣлиши не можешь. Да не будешь никогда душа моя ожесточенна подобно пвоей. О великій щещно! бесполезно храбрый! когда гибнущему опечесству не простираешь ты руку помощи, то какой другъ, какой несчастный можетъ ожидать отъ тебя пособія? Нѣтъ! — Народы не рожденные, и вѣки ненаспавшіе еще, проклинаши будешь сей гордый, неудобопреклонный духъ пвой. О человѣкъ не соспрадающій! Если ты рожденъ отъ человѣка; но воиспину не отъ нѣжныхъ породился ты объашій, не спраспю пылающій ирой, ниже любовію дышущая богиня произвела тебя на свѣтъ; нѣкая угрюмая скала въ швердокаменномъ чревѣ своемъ тебя образовала, и ярящееся море изринуло во время бури. Душа достопная сей буйной стихіи! толико непріязненны поступки швои, толико неукротимъ нравъ швой. Еслии какой зловѣщій оракулъ грудь швою колеблешь; еслии самъ Юпитерь или Оешида удерживаешь швою десницу, то да озарится Греція хощя нѣкоторымъ лучемъ опрады: позволь, по крайней мѣрѣ, да вмѣсто тебя изыду я съ Мирмидонскими полками, и во страшное всеоружіе швое облеченный явлюся на поляхъ брани. Гордая Троя вострепещетъ и пощечетъ вспять. Греція отъ единого мечшанія, чая во мнѣ быши тебя, опринетъ спрахъ

свой, воскипишъ мужесшвомъ, и враги ея, мнимымъ швоимъ приходомъ усшрашенные, ошсшущяшъ ошъ кораблей и предадутся бѣгшву.

Тако, не зря судьбы своей, несчастно-добродушный, умоляющимъ гласомъ испрашиваешь ты оружіе, и купно со онымъ смерть свою!

Другъ его сердобольшвуя о немъ шако ошвѣшшвуешь ему: Пашрокль! Ахиллъ швой не знаешь спраха; не гласъ Юпишеровъ, не оракуловы слова, ниже внушенія мапери моей меня смущающъ: презорштво гордаго положило свирѣпость въ душу мою. Оскорбленія, оскорбленія, мнѣ содѣянныя, не исходяшъ изъ мыслей моихъ; онѣ единыя сушъ оракулы мои, вдыхающіе въ меня яросшъ. Я содѣлалъ его высоковыннимъ; я далъ ему власшъ даже и меня самого оскорбляшъ: я чувствую сіе, и долго чувшвовашъ не прештану. Онъ насильшвенною рукою похишилъ у меня дѣву, черноокую дѣву мою, принадлежащую мнѣ по праву подвиговъ моихъ въ день брани, по праву побѣды, одержанной мною надъ ея ошщемъ, по праву гласа всего Греческаго воинштва, присудившаго ее мнѣ гъ награду. Онъ ошпоргнулъ ее ошъ меня; ошъ меня неусшрашимаго, храбраго. Я поруганъ, обезславленъ, подобно послѣднѣйшему изъ рабовъ!

Но преодолѣмъ себя. — Оскорбленія, прошиву кошорыхъ я вопію, минули; время ужѣ наконецъ ожесточенію моему ослабнушъ. Назначенный мною для сего срокъ претекъ; день желанный наступаетъ. Се Гекторъ несешъ оружіе къ кораблямъ моимъ; я вижу пламень, и слышу побѣдоносныя восклицанія. Спѣши, Патроклъ, спѣши, во Ахилловыхъ доспѣхахъ, на славныхъ поляхъ Троянскихъ безсмертною увѣнчаешься честію. Гряди! предводишельствуй Мирмидонскою моею ратию, спаси водоплавательное ополченіе, и во имя мое побѣждай. Зри, какъ слабые оспашки смятенныхъ Греческихъ полковъ на послѣднемъ краю оставленныхъ ими полей шѣсняшся! Виждь, какъ весь Иліонъ, черному облаку, ревущей бурѣ подобно, корабли ихъ обступаетъ! Не тако, не тако было, когда шлемъ сей на главѣ моей пламенѣлъ: тогда Троя опъ единого зрака моего препешала и въ бѣгствѣ искала спасенія. Когда бы сваролюбивый вождь не разрушилъ дружбы своей со мною, давно бы ужѣ половина войскъ Троянскихъ погребена была въ глубокихъ рвахъ. Нынѣ же ни окоповъ, ни оградъ крѣпкихъ не спрашашся Трояне: они не ужасны имъ, когда нѣтъ предъ ними Ахилла. Копіе сына Тидеева не сверкаетъ днесъ грознымъ сіяніемъ, верховный вождь вашъ не вызываетъ

болѣе въ проямъ своимъ: единого я слышу
 Гектора; его шокмо единый, ужась наво-
 дящій, смершь и убійство ободряющій гласъ
 повсюду раздаешся. Но да не будетъ тако:
 Пашрокль! изыди въ поле, спаси корабли,
 ушуши пылающій огонь, и сотвори, да Греки
 еще единожды узрятъ Грецію. Между шѣмъ
 внемли словамъ моимъ и не опринь велѣній
 друга швоего, поручающаго шебѣ славу и
 честь свою, и опъ доблхъ дѣяній швоихъ
 ожидающаго, что паки возвращена мнѣ бу-
 детъ прекрасная опѣяшая у меня дѣва. Ра-
 шуй, бори не ослабно враждебное воинство;
 но до Гектора не касайся: моя рука пора-
 зити его долженствуетъ. Хотя бы самъ
 молніеносный Зевесъ десницею швоею упра-
 влялъ во брани, не ослабляйся успѣхами, не
 забывай славы друга швоего; спаси корабли,
 разсыпь враговъ; но удержиися, и не дерзай
 гнаться за ними подъ стѣны Иліонскія.
 Фебъ, всегдашній покровитель ихъ, или
 иной какой непріязнствующій намъ Богъ,
 можешь дерзость швою сокрушишь. Оставъ
 Грецію, исторженную изъ бездны погибели,
 довершать начатое побою дѣло, и предай
 оное на произволь судьбѣ. О когда бы без-
 смертные боги, Аполлонъ, Паллада, и все-
 сильный Юпитерь, съ высоты престола
 своего благоволили, чтобы всѣ Трояне и
 Греки до единого легли на рашномъ полѣ,

и чтобъ намъ шокмо двоимъ, оставшимся
отъ всеобщаго истребленія, предоставлена
была слава размешать гордыя Троянскія
стѣны!

Тако вожденачальники сіи разглаголь-
ствовали. Между тѣмъ великій Юлиперъ
увѣнчивалъ побѣдою Троянское ополченіе.
Уже Аяксъ не можешь воспяшиши бурному
сшремленію копій, назирающихъ на него,
аки густая, желѣзная шуча. Тяжеловѣсный
щипъ на ушомленной шуйцѣ его опускается
долу; широкій шлемъ звѣнитъ подъ удара-
ми острыхъ мечей; изъ груди его распален-
ной скорыя, шяжелыя исходятъ дыханія, и
кровавый потъ спруишся по всему его тѣ-
лу. Упружденный, преобораемый, едва со-
бирается съ дыханіемъ; но вся рашующая
на него сила не можешь его сдвигнуши съ
мѣста. Опасности, одна за другою, распушь
окрестъ его: брань за бранью, и зло за
зломъ къ нему спремшся.

Музы, превыше звѣздныхъ круговъ сѣ-
дѣющія, вѣщайше, како Троянскій огонь Гре-
ческіе воспалилъ корабли. Грозный Гекторъ,
сверкая молніеноснымъ мечемъ шамо же,
гдѣ свирѣпый Аяксъ вращалъ ясеновое древо
свое, сильнымъ махомъ ударяешь шоль
мешко по широкой скрѣпѣ мѣдянаго копія
его, чшо оно со прескомъ преломяся ле-
шипъ звѣня на землю. Великій Аяксъ щещ-

но обезглавленнымъ рапуетъ оружіемъ, и приписуя силу сего удара мышцѣ самаго Юпишера, поборающаго по Троянамъ, уступаешь и уклоняешься отъ битвы. Тогда отъ всѣхъ спранъ шысячи шипящихъ пламенниковъ несущся быспро къ кораблямъ, огненный дождь густыми спрулами льется на нихъ, пламень отъ воды высоко къ верху расплывается по кормамъ, и облаки клубящагося дыма закрываютъ небеса.

Богомужный Ахиллъ зрѣтъ возникающее зарево, ударяетъ себя дланію по бедру и велегласно восклицаетъ: облакайся, облакайся во всеоружіе, Пашрокль! зри, пожаръ умножается; угрюмое море рдѣетъ отъ огней. Ополчайся, не медли! да не пожрешь пламень кораблей нашихъ. Ополчайся! да не исчезнешъ имя Греческое на вѣки. Я поспѣшу собрать дружину мою. — Тако рекъ ирой. Другъ его съ радостію и усердіемъ ему повинуется. Онъ облакается весь мѣдію, и первѣе вокругъ жилистыхъ голей своихъ сребряными пряжками гладкожелѣзную спягиваетъ обувь; потомъ облагаетъ перси свои бронею, шысящами разноцвѣтныхъ огней горящею; украшенный златыми пугвицами мечъ влагаетъ въ драгоценную перевязь, аки звѣздный поясъ блистающую; щипъ Ахилловъ широкія рамена его покрываетъ; шлемъ Ахилловъ зыблется

на главѣ его. Облеченный во страшное всеоружіе сына Пелеева испускаешъ онъ окресшъ себя неудобоспершимое, ослабляющее очи сіяніе. Единое копіе Ахиллово спойшъ неприкосновенно; ибо единою шокмо десницею его можешъ быши подъемлемо. Изъ шѣнистаго хребта горы Пеліона спарый Хиронъ исторгъ нѣкогда цѣлое древо и преобразовавъ его въ копіе поднесъ оное въ даръ Царю своему, ошцу Ахиллову; и се въ мощной десницѣ сына его наносишъ оно ужасъ и смерть дерзающимъ раповашься съ нимъ ироямъ.

Облекающуся Папроклу Аушомедоншъ, мужъ храбрый и почтенный, славою и уваженіемъ вторый по Ахиллѣ, въ мирѣ другъ ему, во брани сподвижникъ, впрягаешъ въ колесницу крылашыхъ коней. Изъ сихъ Ксаншъ и Балій ошъ безсмершнаго произошли племени; ошъ вѣпра рождены они, и быспры яко вѣпръ. Единаго изъ нихъ летучая Гарпія, другаго скорошечная Подарга, ошъ Зефира на берегахъ бурнаго моря очреватѣвшія, во ложеснахъ своихъ носили. Къ нимъ припрягаешся рѣзвый Педазъ, нѣкогда великаго Эпіона, нынѣ же Ахиллова слава: земнородный конь сей въ силѣ, красотѣ и скорости, не уступашъ двумъ первымъ небснаго ошродія конямъ.

Ахиллъ между тѣмъ отъ намеша прешаеашъ къ намешу, воспаляя въ дерзосердыхъ Мирмидонянахъ жадность къ кровопролитію. Они всѣ, убійствомъ и смертію дышущіе, стояшъ, гошovy къ брани, окрещъ своего повелишеля. Свирѣное, спрашное, люшообразное сонмище! свирѣное аки хищные волки, когда, по расшерзаніи въ лѣсу великорослаго еленя, наполня широкую, прожорливую ушробу свою шрепещущими членами его, и чувствуюя палашую въ горшаняхъ жажду, съ раздушымъ чревомъ, съ высунутыми лзыками, рыщущъ они къ шумящему источнику; люшая спая! глаза ихъ огненными сверкающъ искрами, изъ черныхъ челюстей ихъ густая каплетъ кровь, прешеніе возраждаешъ въ нихъ алчность! — Подобною яростію Мирмидонская дышетъ рашъ: шолико рвеніе ихъ ужасно! шолико зракъ ихъ смершоносешъ!

Великій Ахиллъ высоко посредѣ ихъ стойшъ и повелишельнымъ гласомъ ушпроешъ ихъ на брань. Онъ ко брегамъ Иліонскимъ привелъ пашьдесяшъ кораблей, о пашьдесяши веслахъ каждый. Симъ знаменнымъ на водахъ ополченіемъ повелѣвающъ пашъ избранныхъ вождей, надъ коими самъ Ахиллъ, яко превосходнѣйшій въ храбросши, ешъ верховный владыка.

Первый шествуешь Менестій, мужъ небесной породы, произшедшій отъ шебя, омывающій водами своими землю, о шы, рождшійся отъ Юпитера Богъ - рѣка Сперхій! Менестій былъ плодъ произрашшій отъ соединенія сего безсмертнаго божества съ земнородною дѣвою; но слава ложно нарекла его сыномъ Боруса, сочешавшагося пошомъ съ его матерію.

Впорый по немъ грядеть Эвдоръ: веселая и славная пріятнымъ плясаніемъ Полимела произвела его на свѣтъ. Хищрый Селленій уязвленъ былъ любовію къ ней, и страстными пожиралъ ее очами, когда она легкою и красивою стопою заплешающійся водила коловодъ. Богъ сей отъ Діаннина жертвенника гнался за нею до высокаго шерема ея, достигъ, преодоубль и увѣнчалъ свои желанія. Сынъ ихъ сохраняешь въ себѣ небесный опца своего родъ и материнскую въ тѣлесныхъ обращеніяхъ легкость. Мощный Эхелей, великими спараніями и дарами снискалъ пошомъ любовь прелестной дѣвы сей, сочешался съ нею, и о сынѣ ея, сей опрасли боговъ, имѣлъ отеческое попеченіе.

За нимъ слѣдуешь Пизандръ, искусный мешапелъ копія, мешко поражающій вдали. Ни чья рука изъ всего Мирмидонскаго воинства съ рукою его не сравнишся, и едвали, великій Пашпрокъ, не вѣрибе она швоей.

Четвертое ополчение важный Фениксъ приводитъ. Лаэрта храбрый сынъ ведетъ послѣднее.

Когда попечительный Ахиллъ созвалъ военачальниковъ и устроилъ на брань полки, тогда съ величавостію тако къ нимъ рекъ: „преисполненные гордости и храброго духа, гремящіе славою Мирмидоняне! вспомните, съ какими угрозами порывались вы идти на Троянъ; вспомните нетерпѣливое ваше на меня ропшаніе. О ты! (вѣщаи вы съ неудовольствіемъ) о ты, не умолимый сынъ Пелеевъ, непреклонный, вскормленный желчію! Доколѣ будемъ мы въ праздности на корабляхъ своихъ сидѣть? Ты испоргаешь изъ рукъ нашихъ славу побѣды. Естли гнѣвъ твой вѣчно горѣть будешь, то за чѣмъ мы сюда пришли? возвратимся въ дома свои, возвратимся! тако рекли вы — нынѣ престаньте сѣтовать: се тамо Трояне! спускайте къ нимъ; омойте мечи ваши въ ихъ крови. Часъ исполненія желаній вашихъ насталъ: уцѣпайте сердца свои, уцѣпите руки!“

Тако воспаляюще ему во грудяхъ ихъ огонь брани; послушные полки шѣсѣ и шѣсѣ смыкаются; ряды спрягаются съ рядами; блистающее свѣщающихся оружіе кольцо возрастаетъ, расширяется и густѣетъ вокругъ Царя. Подобнымъ образомъ,

когда зодчій, въ зацщпу ошъ вѣшровъ и бурь, кругообразную воздвигаетъ сшѣну; сомкнушыя камни въ полсшую согромождающя ограду, и гордое зданіе широко окресшъ его возникаетъ: шако они, воинъ съ воиномъ шѣсно сомкнулися, шлемъ со шлемомъ и щипшъ со щипшомъ во едино слилися; пышныя перія на главахъ ихъ сгустившыся, аки волны моря предъ вѣшромъ колеблющя и помагающъ.

Ошдаленно ошъ нихъ въ сїяющихъ лапахъ предшояшъ по едину спрану Аушомедоншъ, по другую Паппроклъ; брашя по оружію, равнымъ мужесшвомъ кипящя; два друга, два шѣла, единою душою управляемыя.

Тогда благоговѣющій къ богамъ Ахиллъ шесшвуешъ подъ сѣнь намеша своего: шамо въ пребогашыхъ сокровищницахъ хранящя великими кипами различныя одѣянїя, и драгоцѣнныя мѣхи, и злапошканныя ковры (дары среброногїя богини). Ошшолѣ вынимаешъ онъ древней работы чашу, кошорую никшо изъ смершныхъ червленнымъ не окроплялъ виномъ, ниже когда въ честъ богамъ возливалъ оное на жершвенникъ, кромѣ Пелеева сына, да и Пелеевъ сынъ не иначе возливалъ изъ ней, какъ единому Юпишеру. Сїю сперва принесенною въ снѣдь огню очищаетъ онъ сѣрою, и въ шекущя омокаетъ шпруи;

пошбѣмъ омывъ руки свои, спановишся предъ
 жертвенникомъ, вливаешь внутрь ея извле-
 ченный изъ гроздовъ багряновидный сокъ,
 и устрема очи на небо, шако молишвенный
 возносишь гласъ: „о шы верховный, высоко-
 престоольный, надъ всѣми превознесенный,
 Додонскій Юпишерь, великій Царь Пелаз-
 говъ! шы, копорый, сѣдыми мразами и мгла-
 ми окруженный, возсѣдаеши на хладной вер-
 шинѣ пророчесшвенной горы Додочы, въ
 дубравахъ коея обипающъ Селлы, племя су-
 ровое, съ неомовенными ногами на обнажен-
 ной землѣ спящее, и копорое шаинспвен-
 ные глаголы швои по шуму колеблющихся
 угадываетъ дубовъ, и предопредѣленіе су-
 дебъ швоихъ въ шихомъ шепшаніи вѣшровъ
 проразумѣваетъ — внемли, какъ нѣкогда
 внималъ, когда моленіемъ Фешиды прекло-
 ненный, унизя Грековъ, меня возвысилъ шы
 славою. Се во опаснѣсть кровавыя сѣчи
 отходишь возлюбленный, дражайшій другъ
 мой; и хопя самъ я при корабляхъ моихъ
 еще недвижимъ пребываю, однако же поло-
 вину души моей уносишь съ собою Па-
 проклъ. О! да оградиши его всепредвидя-
 щимъ попеченіемъ швоимъ! да облечеши
 сердце его мужесшвомъ, и да укрѣпиши де-
 сницу его силою! Текшоръ, мышцею его
 угнѣшаемый, да узришь славу его и безъ
 мѣей руки лучезарну и свѣшлу. Но когда

Ч а с т ь VII.

21

водоплавательное ополченіе спасено имъ
будешъ ошъ меча и пламени, шо да придесть
онъ вспяшъ съ побѣдою и шоржествомъ.
Соблюди оружіе его, соблюди грядущую съ
нимъ дружину, и возвраши его очамъ моимъ
здрави и невредима!“

Всесильный Юпишерь половину шокмо
прошенія его приємлетъ, другую же вѣчный
судъ небесъ ошмещетъ: желаніе его о спа-
сеніи кораблей услышано, моленіе же о воз-
вращеніи Папрокла вѣшрами развѣано по
воздуху.

Между шѣмъ войски предводительству-
емыя Папрокломъ шекупъ во слѣдъ за нимъ
и нападаюшъ на Тролянь: подобно какъ сер-
дипыя осы, раздраженныя рѣзвыми опро-
ками, сыплюшся по широкому пупи изъ
гнѣздъ своихъ, кидаюшся грусами на невин-
наго пушешественника, язвяшъ, вонзаюшъ
въ него жалы свои, и всѣ вкупѣ и дружно,
съ яростію и съ шумомъ, мспяшъ за по-
прясеніе восковыхъ жилищъ ихъ, и за оби-
ды нанесенныя жужжащему ихъ исчадію:
шако гнѣвные полки ошъ наметовъ своихъ
несушся! шако спременение ихъ шумно! ша-
ко оружія ошпы! Папроклъ сими словами
умножаетъ въ нихъ огонь мужества: „о вои-
ны, сошрудники Ахилловы! вспомнише
прежнія свои дѣянія, да зришся въ подви-
гахъ вашихъ богоподобный вашъ владыка;

присовокупите къ знаменитымъ дѣламъ его новую славу; помните, что Ахиллъ вашъ вшайнѣ на васъ взираетъ, будьте храбры, спасите дичащагося верховноначальствомъ своимъ Агамемнона, и да смирился гордость его предъ вами.“

Они ревностно словамъ его внимлюшъ, и вѣспѣвъшіе яроспю лепяшъ къ кораблямъ, дымомъ и пламенемъ обьяшымъ: громкій кликъ опъ брега въ брегъ сугубо ударяетъ, и въ шощихъ ушробахъ водоплавательныхъ громадъ глухо ошзывается. Брань ошановилася, и все, при блескѣ Ахилловыхъ доспѣховъ, окрестъ ихъ оцѣпенѣло. Троянскіе полки, чая быши его на нихъ шесшвующа, мгновенно поколебались, вострепешали и пошекли вспяшъ.

Тогда божественный Патроклъ направляетъ первый ударъ копія своего шуда, гдѣ сонмище сражающихся многочисленнѣе, гдѣ брань кипитъ жарчѣе. Близъ кормы того славнаго корабля, который неблагословеннаго Прошезилая на Иліонскіе принесъ брега, стоялъ безстрашный Перихмей, великій вождь Пеонянъ, съ береговъ извивающагося Аксіа ихъ приведшій; сей, желѣзнымъ оспріемъ во грудь пронзенный, содрагаясь упадетъ на землю: войны его, зря славу царства своего увядшу и помраченну, бѣгутъ, разсѣваются по окрестностямъ

поля. Высокая Папроклова мышца прешить распространяться пламени, и гордые Троянскіе ратники въ страхѣ и омяченіи отъ полусожженного корабля поспѣшно отступаютъ. Дымъ очищается и лежащія на водахъ суда радостно изъ подъ онаго появляются: торжествующіе Греки на освобожденные помосты ихъ съ веселіемъ восходятъ, и громкія восклицанія до звѣздъ возсылаютъ. Тако висятая надъ горами густая, пространный сводъ небесъ чернымъ покровомъ устилающая пуча, когда внезапно изъ чревапыхъ огнями нѣдръ своихъ блещущій, громоносный, шму разверзающій испускаетъ лучъ: тогда холмы освѣщаются, каменные озаряются скалы; рѣки, лѣса и долины въ очахъ изображаются; зрѣніе далеко по улыбающимся полямъ спремишся, и вся неизмѣримая окрестность воздуха огненнымъ свѣтомъ осіявается.

Между тѣмъ опрокинутые, разбѣянные по полю, опшорженные отъ кораблей, Троянскіе воины еще ополчаются и ратуютъ. Яростные Греки, обогранные уже кровію, несутся на нихъ. Папроклъ впереди. Авреликъ едва успѣлъ обратиться и прошивушташъ ему, какъ въ пожъ самое мгновеніе возчувствовалъ силу его руки: острое, мѣдяное копіе, мощною десницею ринутое, прободаетъ его въ лядвію, и хрупкую раз-

дробя въ ней кость, вержешь его стремглавъ на землю.

Твоя шеперь чреда, о Тоясь! грудь швою, щипомъ незакрышую, Спаршанская пронзаешь сулица. Филидовъ мечъ, опразя вознесенный на него Амфиловъ ударъ, раздираешь ему утробу: мракомъ и смертію очи его покрываюшся.

Два Несторовыхъ сына, въ одинакихъ доспѣхахъ, сражаюшся съ двумя храбрыми сопрошивниками, брашьями единокровными: великій Анпилохъ единому изъ нихъ, Ашимнію, проторгаешь ребра, и цвѣщаго юношю, о жалость! простираешь на землю. Кропкій Марись брашнею уязвляя раню, и защищая плавающее въ крови бездушное шѣло его, бросается въ бѣшенствѣ на убійцу; но мужественный Тразимедъ ярость его предупреждаетъ, и направля ударъ свой въ самый составъ рама, отсѣкаетъ у него мышцу; она валишся, и юный воинъ, жизнь съ кровію изливая, падетъ за нею. Тако двумя брашьями лежатъ попоранны два брата, друзья Сарпедоновы, дѣши Амизадаровы; Амизадара, кошорый, ядъ смертныхъ, фуріями предводимый, люшою воскормленный химерою, щещно въ мешаніи копія былъ искусенъ: чада его плаваютъ въ крови, и плашатъ за злодѣйства законопреступнаго отца.

Во грудяхъ шѣлъ лежишь сраженный Клеобуль. Не долго защищалъ онъ Трою: жаждущій сына Оеліева мечъ дымящеюся кровію его упился. Щишь его поверженъ въ прахъ, и мрачная неумолимая смерть очи его на вѣкъ сомкнула.

На среду рядовъ, равнымъ славолюбіемъ дышущіе, исходятъ храбрый Ликонъ и гордый Пенелей; щетно стрѣлы ихъ изъ далека свистѣли; се исторгають они острые мечи свои и сосступаются. Ликонъ сильнымъ махомъ ударяетъ сопрошивника своего по пернашому шлему: мечъ въ десницѣ его по самую рукоять сокрушается; Пенелей же саблею своею, мешко направленною, разсѣкаетъ ему горшанъ: глава на единой кожѣ запылка повисаетъ и шѣло упадаетъ на землю.

Меріонъ достигаетъ Неамаса, и въ то самое время, какъ сей восходилъ на колесницу, поражаетъ его въ рамо: онъ падаетъ спремглавъ, очи его мушятся и вѣчная покрываетъ ихъ тьма.

Еримасова приходитъ пошомъ чреда: Идомей Кришянинъ вонзаетъ въ уста его копіе, сокрушающее и десна его и зубы и мозгъ: кровь хлынула изъ очей его, изъ ноздрей, изъ отверстаго рта, и душа съ нею излилась изъ шѣла.

Какъ волки нападають на пасомое безпечнымъ пасухомъ сшадо овецъ, разсѣянныхъ по окрестности поля; рвушь, рѣжушь, задушають ихъ: такъ Греки гоняшь и поражають бѣгущихъ, не помня о прежней славѣ своей, Троянъ.

Между тѣмъ яроспный Аяксъ наступаешь еще на Гектора; быспрыя спрѣлы его не преспають еще свистать: Троянскій вождь, искусный во брани, ограждаешь грудь свою щитомъ широкимъ, успраняешь отъ бури успремленныхъ на него копій, прошивишься граду спущающихъ по шлему его мечей: зришь, что побѣдоносная прошивныхъ сила возрастаетъ, но спойшь еще, не обращаешь хребта, и шокмо по малу опспуная, дружину свою обороняешь.

Подобно какъ воздвигнушая рукою Зевеса грозная буря, одѣянная черными облаками, шмишь солнце, мрачишь злашее небо, угрюмишь швердь, и вихрями дышущая возмешаетъ прахъ отъ лица земли: шако отъ Греческихъ кораблей по шемному полю, спрахъ и ужасъ Троянскіе гонишь полки. Самъ Гекторъ бѣжишь; бѣжишь прошивъ воли, успрашенными конями своими чрезъ груды шѣлъ несомый. Между тѣмъ далеко позади его воспящасмые рвомъ Трояне падають, и оспрые пожирають ихъ мечи. Колесница ваались на колесницу; ободы

съ ободами звонко ударяются. Тщешно кони, храпая, сисящся изнесуть возницъ своихъ изъ шопкой глубины дола. Грозный Папрокъ, велегласно восклицая, печешъ за ними. Ошъ шума и вопля прясешъ воздухъ, спонешъ земля. Густая мгла, облакомъ надъ облако возносящаяся, и небо ошъ очей сокрывающая, во слѣдъ за ними вѣпешся. Гонимые ужасомъ кони, свергая всадниковъ своихъ, несущся по полю, спѣшашъ доспигнуть града. Кликъ побѣдителей ускоряешъ ихъ спремленіе. Тамъ груды мертвыхъ и умирающихъ воиновъ, тамъ сокрушенныхъ колесницъ и орудій намешанные костры, тамъ трупы военачальниковъ подъ трупами коней своихъ въ крови плавають. Но Ахилловымъ конямъ нѣтъ препонъ, нѣтъ преградъ: высоко прядая скачуть они съ холма на холмъ, чрезъ валь, чрезъ ровъ: вертящіяся колеса вохуть позади ихъ, спущашъ, гремяшъ за Гекшоромъ. Гекшоръ лепитъ. Папрокъ мещешъ въ него копіе, но рокъ спасаетъ его ошъ удара.

Подобно, когда Юпистеръ, раздраженный преслупниками вѣчныхъ законовъ злочестивыми смершными, или рушишелями правосудія мздоимными судіями, въ глубокую осень, ярость свою изливалъ, низпосылаетъ на землю дождь и градъ, велишъ рѣкамъ изъ береговъ своихъ выпунашъ, ошворяешъ всѣ

небесныя хляби и отверстія; свирѣпыя воды, повинувась гласу его, текутъ съ высотъ, попопляютъ поля, ревутъ, сдвигаютъ горы; несущя по долинамъ въ пространное море; трепещущій поселянинъ видить всѣ свои, труды поглощенны: тако бурная, неукротимая, вихреподобная сила рветъ, крушитъ, низвергаетъ бѣгущее шолпами опчаянное Троянское воинство.

Пашроклъ спремится за ними, пресѣкаетъ переднимъ полкамъ путь, ошдѣляетъ ихъ отъ града, и тамо, между валомъ и кораблями, гдѣ кашяся серебряныя струи Симоиса, тамо, гнѣвомъ и яростию дышущій, весь кровію окропленный, новыя шворишь убійства. Первый Проной, подъ щипъ въ храброе сердце пронзенный, легъ подъ ударомъ пляжгаго копія его. Помѣмъ сръшаеся онъ съ Тесторомъ: сей, жершва страха, при единомъ возрѣніи на него мертвѣетъ отъ ужаса, не смѣетъ ни сразиться съ нимъ ни уклониться отъ боя, очи его кошенѣютъ и руки опускаются долу. Пашроклъ ударяетъ его копіемъ въ самыя десна, и уязвленнаго влечетъ съ колесницы: тако съ висящаго надъ водою высокаго берега,ловецъ шянетъ на удѣ зацѣпленную за жабры трепещущую изъ глубины рыбу. Сего оставя мертва лепитъ къ Эріалу, вержетъ обломку горы подобный камень, и

сокрушаешь у него разомъ и мечъ и щипъ и шлемъ и главу. Тамо низвергъ онь Эпаль-та, Эхія; шамо попраля Ифеля, Эвиппа, Полимела; шамо Амфошеръ и Эримасъ послѣднее испускають дыханіе; шамо Пирей и Тлеполема дымящся кровію: куда ни обращаетъ длань свою, вездѣ убійство множишся, гряда шѣлъ на груди шѣлъ валищся, и созидается кладбище смерти.

Тогда Сарпедонъ, зря храбрыхъ друзей своихъ погранныхъ и издыхающихъ, сими словами спасающихся ратниковъ укоряетъ: о сшудъ! о вѣчное безчестіе! бѣгите, робкіе! оставьте одного меня въ семь полѣ: моя рука безъ помощи вашей, будетъ ратова-вашъ. Мое дѣло противустать сему гордому Греку, ошъ котораго цѣлое воинство бѣжишъ въ безпамятствѣ. Тако вѣщающъ сходитъ съ колесницы: Патрокла оставана-ливается и съ важностію ожидаетъ его. Подобно какъ на высотѣ горы два когти-стые врана, пошупя выи и распростира широ-кія крылья свои, кидаются, бьются, рвутъ, перзають одинъ другаго; страшный крикъ ихъ въ пещерахъ и дебряхъ раздается: съ такимъ шумомъ и гнѣвомъ два сіи военачальника сражаются.

Юпитеръ, провидя слѣдствіе сей битвы, шако вѣщаетъ супругѣ и сестрѣ своей Юнонѣ: се насмаетъ часъ, въ который,

по опредѣленію судебъ, возлюбленнѣйшій сынъ мой, Сарпедонъ, долженъ лечь на поляхъ Фригійскихъ. Нѣкогда былъ ужѣ онъ при дверяхъ гроба, но се рука Пашроклова низвергнешъ его въ оный. Гласъ жалости въ родительскомъ сердцѣ моемъ воцѣлеть! Вѣщай, спасши ли мнѣ его отъ предстоящаго ему рока, и пошлешь въ Ликию, далеко отъ трудовъ и опасностей рашныхъ, или попустишь, да надъ сею доблею, отъ меня произшедшею отспасью, судъ небесъ совершишь, и земля божескою обогришся кровію?

Что слышу отъ тебя, о царь первопрестольный! вѣщаешь огнеблистающая взорами богиня; вѣкъ смертныхъ крашокъ; доспоешь ли Юпитеру для единого изъ нихъ нарушишь жребій, еще прежде началія рода ихъ искони имъ предопредѣленный? Многимъ сынамъ боговъ назначено пастъ предъ свѣтами гордой Трои: твое пошворство поднимешь на себя ропошъ, и будешь Юпитера укоряшь приспращіемъ! Попусти, да храбрый военачальникъ сей падешь на поляхъ брани, и когда душа его воспаришь въ горня, тогда повели сну и смерти пренесъ бездушное тѣло его въ опечесивенную спрану. Народъ и друзья воздадутъ послѣднюю честь его праху, воздвигнутъ въ память ему пышно надгробіе, и слава

его (единое, не умирающее съ человѣкомъ) да пребудетъ во вѣки жива.

Тако рекла Юнона. Владыка бурь и громовъ обезоруживается, согласуется съ рокомъ и ушверждаетъ судъ. Небеса ошъ жалости кровавыми злосчастное поле окропляютъ слезами. Повелитель міровъ, отвративъ очи, оплакиваетъ сына своего, осужденнаго увлнушъ далеко ошъ бреговъ благополучной Ликии, гдѣ онъ родился и возросъ.

Между тѣмъ грозные прошивуборники единъ на другаго устремляюся, каждый выславляетъ щипъ свой, возноситъ тяжелое копье. Ошъ сильной руки Пампрокловой лешипъ стрѣла, и поражаетъ храбраго Сарпедонова конеправителя Тразимеда. Прерванные въ немъ жилы не могутъ болѣе удержатъ тяжести тѣла его: оно валился и ударяется о землю. Ликійскій вождь мечетъ двѣ острия стрѣлы: первая изъ нихъ съ яростнымъ свистомъ пронеслась мимо; вторая, въ слѣдъ за нею пущенная, пронзаетъ въ правое берцо пламеннаго, но смершнаго, Фивской породы, коня Ахиллова, Педдаза. Онъ кружится, шапается, топчетъ близкое поле ногами, и упадаетъ: крѣпкая сбруя напрягалась подъ нимъ, ось хряснула и колесница потряслась. Смѣлый Аушомедоншъ мгновенно обуздываетъ двухъ другихъ ушпашенныхъ коней, ушмираетъ ихъ,

отсѣкаешъ мечемъ спускавшуюся упряжь, освобождаетъ ихъ отъ умирающаго коня: они повинувшъ гласу его идушъ пошупя главы, и колесница капишся шихо по рашному полю.

Славолюбивые вождоначальники, свирѣпство умножая брани, наспушаютъ ближе другъ на друга, и первый Сарпедонъ метцешъ тяжелое копіе свое: оно пролетаетъ по верхъ рама Папроклова, и сила онаго въ пущомъ воздухѣ исчезаетъ. Но не тако Папроклъ; десница его, никогда не погрѣшающая, вержетъ острое желѣзо въ самую грудь Сарпедонову, и опрываетъ крѣпкія жилы отъ сердца его швердокаменнаго. Какъ горный дубъ, или выскій шополь или предобреченное бытъ щоглою великаго корабля древо, колеблется подъ ударами сѣкиры, доколѣ съ шумомъ падешъ, и широкими вѣшьями своими покроетъ землю: тако палъ Ликійскій вождь. Въ самомъ паденіи своемъ грозенъ и величественъ, простертъ предъ колесницею своею, лежишъ онъ смертною блѣдностію покрытый, но произносящій еще спрашные гласы, и хвашающій руками окровавленную землю. Тако рыкаетъ яростный волъ подъ когнями свирѣпаго льва, раздирающаго шрепещущіе члены его, и сосущаго пѣнящимися устами дымящуюся кровь: гулъ глубокихъ вздо-

ховъ и шяжкаго сшенанія носилъся по лѣсамъ.

Умиращій вождь тако послѣднее повелѣнїе свое даетъ второму по себѣ военачальнику: Главкѣ! швое шеперь дѣло славными опланишь себя подвигами: мужайся, будь войскъ моихъ главою, предводишель-сшуй ими, ободрй живыхъ и воскреси въ себѣ мершвыхъ. Скажи Ликійцамъ моимъ, что я при послѣднемъ издыханіи молю ихъ, да не ошавяють безъ опмщенія смерть Сарпедонову. Какою печалію, какимъ спыдомъ поразилъ сердце Главково, когда сіе совлеченное съ меня оружіе украшашъ будешъ врага нашего, Грека! храбросшь и дружба да управляють рукою швоею: сражайся, огради шѣло мое, разсѣй прошивниковъ, и каждый воинъ нашъ, послѣдуя великому примѣру швоему, да научилъся побѣждашь какъ ты, или умирашь какъ я.

Онъ ушихъ: рокъ пресѣкаетъ шяжелое его дыханіе, и свѣтъ въ очахъ его меркнетъ. Ругающійся побѣдитель спунаетъ съ презрѣніемъ на простершаго Князя, и грудь его ногами попираетъ. Онъ изъ шрепещущаго сердца его вмѣстѣ съ жилами смертоносную извлекаетъ сшрѣлу: кровь изъ опверстой раны шечешъ рѣкою, и душа въ багряной влагѣ изливается изъ шѣла. Коней его, безъ управления по рашному

полю ичащихся, Мирмидонскіе остановили
 войны. Несчастный Главъ, лишенный силъ
 къ подаіію помощи, глубокою шерзаясь пе-
 чалію внималъ послѣднимъ словамъ умира-
 ющаго вождя своего: онъ чувствуя жесто-
 кую боль, споялъ поддерживая шуйцею де-
 сницу свою, спрѣлою Тевкра уязвленную,
 и тако (единственное что дѣлалъ могъ)
 возносилъ гласъ свой къ Фебу:

„Вся созерцающій Фебъ! на Ликійскихъ
 ли брегахъ, или въ священномъ Иліонѣ при-
 существуешь ты, свѣтоносный, опсходу
 равномоцень уполяшь скорбь спрадальцевъ:
 о! внемли мнѣ богъ врачевныя науки. Зри!
 рука моя онѣмѣла; пекущая изъ жилъ мо-
 ихъ кровь запеклась въ ней; боль спраш-
 ная меня шерзаешь; неспособный владѣшь
 копіемъ, я спою въ опдаленіи опъ рапо-
 борства, и шокмо въздыхаю. Се лежишь
 повержень великій Сарпедонъ: Юпиперъ
 не благоволилъ защищитъ злополучную оп-
 расль свою. Но ты, богъ здравія! ниспосли
 мнѣ швою помощь, да сохраню священные
 оспашки друга моего. Ты, даже и опсущ-
 ственный опселѣ, можешь воспановитъ
 мои силы и содѣлать, да предшесвующъ
 Ликійцамъ моимъ пеку съ ними на брань.“

Аполлонъ внемлеть ему: почашаяся
 изъ раны кровь оспанавливается, оспрая
 болязнь уменьшашся, и духъ бодрости

въ сердцѣ его расшепъ. Божественнымъ искусствомъ исцѣленный чувствуешь онъ ниспосланную къ нему опъ безсмершныя десницы помощь. Первѣе опечествленное воинство свое ободряетъ онъ къ сраженію, попомъ громкимъ гласомъ Троянское оружіе къ опмщенію призываетъ. Опъ мѣспа къ мѣспу быспрыми лешаетъ спопами: шамъ Агенора, шамъ Полидама на брань поощряетъ; шамо съ Энеемъ, шамъ съ Гекпоромъ срѣшается и сими словами ихъ собственную и войскъ ихъ яроспъ воспламеняетъ.

Чпѣ медлишь, Гекпоръ? гдѣ защита пвоя союзникамъ? вождь о друзьяхъ своихъ небрегущій! они изъ далекихъ спранъ на помощь къ вамъ припекшіе умирающе за войну чуждую. Зри! шамъ въ прахѣ лежишь великій Сарпедонъ! Сарпедонъ, въ подвигахъ храбрый, въ совѣсахъ мудрый, народу своему любезный, вамъ другъ и союзникъ вѣрный: лишились его Лидійцы, лишился пы! Пампроклова рука его сразила. О! спѣши, спаси дражайшіе ошашки его опъ яроспи враговъ; не дай Греціи совлеченнымъ съ него оружіемъ величаться, или надъ шрупомъ его мспишь нанесенную храбрымъ мужамъ ихъ рукою его смершь.

Тако рекъ: всѣ вождоначальники принимаютъ учасшіе въ его печали, и слухъ о смерти Сарпедоновой мгновенно пронесся

го полкамъ Троянскимъ. Всякъ сердоболь-
сствуя оплакиваетъ въ немъ подпору отече-
ства своего и купно свою собственную,
оплакиваетъ вождя, который, въ сомнѣ
храбрыхъ воиновъ, пришедшихъ на помощь
къ осажденной Трои, былъ изъ всѣхъ хра-
брѣйшій. Всѣ они гнѣвомъ воскипѣвъ поды-
маются; первый Гекторъ, мщеніемъ ды-
шущій, шепчетъ искашь врага.

Между тѣмъ высоковыинный Пампрокъ
попираетъ ногами мертваго Сарпедона, и
громогласный Аякъ къ воинамъ своимъ,
проспершимъ къ нему слухъ свой, тако
взываетъ: „храбрые ратники; мужайтесь!
будьте что вы были прежде; или помышляя
о славномъ предстоящемъ вамъ подвигѣ,
вознесишься еще больше, превзойдите сами
себя. Се вождьначальникъ, воспекавшій гроз-
но на высокія наши ограды, лежишь мерт-
вый проспершъ на земли. Трояне шепчуть
во множествѣ похищень у насъ шрупу его;
да не будетъ слава наша неполная! спѣши-
те, друзья! совлекиште съ него оружіе:
кровь да лѣется вокругъ его рѣками, и всякъ
дерзкій, состязающійся о немъ Ликіецъ, да
ляжешъ коспыми своими на коспяхъ его.“

Сіе гордое повелѣніе вливаетъ въ серд-
ца воиновъ новый пламень. Рашующіе полки
тѣсно сомкнувшись другъ противъ друга
идущъ: съ одной стороны Трояне и Ликій-

Ч а с т ь VII.

22

цы съ громкимъ нападающею кликомъ, съ другою Фессалійцы и Греки противупоставляюще имъ оспрыя свои копья. Съ ужаснымъ воплемъ окружающе они тѣло Сарпедоново: спущають мечи, и звукъ оружія раздаеся по всему полю. Великій Юпитеръ, да умножится люпость брани, оба разъяренныя воинства злоредною покрываетъ мглою: смѣсившіяся окрестъ сына его свирѣпыя рашники, во славу смерти его, сонмы челоуѣковъ превращающе въ сонмы духовъ.

Греки начинающе уступать: уже Эпитей, Агакловъ сынъ, изъ высокихъ стѣнъ гордаго Будіума припекшій, палъ бездыханенъ. Изгнанный опшолъ за учиненное имъ въ семействѣ своемъ убійство, пришелъ онъ искасть покровъ у Пелея и среброногой его супруги: они послали его подъ Трою, по Ахилловомъ поборать оружіи, и се совершаеся надъ нимъ месъ за убіеніе родственника: едва несчастная рука его коснулася Сарпедонова тѣла, какъ опрывку горы равношяжкій камень, Тексоровою сильною десницею ринушій, сокруша и шлемъ его и главу, повергаетъ хладный шрупъ его на шрупъ Сарпедоновъ.

Гордый Пашпроклъ лепишь прямо къ брани, и какъ орелъ, пожирающій очами добычу, кидаетъ на сонмы Троянъ и Ликійцевъ. Доблій Грекъ! съ какимъ сердце

швое гнѣвомъ и печалію подвизалось, съ какимъ рука швоя громомъ и месцію дѣйство-
вала, когда возшумѣвшій изъ длани швоей
птяжелый камень низвергъ Спенелая на зе-
млю, когда Троянскіе полки, ужасомъ при-
ближенія швоего объятые, пошекли вснать
и самъ Гекшоръ позналъ спрахъ! Такъ да-
леко, какъ искусная десница можешь ки-
нушь спрѣлу въ цѣль, или въ наступающа-
го врага, шакъ далеко Троянскіе полки ош-
снули; но Главкъ обращается и паки
ихъ ободряетъ. Башиклей, единственная
надежда согбеннаго спаросшію Халькона,
низлагается его рукою. Тщешно несмешны-
ми богашспвами изобилюющія, красотою
увеселяющія, обширныя, принадлежащія ему
поля и села, ожидають его къ себѣ. Влеко-
маго пламенемъ юноспи, гонящагося за бѣ-
гущими Ликійцами, Главкъ встрѣчаетъ его,
и поражаетъ: широкимъ копіемъ сквозъ
грудъ пронзенный падетъ онъ, громко уда-
ряясь о землю. Ахейнъ жестокая объемлетъ
печаль: Трояне радостнымъ кликомъ напол-
няють воздухъ, и мертваго спѣшатъ обе-
зоружить: Греки не допускають; и спѣна
съ спѣною спершаяся распетъ окрестъ
бездыханнаго трупa.

Тогда храбрый Лаогонъ, десницею Ме-
ріона къ тѣнямъ мертвыхъ посланный, ис-
пустилъ послѣднее дыханіе. На горѣ свя-

*

щенной Идѣ Юпитеровъ первосвященникъ сей доспопочишаемъ былъ, аки самъ покланяемый имъ Богъ. Эней кидаетъ копіе свое въ побѣдителя, но сей поникнувъ главою избѣгаетъ отъ смертоноснаго удара; свисающее копіе, съ великою силою но бесполезно брошенное, ударяетъ скользко по верхъ щита его, несется мимо, и вонзившееся глубоко въ землю прясется еще и звучитъ. Колико ты ни быспрь въ плясанияхъ (восклицаешь раздраженный Эней), колико ни легокъ въ уклоненіяхъ, но естли бы копіе мое не пронеслось мимо, уже бы ты пригвожденъ долу лежалъ неподвижно.

„О храбрый войскъ Дарданскихъ предводишель! (возражаешь съ усмѣшкою Меріонъ), колико ни надеженъ ты на силу свою, но ты смертенъ, можешь рукою крѣпкою бышь низринуть, и естли бы сему копію моему суждена была побѣда, преспалъ бы ты щеславишься; успѣхами располагаешь небо; въ сіе мгновеніе снизшедшій ужѣ въ царство Плутона, ему бы ты принесъ корысть, а мнѣ славу.“

Меріонъ! (возноситъ укорительный гласъ свой Пашроклъ), препираешься на словахъ не достоиптъ храброму. Не пустымъ кощунствомъ долженъ ты ошѣвствовать Троянцу, но мечемъ своимъ послашь его во

глубину ада! въ совѣщахъ рашуй словами, во браняхъ вѣщай подвигами.

Тако рекши, Папрокъ шечешъ въ средину брани. Меріонъ, аки нѣкій богъ, послѣдуетъ за нимъ, и се новый подъемлется вопль: войны съ воинами шѣсно сосшупающіяся, щипы со щипами, шлемы съ шлемами ударяющіяся: глухой, тяжелой спонъ носится по окрестностямъ полей. Подобно какъ на пощихъ горахъ, или въ пустой, опзывающейся долині, сѣкирные древосѣковъ раздаются спуки, ударъ удара предваряетъ, гулъ падающихъ повсюду съ прескомъ древъ повторяется вдали: шако падушъ мужи, шако звономъ оружія ихъ звенишь воздухъ.

Между шѣмъ великій Сарпедонъ, летающими рашующихъ стрѣлами изъязвленный, брызгами крови обезображенный, прахомъ и пылію покрытый, лежалъ на пескѣ, не блистающъ болѣе лицомъ небеснымъ, не различествующъ ошъ проошаго убіеннаго воина. Главнѣйшіе полководцы, долговременно спорясь о немъ, окружають шѣло его, и брань ошъ всѣхъ сшранъ расщепъ и умножается. Тако близъ соломенной кущи пасуха, гдѣ паръ разливающегося въ сосудахъ млека подъемлется высоко къ верху, жужжащія шолпы мошекъ гуспятся, шу-

чатся, ошчасу прибывають, и прогоняемыя наки возвращаються.

Юпишерь, нахмуря брови и устремляючи очи свои, паче дневнаго сіянїя сверкающїя, смошришь пристально на сраженіе, и въ недоумѣнїи колеблется мыслями, въ сіе ли мгновеніе дасть совершиться судьбамъ, и допустить мстящую Гекторову десницу поразить Памрокла, прервать крашкое его торжество, и бездыханна повергнушь на шѣло Сарпедоново; или преждевременнымъ многихъ душъ испорженіемъ увеличишь славу и ужась бипвы. На послѣдокъ присуждаешь возвысишь еще храбрые Ахиллова друга подвиги, и чшобъ послѣдній день жизни его померкъ величественно; повелѣваешь ему гнать прошивниковъ; да не единъ въ смершныя врага внидетъ, но сопровождаемый множествомъ.

Тако присуди, наполняешь Гекторову душу страхомъ и смяшеніемъ: ирой сей сядишься на колесницу и повелѣваешь войскамъ своимъ ошступать: онъ зришь вѣсы Юпитера преклоненныя на страну Грековъ и удрученный пляжкою Троянъ своихъ судьбою, предаешься ниспосланному съ небесъ ужасу. За нимъ послѣдуютъ и храбрые Ликїане, оставя Царя своего, въ прахѣ лежаща, и грудями шѣлъ побѣенныхъ рашниковъ окруженна. Тако опредѣлилъ Юпишерь!

Греки по долгомъ состязаніи достигаютъ наконецъ своего желанія, и снимаютъ воинское убранство съ Сарпедонова трупa. Блистающимъ мечемъ его препоясуется Паппроклъ, и отсылаетъ прочіе доспѣхи на корабли, да славяща и украшающа оными.

Тогда въ горнихъ селеніяхъ, громовержець Юпистеръ, съ великаго престола своего тако рекъ Фебу: Фебъ! сниди на Фригійскія поля, возьми Сарпедоново кровію обагренное и прахомъ обезображенное тѣло, омой его въ быспрошескихъ чистыхъ водахъ, возлей на него благоуханное миро, и облеки въ царскую великолѣпную ушварь. Соверша сіе, предай священные останки его въ мягкія объятія безмолвныхъ близнецовъ, сна и смерти: да пренесутъ они хладный прахъ сей въ отечественную страну: тамо друзья его да воздвигнутъ надъ нимъ пышный камень: тщетная, но единственная и послѣдняя предоставленная отъ насъ усопшему смертному честь!

Фебъ преклоняетъ предъ нимъ чело, и съ вышины горы Иды направляетъ быстрый полетъ свой на поля Фригійскія; преноситъ, сокрытое въ облахъ, бездушное тѣло ироя, на брега среброструйнаго Симонса; омываетъ почтенныя раны его, облекаетъ въ царственныя одежды, возливаетъ на него благовонное миро, и возвращаетъ ему праж-

ній его богомужный образъ. Попомъ сонъ и смерть, два крылатые близнеца, оба тихіе, оба безмолвные, повинуюсь правителю міровъ, приемяшъ въ лоно свое Сарпедона, и во единъ мигъ прелешаютъ съ нимъ въ царство Ликійское. Тамо полагають его посредѣ рыдающихъ друзей, тамо священнымъ оспашкамъ симъ воздаются досподолжныя почести.

Между тѣмъ Папроклъ, величественный, грозный, сѣдящій гордо на колесницѣ, попусая броды пѣнящимся конямъ своимъ, скачешъ, мчится по проспранству поля, жнестъ пекущіе отъ него Троянскіе и Ликійскіе полки. Увы! не зрящій рока своего, не помнишь онъ совѣщовъ друга. Всемошнй Юпишеръ, предъ кѣмъ ничто сила и мудрость смертныхъ, кшо всѣмъ управляетъ, кому все повинуется, влагаетъ въ душу его пылъ гнѣва и храбрости, да влекомый имъ спремится въ бездну гибели.

Великоименишый вождь! кого перваго поразилъ твоей острый мечъ? кого послѣднйго низвергла мстящая десница твоя, самимъ небомъ къ убійству и кровопролитію воззванная? Адраспъ первый, попомъ Аушоной, за нимъ Эхеклій, за симъ младый Мегасъ, лежатъ поперанны: Эписпора, Меналипа окостенѣли очи; Элазъ и Мелій умножаютъ груду тѣлъ; Перимъ убишъ,

Пиласпра въ вѣчное ниспослалъ жилище ;
оспальныя разбишы, разсыпаны, въ бѣгствѣ
ищущъ спасенія.

Троя пала бы подъ бурною его мышцею,
естьлибъ лучезарный Фебъ не защищалъ се-
го священнаго града. Трижды подступалъ
Патроклъ подъ стѣны онаго, и прижды
блистающею Аполлона Эгидою отраженъ
былъ : онъ покусился въ четвертый разъ,
но внезапно изъ разсѣдшагося облака пре-
высшій смертнаго возгремѣлъ гласъ : „Па-
троклъ ! удержишь оупъ гнѣва : сїи хранимыя
небомъ стѣны ругаются копію швоему. Еще
не суждено имъ пасть ; ниже самъ Ахиллъ,
другъ швой, много тебя большій, не можешь
низложить Трою.“ Тако рекъ богъ, немер-
цающими лучами сіяющій. Греки устращася
гнѣва его шекушъ вспяшъ.

Тогда Гекторъ, остановя пышущихъ
коней своихъ у вратъ Скеянскихъ, колеб-
лешся, недоумѣваешъ, паки ли изышши въ
поле на брань, или повелѣшъ разсѣянной
дружинѣ своей собратъся внутри стѣнъ
градскихъ. Тако размышляюще ему, внезапно
предстаешъ предъ него Аполлонъ, во образѣ
Азія, сына Гекубина оупъ Тиманта рожден-
наго. Младъ, смѣлъ, горделивъ, величественъ.
О спыдъ ! вѣщаешъ, шы ли Гекторъ убѣ-
гаешъ оупъ брани ? Когда бы сила моя равна
была швоей, сей мечъ мгновенно увѣрилъ бы

тебя въ щещности твоего страха: вобрашисъ, спѣши, куда зовешь тебя слава, и омой спѣдъ свой въ крови Патрокловой. Безсомнѣнія Аполлонъ увѣнчиваетъ оружіе твое успѣхомъ, и гордый врагъ падешь подъ копіемъ твоимъ.

Тако рекъ сей богъ, и воспала въ сердцѣ его огонь брани, пускается въ самую средину Греческихъ полковъ. Гекторъ повѣлѣваетъ возницѣ своему Кебріону, да направишь вслѣдъ за нимъ быструю колесницу: кони понеслись, колеса застучали. Патроклъ останавливается, ожидаетъ съ неперпѣніемъ противуборца. Въ шуйцѣ его копіе, въ десницѣ тяжелый, съ единыя спраны острый, съ другія шупый, кремнистый камень. Онъ сильнымъ махомъ вержетъ его: бурная громада сія лепишъ, воешь и сокрушаетъ главу Кебріона, побочнаго сына Пріамова: чело его, очи, брови, врознь разлезаются, и пошемнѣшіе зрачки съ брызгами крови падають какъ дождь на землю. Возница сей выпускаетъ изъ рукъ броды, валишся спремглавъ съ колесницы, и между тѣмъ какъ душа его ошходитъ къ тѣнямъ мерпвыхъ, гордый побѣдитель шако надъ смертію его насмѣхается.

Зри, какъ сей поспѣшно, аки бы съ поверхности на дно моря, низвергается съ ко-

лесницы въ песокъ! ройся, ищи шамъ раковинъ, искусный Троянинъ!

Изрекши сіе Пампроклъ кидается на убіеннаго, да овлечетъ съ него оружіе. Быстръ, безбоязненъ, люшъ, подобно льву, который опустошая спада и поля рыкаетъ грозно, доколѣ пронзенный въ неустрашимое сердце взрешетъ, падетъ, и опъ собственнаго своя погибнетъ храбрости. Въ пошъ самое время мужественный Гекторъ спремится съ колесницы, защищаетъ мершвое шѣло, и вызываетъ Пампрокла къ единоборству. Тако въ лѣсу два алчные шигра съ равною яростию о поверженной споряшъ лани: ревъ ихъ далеко слышенъ. Пампроклъ хватаетъ мершваго за ноги, Гекторъ влечетъ его за главу. Подобно какъ во глубинѣ шемнаго лѣса спершыя горами, бурные, прошивудышущіе вѣтры, ревутъ, бушуютъ: опшорженныя лисшя, лѣшорасли, и самыя деревья, высоко въ верхъ возмешающся; шолсшыя вязы, маперыя кедры и дубы, шрещашъ, гнушся, сплешающся вѣшьями, колеблюшъ, шрясушъ другъ друга, и кажешся весь дремучій лѣсъ самъ съ собою сражашся: съ шакою силою, съ такимъ шумомъ и люшостию, оба смѣшившіеся воинства препирающся и рашоборствуютъ. Конья съ коньями встрѣчаясь падають какъ дождь вокругъ Кебрионова шѣла; шуча

спрѣлъ сильною шепивою ударенныхъ свистящъ по воздуху; камни въ слѣдъ камнямъ лепящъ; иные, огромные, низвергающся шумно на землю; другіе, крѣпкіе, спучащъ по желѣзнымъ щипамъ: но какъ ни люто свирѣпствуесть вихрь брани, мощный правитель коней лежишь бездыханенъ, не слышишь раздающихся окрестъ его громовъ, не мыслишь болѣе о управленіи колесницы!

Доколѣ пламенное солнце по небесному своду кашилось надъ главою рашующихъ, дополѣ громоносная буря съ обѣихъ спранъ равносильно дышала: тучи спрѣлъ обоюду повергали равное число храбрыхъ воиновъ; но когда вечернія свѣшила сего колеса приближались къ краю водъ морскихъ, тогда побѣда склонила вѣсы свои на спрану Грековъ: съ шумомъ и восклицаніемъ опшоргають они Троянъ опъ шѣла Кебріонова, уносящъ оное, и совлекають съ него блестящіе доспѣхи. Тогда быспрый Папроклъ, новою яростію кипящій, новыми убійствами дышущій, врывается въ самую средину враговъ. Трижды, аки самъ Марсъ, нападаетъ онъ на сгустившіяся толпы ихъ, и въ каждое нападеніе шрижды шрехъ военачальниковъ убиваетъ. Сшремишся еще — но се настаетъ конецъ швоей славѣ! рокъ прерываетъ драгоцѣнную, шолкими подвигами блистающую нить швоей жизни! Апол-

лонъ препинаешь исполинскій путь швой, и небеса на смерть швою согласуюсь! Аполлонъ, во мрачное облако сокрытый, пришекаешь къ нему съ пылу, и поднявъ страшную руку свою, совершаешь тяжкій ударъ на рамена и заднюю часть главы его низпадающей: изъ очей его сыплются искры, и обуянные чувства объемлешь мракъ и тьма. Далеко оплелѣвшій шлемъ его стучишь кашая по равнинѣ. Перо Ахиллово кровію обогренное пресмыкается въ пыли. Сіе перо, никогда прежде на землю не упавшее, долгое время, не прикосновенно, на рашныхъ поляхъ бѣлѣвшееся, и богомужную главу величественно осѣнявшее! тако судилъ Юпитерь, да помаваетъ оно днесь на шлемъ Гекторовъ; но не долго будетъ онъ украшаться имъ. — Крѣпкое и длинное копье Пампроклово на части сокрушается; широкій щипъ съ руки его упадаетъ; злая перевязь спелется по полю; колчанъ опшорженный опъ удивленной груди его повергается долу; вся воинская збруя на немъ рассыпалась; всѣ члены его онѣмѣли: онъ поколебался, оцѣпенѣлъ, стойшь неподвижно: шолико-шо сила божеской десницы превосходитъ силу смертнаго!

Ефорбъ, знаменишый Троянскій юноша, опъ Паншова происходящій племени, опличный всадникъ, искусный мешатель

спрѣлъ, неподобный въ ристалищахъ конскихъ: двадесять соперниковъ низвергъ онъ съ колесницы, когда воинскому искусству сему обучался: его копіе первое дерзнуло Папроклову пить кровь: онъ ударилъ, ранилъ его, но не смѣлъ покуситься далѣе: хотя зришь героя сего обезоруженнаго, однако спрашишься грознаго зрака его, мгновенно опшоргаешь отъ него длинное копіе свое, и спѣшишь въ средину дружины своей укрыться съ онымъ. Папрокль, божескою десницею и купно копіемъ смершнаго уязвленный, предается страху, опшупаешь, ищешь помощи отъ своихъ; но щещно хочешь избѣгнути отъ опредѣленнаго ему жребія. Гекторъ, узря его почашаго кровь, испоргаешь изъ груди воиновъ своихъ, шечешь за нимъ и поражаетъ его смертоноснымъ копіемъ: онъ палъ, земля задрожала, и Греческіе полки, аки бы всѣ вкупѣ единымъ ударомъ симъ сраженные, оцѣпенѣли, упали духомъ. Подобно какъ въ глухой степи близъ хладнаго источника, встрѣчаются дышущіе яростию косматый левъ и щепиистый вепрь: оба поимые жаждою спорятъ о пошокѣ, свирѣпо соспупаются, страшно бьются; челюсти ихъ окровавлены, изъ глазъ ихъ огонь сверкаетъ; напоследокъ левъ преодолеваетъ, и жажда раздраннаго вепря вмѣстѣ съ жизнью его погашаетъ.

ся: тако Пампроклъ, шолное число военачальниковъ низложившій, шолно душъ испоргшій, се наконецъ самъ послѣднее испускаешъ дыханіе. Гекшоръ, на проспершаго къ ногамъ своимъ съ важностію взирая, тако шоржешшующимъ гласомъ къ нему взываетъ:

Спи шушь, Пампроклъ! и съ шобою да спишь сладное воображеніе швое созерцать падшую Трою, взирашь на обьяшый пламенемъ Иліонъ, и видѣшь женъ нашихъ влекомыхъ въ плѣнь! легкомысленный! я оружіемъ моимъ охраняю градъ сей, и обитающій въ немъ прекрасный полъ спасаю отъ порабощенія: швой жребій, бышь пищею врагамъ. Ахиллъ швой не могъ шебѣ подашъ руку помощи: съ какою, мню, важностію ошправлялъ онъ шебя! koliko сдѣлалъ порученій! „не возвращайся, храбрый другъ мой, не возвращайся, доколѣ не совлечешъ окровавленнаго оружія съ убіеннаго Гекшора.“ Тако, мню, рекъ: Пампроклъ повинуешся, печешъ на рашное поле, и се како исполняетъ повелѣнное!

Греческій вождь, хребшомъ гнѣтущей землю, устрема дикій взоръ свой къ небу, шихимъ, прерывающимся ошвѣтспивуетъ гласомъ:

Умолкни шщеславный! и божескую познай власть: Юпишерь и Аполлонъ линов-

ники смерти моей, не ты: произволеніемъ небесъ низверженъ я и обезоруженъ; не присвой себѣ не содѣланнаго побою: двадцати смертнымъ, равнымъ тебѣ силою, воспротивился бы я торжественно, и всѣ они пали бы опъ руки моей. Первый поразилъ меня Февъ, пошомъ Ефоръ, пошомъ уже ты шрепій: се твоя собственная часъ. Но вспомни меня, горделивецъ! внемли послѣднія слова мои; Богъ внушаетъ ихъ въ меня, да возвѣщу тебѣ погибель твою. Скоро поруганіе твое надо мною на главу твою обратишь. Черная смерть виситъ надъ побою, и часъ твой близится. Я зрю тебя, стоящаго на краю пропасти, зрю — ты падешь въ нее, рукою Ахилла низверженный. — Силы его истощаются: душа съ нехотѣніемъ оставляешь шоль прекрасное, но, увы! безъ нея въ глыбу земли обратившееся тѣло, и нагая, спрانشивующая, задумчивая, паритъ къ унылымъ, безосраднымъ брегамъ рѣки забвенія.

Тогда Гекторъ, по нѣкоемъ молчаніи, насыщая очи свои созерцаніемъ блѣднаго шрупа, шако речетъ къ нему: ошкуду сіи пророчешвенные глаголы, смерть мою прорицающіе? и для чего я долженъ умереть? По что не Ахиллу пастъ подъ копіемъ Гекторовымъ? опредѣленіе судьбы кто знаетъ?

Тако рекши, угрюмъ и пасмуренъ, попираешь ногами бездыханную грудь, извлекаешь изъ ней смертоносное желѣзо, и вержешь отъ себя охладѣвшее шѣло; пошомъ копѣемъ, дымящимся еще кровію, хочешь поразить Пампроклова конеправителя Аушомедонша; но сей попусшивъ бразды спущивъ колесами, несется по пространному полю: быстрые, безсмертные кони, даръ боговъ, уносятъ его отъ ярости Гекторовой.

ГОМЕРОВОЙ ИЛІАДЫ

ПѢСНЬ І. (*)

Воспой, богиня, гнѣвъ Ахилловъ, испочникъ Грекамъ безчисленныхъ, лютыхъ бѣдъ; сей гнѣвъ, что многія храбрыхъ военачальниковъ души преждевременно во мрачное Плутонovo низринулъ царство, и пѣла ихъ непогребенныя на расшерзаніе алчнымъ псамъ и хищнымъ вранамъ предаль; когда богомужный Ахиллъ съ верховноначальствующимъ Агамемнономъ, сыномъ Апреевымъ, непримиримою другъ на друга дышали злобою. Таковъ былъ судъ небесъ и воля громодержавнаго Юпитера! Повѣждь, о муза, кто изъ прогнѣванныхъ небесныхъ силъ возжегъ сію зловредную вражду. Фебъ, Юпитеровъ рожденный отъ Лапоны сынъ, пѣшворною язвою заразилъ воздухъ, и грудями мертвыхъ пѣлъ проспранныя усыпаль поля. Раздраженный сыномъ Апреевымъ, оскорбившимъ жреца его Хриза, въ казнь Царю послалъ онъ смерть народамъ. Хризъ принесъ богатые дары, да искупитъ единородную дочь свою изъ плѣна. Почтенный

(*) Пѣснь сія, недоконченная, по тому помѣщается здѣсь какъ опривокъ, что она переведена была послѣ, и нигдѣ не напечатана.

опецъ споялъ уничтоженно; спрашныя Аполлоновы знаки украшали его десницу; ими умилошвивая преклонялъ онъ главу свою до лица земли, и проспирая злпшый жезлъ и лучезарный вѣнецъ, шако умолялъ всѣхъ Грековъ, паче же двухъ единоушробныхъ царей, чадь Апсреевыхъ :

Сильные царіе и благолѣпные войны! да увѣнчаются желанія ваши, да сошрусся рукою вашею гордыя Троянскія спѣбны. Юпиперъ да успокоитъ васъ по шрудахъ, и да благоволишь вамъ въ вождѣлѣнномъ здравіи возврашиться въ дражайшее ваше опечество. Но молю васъ! естѣли не изъ соболѣзнованія къ сокрушенному родипельскому сердцу, шо для сихъ приносимыхъ мною даровъ, и да не возгорипся надъ вами месшь Феба, Юпиперова сына, подвигнишесь на жалосшь, опдайте единородную дщерь мою горькимъ моимъ слезамъ.

Всѣ Греки единоголасно вокликнули: да возврашиться почшенному опцу прекрасная дщерь его. Но не сей былъ сына Апсреева гласъ: царскою надменнымъ власпію опшпоргаешъ онъ жреца и шако вѣщаешъ ему :

Прочъ, дерзновенный! немедленно удались опъ рапныхъ сихъ полей. Спрашисъ пипашъ въ себѣ желаніе, не угодное волъ царя. Удались опселѣ съ злпшымъ жезломъ швоимъ и лучезарнымъ вѣнцемъ. Не надѣйся

*

на сія бога твоего знаменія. Дщерь твоя, жрецъ, моя раба, и у меня она пребудетъ; ни мольбы, ни слезы, ни дары твои не помогутъ: въ Аргосѣ, далеко отъ отечества и отъ плачущаго отца своего, будешь она упражнялась въ тканіи полощень, и постилаешь одръ мой, доколѣ время не похитишь ея прелестей, и увядшій цвѣтъ лица не испоргнетъ ее изъ охладѣвшихъ моихъ объятий. Прочь, прочь отселя; бѣги отъ гнѣва моего.

Трепещущій жрецъ унылъ, сокрушенъ духомъ, направляетъ обратно стопы свои по берегу моря. Лишенный всея опрады, не смѣющій ропзашъ, безмолвенъ шествуешь онъ при шумѣ волнъ. Когда же отшелъ далеко, тогда оспанавливается и шаго возноситъ гласъ свой къ богу, освѣщающему лучами вселенную:

О Фебъ! чадо прекрасныя Лапоны, покровитель божественныя Циллы, источникъ немерцающаго свѣта! Тебѣ поклоняется Тенедъ, твоимъ свѣтлымъ присущствіемъ позлащаются берега Хрисы: естли когда либо рука моя умѣла жертвенникъ твой украшать цвѣтами, естли проливаемая мною шельцевъ и козлищъ пучная кровь пурилась нѣкогда во благоуханіе твое, богъ серебрянымъ лукомъ обладающій! кинь

сѣрѣлы, опшиспи за скорбь первосвященника швоего, порази Грековъ.

Тако рекъ Хризъ. — Аполлонъ молебъ его внимлешъ : онъ напрягаешъ бранный на Грековъ лукъ и нисходишъ грозенъ съ вышоты Олимпа ; грядущу ему серебряныя сѣрѣлы звеняшъ. Дышущій мщеніемъ распростираешъ онъ глубокую ночь ; окрестъ главы его черныя вращающія пучи : едва узрѣлъ Греческіе корабли, ошпанавливается, и уклоня лукъ свой спускаешъ шуго натянутую шепиву : воздухъ сошрясается, и пернатая, смершносная сѣрѣла воешъ на нихъ съ вышотъ. Въ началѣ мескъ и песь упадающъ, пошомъ мспшительныя сѣрѣлы разяшъ и человекъ. Девяшъ длинныхъ ночей огнепалющіе удары въ густомѣ мрака сверкали ; но въ десяшый день богомужный сынъ Оешиды, вдохновенный соболъзнующею о погибели шоликаго числа храбрыхъ воиновъ Юноною, созываетъ на совѣшъ Греческое шoinsшво. Всѣ садяшся. Ахиллъ возсшаетъ и шако вѣщаетъ верховному повелштелю народовъ :

Почшо не покидаемъ мы злополучныхъ бреговъ Троянскихъ ? Почшо не возвращаемся вспяшъ по преплышному нами морю ? Кшо опъ меча пощаженъ, шого пожираешъ днесъ язва. Время ужѣ помышляшъ о спасеніи не многихъ, ошавшихся опъ войны. Но шпросимъ кого изъ прорицашелей, или священ-

ныхъ мудрецовъ, да откроютъ намъ причину тяжкосердаго гнѣва Аполлонова, и умудренный сновидѣніемъ (ибо и сны отъ Юпитера ниспосылаются) да наставишь насъ, чѣмъ можемъ мы отвратишь отъ себя польное мщеніе. Если за нарушеніе какихъ обѣтовъ Фебъ поядаетъ насъ гнѣвомъ своимъ, да воспуряшся ему олтари и принесуся шучныя всесоженія: тако небеса да умилосердяшся, пощадытъ Грековъ, и Аполлонъ пресшанешъ огненныя стрѣлы свои мешать.

Рекъ, и возвѣлъ: тогда Калхасъ, первѣйшій отъ прорицателей Греческихъ, достопочтенный спарецъ, мудрый первосвященникъ, остроюю взора прошедшее, настоящее и будущее проникающій, возставъ смиренно и тихо отъ сѣдалища своего, тако вѣщаль:

Возлюбленный Юпитеру Ахиллъ! ты желаешь знашь вину, напрягающую злоредный Фебовъ лукъ: дай царское слово швое защишишь меня швоею силою и власшю; ибо, наущаемый мудросшю, я долженъ возвѣсшить истину, которую сильныя ненавидятъ. Опасная смѣлосшъ, когда подданный, ревнишель праводушія, дерзаетъ царя укорить погрѣшносшю: гнѣвъ его, хотя и будетъ казаться потухшимъ, но шлѣбующая въ сердцѣ искра нѣкогда отпрыгнешъ мщеніе.

Тогда Пелеевъ сынъ тако рекъ ему: вѣщай, повѣдай кроющееся во глубинѣ души швоей, вѣщай безболезненно. Клянусь богомъ, управляющимъ часами дней, кому рука швоя воспосылаешъ обѣщъ Грековъ, япо намъ усшами швоими глаголешъ, клянусь симъ богомъ: доколѣ Ахиллъ будешъ дышашъ, ни единъ изъ безчисленныхъ обиташелей Греческихъ не дерзнешъ на первосвященника своего поднйшъ злочешивую руку, ниже самъ верховно повелѣвающій царь царей, ниже онъ посмѣшъ коснушся священныя сея главы.

Благочешивый мужъ, ободренный сими словами тако начинаешъ: не нарушение обѣщовъ, или забвеніе жершвоприношеній, но самъ верховный повелитель нашъ ешъ виновникъ сего свирѣпешивующаго между нами зла: Аполлонъ мшпишъ за первосвященника своего поруганнаго имъ и оскорбленнаго. Яросшъ бога сего не умолянешъ, но паче лзва умножйшся и адскій огонь распрощранйшся, доколѣ великій царь, безъ всякаго искупленія и плашы, не возврапишъ черноокую дѣву въ домъ опща ея. Тогда, многими жершвами и моленіями, испросишся можешъ бышъ прощеніе опъ жреца и пощада опъ бога.

Вѣщающу сіе прорицашелю царь надъ царями, какъ нсбо шемною шучею угрюмъ

взоромъ, воспріянулъ съ блистающаго престола своего; черная желчь въ груди его кипѣла, изъ очей сверкали молніи: зловѣщій пророкъ, возопилъ онъ, вѣчный предсказатель бѣдъ и напастей! доколѣ уста твои не престанутъ провозглашать злое, и доколѣ гордыня твоя раздражаетъ будешь царя? На то ли ты Фебовыхъ полковашель глаголовъ, чѣмъ въ Греческихъ народахъ возбуждаешь ропотъ на владыку ихъ? Почто честь мою поносишь ты клеветами? Чѣмъ поруганъ жрецъ, и могутъ ли симъ оскорбляться небеса, что я прекрасную дѣву, пѣвницу мою, при себѣ удерживаю, и небесныя прелести предлагаемому мнѣ предпочитаю злѣму? дѣву, нравами и красою лица рѣдкую, во всякихъ хитрыхъ руководствѣхъ преискусную, и всѣми пріятностями только увѣнчанною, что далеко не былъ я такъ щастливъ прелестями Клишемнесстры, когда еще цвѣтущая младостию въ первый разъ предалась она моимъ обѣщаніямъ? — Но естли боги требуютъ сію дѣву, да будетъ воля ихъ исполнена. Царь есть блюститель общаго блага. Хочу, да паче только тяжкою возлежащею на всѣхъ виною единый я обременюся и поспражду, нежели да погибнетъ народъ мой. Пѣвницу, прекрасную пѣвницу, столь высоко цѣнимую мною, столь праведно мою, возвращаю; но

когда я для общаго блага уступаю прекраснѣйшую изъ дѣвъ, то имѣю право надѣяться, что благодарные Греки не оставяшь сей моей собственнѣйшей утраты безъ возмездія, и не допускаятъ царя своего жаловаться, что онъ одинъ отъ побѣдъ и проліянія крови своей не собралъ никакихъ плодовъ.

Царь ненасытный (такъ ошвѣществуется Ахиллъ), царь много щеславію, но еще болѣе корыстолобію поработченный! Какъ? ты хочешь, чтобы Греки законную добычу свою, сію должную за храбрые подвиги ихъ награду, уступили тебѣ? или не знаешь ты, что собранныя отъ разрушенія градовъ и побіенія ратниковъ корысти раздѣляемъ мы съ таковою же правою, съ какимъ трудомъ пріобрѣтаемъ оныя? швоя мучительская власшь, единымъ сребролюбіемъ дышущая, мнишь, аки у рабовъ, ошняятъ у насъ спяжаніе наше? Но естли ты, верховный вождь, рашуешь шюмо для похищенія сокровищъ, Іліонъ богатствами своими вознаградишь швою утрату, когда, по волѣ Юпитера, высокія башни его побѣдоносными силами нашими низринуты будутъ въ прахъ.

На сіе тако ошвѣщствовалъ царь: такъ мнишь, что я спрахомъ подвигнутый отдамъ добычу мою, а ты спокойно будешь

владѣшь швоею? Хошя ты великъ и подобенъ богу въ сраженіяхъ, однако не мни похишишь у меня право рашоборца. Не исполнишь шребованіе швое, доколѣ не получу приличнаго сану моему возмездія, равнодостойнаго ушпуваемой мною многоцѣнной красотѣ. Тако да будешь, или сія рука моя, царскою ополченная властію, похишишь у васъ собшвенныхъ вашихъ плѣнницъ: мощный Аяксъ, или Улиссъ, или Ахиллъ долженъ будетъ ушпуишь мнѣ свою. Горе шому, кого рука моя посѣишь! Тщешно будешь онъ ргашься и спонашь. Но опложимъ сіе до времени. Днесъ пошребно, да вскорѣ черный корабль, вооруженный крѣпкими веслами и управляемый избраннымъ кормчимъ, снидетъ со береговъ и попирая волны несетъ шучныя жершвы въ Хризскую спрану. Прекрасная плѣнница да возсядетъ на него и единъ изъ князей да сопущшвуешъ съ нею. Сіе да исполнишь Царь Кришскій, или Аяксъ, или мудрый Улиссъ, или, когда царской волѣ нашей угодно будетъ, самъ гордый Ахиллъ, спрашный во гнѣвѣ своемъ, да шеспшвуешъ на немъ, и преплывъ море умилоспивишь Аполлона и смершносную прекраишь язву.

На сіе Пелеевъ сынъ гнѣвомъ кипящъ тако опшѣшшвуешъ: Царь буйштва и гордости исполненный! безславный рабъ коры-

столубія, всегда къ недостоинному царской души лукавству прибѣгающій! какой великодушный Грекъ, повинувшись гласу швоему восхоцешъ ловительсшвовашъ врага, или срѣшашъ его ошъ супрошиву (*)? За что мнѣ въ угодностъ швою рашовашъ? Ошдаленные ошъ царства моего Трояне ни чѣмъ меня не оскорбили; никогда Фшійскихъ полей моихъ не пошопшали; никогда пасущихся въ долинахъ рашныхъ коней моихъ не похишили. Далеко ошсшоящую ошъ Фригш, спрану мою, богатшыя жашвы приносящую, благословенными плодами изобилующую, храбрыхъ воиновъ порождающую, хранящъ угрюмыя горы и шумное море. Мы добровольно соединились и приплыли сюда не за общую, но за часшную ошмспшшъ

(*) Гомеръ вездѣ различаетъ сіи двѣ брани, изъ которыхъ первая, почитавшаяся опаснѣйшею, состояла въ томъ, что отборные люди, ошдѣльно ошъ войска своего, скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ, дабы нечаянно и вдругъ напасть на непріятеля; другая же брань состояла въ обыкновенномъ и явномъ нападеніи. Въ Библии въ книгахъ Маккавейскихъ (гл. II, стихъ 68) сказано: Ионаанъ же и полкъ его придоша къ водѣ Геннисарь, и идоша ушро рано на поли Насоръ, и се полкъ иноплеменниковъ срѣше его на поли, и поставиша нанъ ловительсшво въ горахъ, сами же срѣшоша ошъ супрошиву. Ловители же вошпаша ошъ мѣстъ своихъ и соспавиша рашъ: и побѣгоша иже со Ионааномъ вси, и ни единъ ошася ошъ нихъ, шокмо Машпавей сынъ Авесаломовъ, и Іуда сынъ Халфиевъ начальницы воинскихъ силъ. И расперза Ионаанъ ризы свои, и возложи землю на главу свою.“

обиду: что иное ополчило насъ противъ Трои, какъ не заспуна за себя и за брата швоего? Неблагодарный! мы проливаемъ за себя потъ и кровь, а ты безчестіемъ и поруганіями плашишь намъ за то, и еще смѣешь угрожать опшняшіемъ у меня добычи, данной мнѣ въ возмездіе за многіе содѣянные мною въ страшныхъ браняхъ подвиги; добычи, копорая въ сравненіи съ швоею, о презависпливый! такъ мала, какъ малы дѣла швои предъ моими? Ты въ каждой побѣдѣ собиралъ себѣ богашья корысти, а я въ каждомъ сраженіи носилъ на себѣ шруды и опасности. Маловажные нѣкіе на корабли мои присланные дары были всею мнѣ за кровавый потъ и раны мои наградою. Но знай, гордый повелитель, что я не рабъ швой болѣе: иду съ водоплавающимъ ополченіемъ моимъ къ Эссалійскимъ брегамъ. Посмотримъ, какія на поляхъ Троянскихъ Апреевы чада учиняшъ завоеванія, какія безъ Ахилла пожнушъ побѣды.

На сіе Агамемнонъ: бѣги, великій воинъ, бѣги! помощь швоя не нужна мнѣ и угрозы швои не страшны. Довольно и безъ себя есть славожаждущихъ грядущихъ поборать по мнѣ вожденачальниковъ, и самъ Юпитеръ право мое охраняшъ благоволишъ. Никшо изъ поставленныхъ опъ боговъ, по-

винующихся мнѣ владыкъ земныхъ, не упо-
енъ шолікою къ верховной власпи ненави-
снїю, какъ ты. Душу твою, вмѣстѣ
крамоль и развратовъ, веселяшь брани и
ужасы! Ты силенъ и крѣпокъ, но познай, о
суешный человѣкъ, что крѣпость и сила
твоя есть даръ, данный тебѣ отъ неба.
Слѣвши, спускай корабли свои, бѣги отъ селѣ.
Царствуй самовластно въ странахъ своихъ.
Ты не опасенъ мнѣ. Я твою непостоянную
дружбу и постоянную злобу равно прези-
раю. Схупай, грози рабамъ своимъ Мирми-
донянамъ; но здѣсь я угрожаю, а ты
спрашишься долженъ. Знай, когда корабль
мой, по требованію Аполлона принесешь
лѣпообразную Хризову дочь въ опечиствен-
ную ея страну, тогда приготовься, сколь
ты ни лѣши, приготовься, высоковѣрный,
отдашь мнѣ собственную твою прекрасную
плѣнницу: въ самую вѣжи твоей приду, и
возлюбленную твою, чернобровую дочь
Брисееву возьму отъ тебя: тогда познаешь
ты власть мою надъ тобою, и будешь часъ
тошъ проклиная, въ который дерзнулъ
ты сосязаться со мною; тогда все воин-
ство увидишь, что я превыше всѣхъ, и
шомо единому подвластенъ громодержцу.

Ахиллъ скорбію и яростію обѣяшый
внималъ словамъ симъ: сердце его кипѣло
въ немъ и грудь его высоко воздымалася.

Колеблемый различными движущими духъ его мыслями, то воспламенялся гнѣвомъ, то прохлаждался разсудкомъ: единъ порѣвалъ его извлеки смертоносное оспріе прорваться сквозь толпу Греновъ и поразить гордаго царя; другій крошко шепталъ ему въ уши, да погаситъ въ себѣ огонь мщенія и упишитъ восплающую въ душѣ своей бурю. Тако перзаемый недоумѣніемъ стоялъ онъ, и уже блистающій мечъ его до половины обнаженъ былъ, какъ внезапно Минерва, посланная опъ сесстры и супруги Юпитеровой, Юноны (ибо небеса о сохраненіи обоихъ препирающихся владыкъ пеклися), нисходитъ съ высоты, и ставъ позади Ахилла, ему единому зрима, опъ всѣхъ же прочихъ густымъ сокрытая облакомъ, хватаетъ его за волосы подобные злапу: онъ по сверкающимъ изъ очей ея огненнымъ искрамъ познаетъ богиню, и шако вопіетъ къ ней:

За тѣмъ ли Минерва нисходитъ на землю, дабы слышатъ прешерпѣваемые мною опъ сына Апрезва поруганія? — Коль шакъ, да будешь безсмертная свидѣтельница сей наглости, купно и мщенія моего свидѣтельницею.

Удержись! (рекла дщерь Юпитерова): я пришла съ небесъ укропить люпость твою. Послушный богамъ, великій Ахиллъ, да покоритъ гнѣвъ свой разуму: шако благо-

угодно спрашной Юнонѣ. Боги обоихъ васъ храняшъ, верховнаго владыку народовъ, и тебя. Дай возчувствовашъ ему силу смѣлыхъ укоризнъ твоихъ, но обрати во влагалище мстительное оружіе твое; зане возвѣщаю тебѣ, и знай, слова мои непреложны: придетъ время, когда оскорбленная честь твоя воспоржествуетъ: гордый царь преклонишъ выю свою предъ побою и спашешъ, безмѣрную предлагая мзду, умоляшъ тебя о твоей помощи: тогда, повинувъсь волѣ безомерсныхъ, повели спрашамъ своимъ, и огонь мщенія въ себѣ пошуши.

Ахиллъ отвѣстствуетъ: коль ни тяжко мнѣ преломишъ себя, о богиня! но благоговѣя къ словесамъ твоимъ мечь мою оспавляю. Боги на того, кто почиаетъ ихъ, ниспосылающъ свое благословеніе. Тако рекъ, и устремя взоры свои на небесную дѣву, до половины извлеченный мечъ свой обращаетъ паки во влагалище. Богиня поспѣшно вознось на Олимпъ въ высокую небожителей думу.

Между тѣмъ не шокмо не умолкшая, но еще паче воскипѣвшая на сына Апурева въ груди Ахилловой ярость тако изъ устъ его исторгается: о чудовище, крупъ и наглое и робкое! ты взоромъ песь, но сердцемъ елень. Кто видалъ тебя мужественно въ ловительствѣ засѣдающаго, или грозные

полки враговъ смѣло сръштающаго отъ супротиву? Наше дѣло испытывать превращеніи бивъ, швое же шокмо смотрѣшь на нихъ, и посылашь храбрыхъ умирать: безопаснѣ для себя ходишь по шаштрамъ и грабишь подданныхъ своихъ, нежели разо-вашь въ полѣ и обнажаешь непріятеля. Бичъ народа, подлый и жестокій! тебя во гнѣвѣ своемъ послалъ Юпишерь угнѣшать разбо-лѣнное племя, въ кошоромъ прежнее благо-родное чувствованіе свободы погаснувъ про-сшерло его уничиженно предъ шобою — не то, сія швоя обида была бы послѣдняя. Днесъ внимай меня клянущагося симъ свя-щеннымъ жезломъ, не могущимъ никогда ужѣ одѣваться лисшвіемъ и цвѣтами, оставив-шимъ (подобно какъ я тебя) ошечешвен-ный пенъ свой на горахъ, симъ царскимъ жезломъ, образованнымъ острою спалию во знаменіе повелѣшества Юпишера, отъ коего происпекаешь власть законовъ и пра-восудія — спрашная, ненарушимая для ца-рей кляшва! — Сею клянусь, что нѣкогда кровошочащая Греція воззоветъ къ Ахиллу, но шщешно будетъ взывать. Когда свирѣ-пый Гекторъ придетъ и успешетъ багровый брегъ грудами мертвыхъ шѣлъ, шогда, без-сильный спасти воинство свое, восплачетъ шы, возсѣтуешь о содѣянномъ шобою мнѣ оскорбленіи; шогда въ горести души швоей

познаешь, что безумно раздражилъ ты храбрѣйшаго изъ Грековъ.

Тако рекъ, и усыпанный златыми гвоздѣями, аки звѣздами, жезлъ свой ударилъ въ яроспи о землю. Грозный царь съ равнымъ гнѣвомъ и лютою мещею на него исполненный презрѣнія взоръ.

Тогда, да попушишь кипящую въ нихъ страсть совѣтами хладнокровной сароспи, возспалъ тихо и скромно ошъ сѣдалища своего. Неспоръ, Пилосскій мудрецъ, опытами благонаспавленный, искусный въ убѣжденіяхъ: сладкія слова шекли какъ медъ изъ устъ его. Уже два смерпныхъ поколѣнія, мудрыя его успавами, и щаспавныя его правленіемъ, прешли ошъ лица земли; уже по двувѣчномъ царспвованіи въ спранѣ своей, примѣръ благихъ царей, вступилъ онъ на прешій вѣкъ. Всякъ съ благоговѣніемъ взиралъ на сего почшеннаго спарца, шаю рѣчь свою начинающаго:

Увы! какое зло и спыдъ Грекамъ! какая гордому царю Троянскому и друзьямъ его радостъ, когда доспигнешъ до нихъ слухъ; что вы, два первѣйшіе изъ всего Греческаго воинспва, два храбрѣйшіе мужа, шolikoю между собою враждуешъ злобою! Но, укропишъ въ себѣ пылъ юноспи, и послушаніемъ своимъ почпишъ сѣдые власы мои и долговременную опышность. Нѣкогда

Ч а с т ь VII.

24

обращался я съ богоподобными мужами, ка-
 ныхъ уже престарѣлыя очи сіи не увидяшъ
 болѣе. Гдѣ нынѣ вожденачальникъ, равный
 славою съ Пиритомъ, или съ Дріантомъ
 смѣлымъ, или съ пріобрѣтшимъ бессмерт-
 ное себѣ имя Кенеемъ, или съ Полифемомъ,
 подобнымъ богу въ сраженіяхъ? съ ними
 древаѣ опъ самыхъ мягкихъ ногшей моихъ
 въ воинскихъ шрудахъ воспитанный, любо-
 вію къ великимъ дѣламъ горящій, благород-
 нымъ воспламененный соревнованіемъ, кро-
 вождалъ я дни мои суровые. Съ сими доб-
 лими подвижниками шекъ по крупнымъ го-
 рамъ, и по дикимъ, кровію чудовищъ оба-
 граннымъ скипался дебрямъ, когда они лю-
 тыхъ поражали зепрей и съ лѣсисныхъ
 холмовъ двоякочленныхъ срывали ценша-
 вровъ. Но и сихъ во браняхъ посѣдѣвшихъ
 мужей испусквомъ рѣчи и крошоспію словъ
 моихъ умѣлъ я убѣждашъ. Неспоръ вѣщаль,
 они внимали и повиновались. Когда въ юно-
 сши моей уважали они совѣшны мои, то не
 ужѣ ли въ шаросши моей не послушаеше
 меня вы, юные войны? Ты, Апреевъ сынъ,
 не похищай у Ахилла прекрасной пѣлѣни-
 цы, во мзду подвиговъ его всеобщимъ согла-
 сіемъ Грековъ ему присужденной; ты же
 Ахиллъ обуздай гордосшъ швою предъ пове-
 лишелемъ народовъ; ты самъ царь; царю
 подобаешъ судишъ право; верховная власшъ

да преобладаетъ. Тебя ошъ богини рожденнаго, и крѣпосшію богамъ подобнаго, украшаютъ пердѣйшія воинскія почести; но онъ, священнымъ величествомъ облеченный, возносишся превыше всѣхъ земныхъ владыкъ и великодержавныхъ сыновъ Юпишера. Соединишесь оба во едину душу, тогда власшь и сила соединены будутъ. Предославъ мнѣ, о царь, укропишь яросшь Ахиллову; ты же, яко превосходнѣйшій лѣтшами, самъ себя укропи. Боги! да не погибнешъ Ахиллъ, гордосшь Греціи и крѣпкая войскъ нашихъ ограда!

Тако рекъ и умолкъ. Повелишель народовъ ошвѣшствуешь: старосшь швоа достоинна и слова швои мудры. Но сію властлюбивую, непреклонную душу, ни какое почтеніе усмиришь, ни какіе законы обуздашь не могутъ. Превознесенному мнѣ надъ всѣми должно ли предъ надменностію его пасшь и уничижишся? повелишель ли онъ здѣсь? слово его законъ ли? ему ли все наше воинство, всѣ наши вожди, и самъ я повиноваться долженъ? Какой царь потерпишь во власши своей совѣшника? Боги даровали ему безприкладную силу, но кто далъ ему право ругашся надо мною? — Тушь во гнѣвѣ прерываетъ Ахиллъ рѣчь цареву, и препинающимся ошъ яросши гласомъ речешъ: люшый мучитель! я достоинъ

*

носишь свою кровопийственную цѣпь, за то, что по сіе время живу рабомъ своимъ и служу подъ побою! Но опныиъ знай, что я свергаю съ себя недостойное иго швое; повелѣвай другими, покаряющимися волѣ швоей, но я тебѣ не повинуюсь. Сшупай, бери опъ меня дочь Брисееву, которую Греки дали мнѣ за мои подвиги, и нынѣ съ шпенешомъ видяшь ее у меня опъемлему; похищай безбоязненно: Ахиллъ за жену не извлечешъ ужѣ побѣдоноснаго меча своего. Боги повелѣвають мнѣ забыть прошедшее, но сіе первое насиліе швое да будетъ купно и послѣднее: естли дерзнешъ шы еще раздражишь меня, то знай, что черная кровь швоя попечешъ ручьями по сему ошпрому мечу моему.

Потомъ оба они умолкли; бурная распря ушшла. Вожди въ мрачной величешвенности возстають опъ сѣдалищъ своихъ и удаляются.

Ахиллъ съ Патрокломъ просшираешъ путь къ шаштрамъ своимъ, ошколѣ неподалеку шощіе корабли его спояли. Между шѣмъ Апреевъ сынъ спускаешъ о многихъ веслахъ прекрасно оснащенный корабль, предопредѣленный плышь къ священнымъ брегамъ Хрисы. Высоко на помостѣ сѣдитъ прекрасная дочь Хризова. Мудрому Улиссу поручено препроводишь ее. Шо жерш-

венныхъ воловъ соумѣщающся нешѣсно въ ушробѣ корабля, и вскорѣ на распущенныхъ вѣтрилахъ разсѣкаетъ онъ влажный путь.

Царь по опшесствіи онаго приуготовляетъ воинство свое, да очистишся омовеніемъ и шоржесшвенными молишвами. Сомы благочесшивыхъ рашниковъ омывающихся соленою водою и очистишся опъ оскверненія ліють нечистишя воды обрашно въ море. Вдоль берега многочисленныя воздвигающся пребища, на коихъ во всесожженіе Фебу возлагающся шельцы и козлища; дымъ опъ жертшвенниковъ клубишся, и облаки благоуханій возносяшся къ небесамъ.

Тако упражняющуся въ священныхъ обрядахъ воинству, Агамемнонъ во внушренности души своей сиѣдается злобою и мшценіемъ. Два священныя глашатая, Тальпибій и Эврибадъ благій, во ожиданіи повелѣній его предстоятъ предъ нимъ. Сиѣшише (возопилъ онъ) въ шашеръ люшаго Ахилла, и приведите опшолѣ дщерь Брисееву; ибо мнѣ опшныиѣ принадлежишъ она. Уповаю, что вы обрящете его покорнымъ; когда же не восхощешъ онъ разлучишся съ нею, шогда я самъ приду съ оружіемъ и опшоргну ее опъ его сердца.

Послушныя глашатаи съ нехотѣніемъ исполняютъ волю своего владыки; въ глубокой задумчивости простирають они путь

свой по песчаному берегу. Достигають до спана Ахиллова, и зрящ его мрачна, опершись на оружіе, въ шатрѣ своемъ сѣдѣща. Воспѣщенные благоговѣйнымъ страхомъ оспанавливаются они въ нѣкоемъ ошѣ него разстояніи, и долго стоящъ безмолвны, не смѣя приближиться и возвѣснить ему жестокаго повелѣнія. Досподольное предъ лицемъ великаго мужа смяшеніе! Богоподобный Ахиллъ, узрѣвъ ихъ, крошкимъ гласомъ вѣщаетъ :

Внидите, соизволяю, внидите съ честію въ жилище мое, священные служители боговъ и челоуѣковъ! Вина посольства и невольнаго сюда прибытія вашего мнѣ извѣстна; не васъ, но вашего властолюбиваго владыку я порицаю.— Пшрокль! поспѣши вручить имъ прекрасную дочь Брисееву.— Отведите, глашатаи, плѣнницу мою къ высокоумному повелителю народовъ; но провозвѣстите всѣмъ, засвидѣтельствуйте предъ небесными и земными жителями мой обѣтъ; паче же и громче всего скажите царю своему, сему пославшему васъ лютому властолюбцу, скажите ему, что хотя бы попранная Греція, почта изъ каждой жилы своей кровь, звала меня на помощь къ себѣ, Ахиллъ пребудетъ какъ смерть неумолимъ. Неистовый повелитель вашъ, безплезный войску, неумудренный изъ прошедшаго раз-

суждашь о будущемъ, сѣбѣпошешвующій въ
мракѣ опрасшей своихъ, посредѣ убійствъ
и крови наконецъ раскается и възрыдаешь.

По сихъ словахъ Папронлъ вводитъ у-
нылую красоту; глашатаи берутъ ее подъ
руки; она въ скромной печали, задумчива и
безмолвна проходишь мимо, шествуешь ме-
дленно по берегу, и часто озираешься назадъ.
Но не тако Ахиллъ: люшая скорбь сѣбѣдаешь
его; мраченъ, углубленъ въ мысли, подхо-
дишь онъ къ шумному морю, къ сей дикой,
безпредѣльной пучинѣ, опколѣ машерь его
произникла: тамо пошупя взоръ свой въ
волны, и проливающій слезы гнѣва и яро-
сти, громко взываешь онъ къ бурной стихіи:

О ты, рождающая меня богиня! Когда по
спрогѣ суду небесъ опредѣлено мнѣ въ
цвѣтущей юности увянушь, то не уже ли
праведный Юпишерь опречетъ крашкій
пушь мой украсишь честію и славою? Гро-
мовержецъ обѣщаль мнѣ оное, но не испол-
няешь божеское слово его, когда гордый
вожденачальникъ тако ругаешь сыну шво-
ему, что помрачаешь славу мою и похи-
щаешь у меня единшвенную за подвиги мои
награду.

Богиня, машерь его, въ глубокомъ безднѣ
морскихъ вершешъ, гдѣ вешхій деньми опещъ
ея повелѣваетъ водами, внемлетъ гласу сы-
на своего: она разсѣнаетъ шопкую глубину,

и подобно легкому шуману исходишь на поверхность моря; созерцаешь сѣдящаго на берегу въ уныніи Ахилла, и тако печаль души его испыуешь: что сокрушаешь себя, сынъ мой? Повѣдай мнѣ вину скорби швоей, и положишь на мое машеринское о'шебѣ попеченіе.

Ахиллъ шяжковоздохнувъ ошвѣтшвуешь: что возвѣщу? печаль моя тебѣ извѣстна. Разрушивъ Фивы, градъ тезоименишый Фебу, гдѣ царшвовалаъ Эшеонъ гордый, побѣдоносное воинство наше пришло сюда, богатыми обремененное добычами: праведный раздѣлъ сокровищъ вознаградилаъ шруды рапниковъ. Но прекрасная дочь Хризова, превышая всѣхъ награда, числомъ многихъ глазовъ присуждена была верховному повелителю войскъ. Хризь, опецъ ея, первосвященникъ Аполлоновъ, собралъ богатые дары, да искупишь ими дочь свою изъ оковъ побѣдителя. Онъ, достигнувъ до кораблей Ахейскихъ, проспиралаъ злалый жезлъ свой и лучезарный вѣнецъ, и челомъ біющій землю умолялъ всѣхъ Грековъ, паче же двухъ единоушробныхъ царей, чадъ Апреевыхъ. Великодушные Греки всѣ единогласно присудили почтитъ жреца и освободитъ дочь его изъ плѣна. Но не тако Апреевъ сынъ: онъ съ обычною ему гордосшію ошгналаъ ошъ себя сего спарца и дары его ошвергъ.

Поруганный первосвященникъ, возносишь гласъ свой къ Фебу, и Фебъ, благоволящій къ нему, вземлетъ его моленію: онъ посылаетъ смертоносную на Грековъ язву и мстительными разишь ихъ стрѣлами. Вдохновенный небомъ пророкъ восплаетъ и открываетъ намъ, кто пресупникъ, и чья караетъ его рука. Я, первый, даю совѣтъ исполнишь волю Аполлонову, и шѣмъ преклонишь его на милость. Тогда гордый царь во гнѣвѣ своемъ какъ буря возшумѣлъ, изрыгнувъ угрозы, и днесъ совершилъ оныя. Прекрасную дочь Хризову отправилъ онъ къ отцу ея, со многими дарами, да умило-спивишь бога; мою же пѣнницу, дѣву неисчислимыми прелестями блистающую, достойную за подвиги мои награду, беззаконно у меня отнялъ; судъ всего Греческаго воинства нарушилъ; истину, вѣрность и заслугу нагло погралъ. Но ты, богиня, внемли вопіющему къ тебѣ сыну швоему: взыди во свѣшлый чертогъ высокаго Олимпа, и сладостию словесъ швоихъ, и напоминованіемъ о прежнихъ швоихъ заслугахъ умоли греющаго, да подвигнешся къ отпущенію. Часно слыхалъ я какъ ты съ величавостию рассказывала, что изъ всѣхъ небесныхъ силъ едина ты, неустрашимая верховнаго престола охранительница, разрушила смѣлое, колебавшее горнимъ царствомъ злоумы-

шленіе, когда обуянные честолюбіемъ мя-
тежные боги, пресвѣшлая громодержавнаго
Юпишера супруга вкупѣ съ воинспвенною
дѣвою и обладашелемъ водъ, дерзнули все-
могуществу небесъ угрожать оковами. Тогда
призванное шобою шпорукое чудовище, Ти-
шанъ, многократшо сильнѣйшій пошрясаю-
щаго швердынею земли опца своего Непшу-
на, и кошораго боги Бріареемъ, люди же
Эгеономъ именуяшъ, пришелъ, и громоздно
по небесамъ спупая, съ исполинскою смѣ-
лостію одесную високаго Зевесога престо-
ла спалъ, и спомя своими руками грозно
возмахнулъ: ушпашенные боги восшрепе-
шали, пригошовленные цѣпи попадали изъ
рукъ ихъ, и они предъ владыкою міра сми-
рясь божескую воздали ему честь. Сіе, о
богиня, приведи ему на памяшъ, пади предъ
высокимъ его судилищемъ и обнявъ колѣна
его умолай, да укрѣпленные помощію его
Трояне опрокинушъ Грековъ, шекушъ за ни-
ми до самыхъ кораблей и успеляшъ шрупа-
ми ихъ брегъ моря: шако да познаюшъ они
безуміе царя своего. Высокомѣрный Агаме-
мнойъ да поднимешъ шогда главу свою, и
обозрѣвъ смяшеннымъ окомъ ушѣянное мер-
швыми поле, да содрогнешся въ душѣ своей,
и посредѣ ліющихся вокругъ его кровавыхъ
шоковъ да восплачешъ самъ кровію, что дер-
знулъ храброму изъ Грековъ нанесшъ обиду.

Несчастный сынъ! (опившесѣваетъ прекрасная Фетида, съ наплющими изъ очей ея небесными слезами). Почто чревоболѣла я шобою? почто гонимаго судьбами родила себя и съ шоликимъ чадолюбіемъ для предбудущихъ бѣдшвій воспитала? шоль крапшкая опредѣлена шебѣ жизнь! шоль крапшкая и въ непрешанныхъ печаляхъ! о ешъли бы вопль машеринскаго сердца моего могъ бышъ услышанъ, далеко, далеко отъ Иліона ушли бы корабли швои, и шы, отдаленный отъ рашныхъ шашровъ сихъ, избѣгъ бы отъ опаснوشي, нынѣ, о сынъ мой, шакъ близко шебѣ предшоящей! Но содѣлаю всевозможное: пойду ходашайшвовашъ за шебя на высокій, увѣчаный пушисшымъ снѣгомъ Олимпъ. Между шѣмъ шы пребудъ въ безопаснوشي на корабляхъ своихъ, взирай издалека на рашное поле и не пріемли въ браняхъ учасшія. Днесъ ошецъ боговъ, и весь небожиселей сонмъ, на знойныхъ отдаленнѣйшаго океяна предѣлахъ, не гнушаясь со бесѣдовашъ съ смершными, восхошѣли присушсшвіемъ своимъ сошворить благолѣпнѣйшими веселыя непорочныхъ Эеіопскихъ обшпашелей празднесшва. Одинашцащъ дней пребудущъ они шамъ, и на разсвѣшѣ двѣнашцашаго ушра возвращашся на Олимпъ: шогда вниду я въ мѣдный чершогъ, и возо-

пію предъ высокимъ судилищемъ безсмертнаго Юпитера.

Тако рекла богиня, и во глубину разверзшихся предъ нею волнь, отколѣ изошла, паки погружается, оставя сына своего на пустынномъ берегу о прекрасной дѣвѣ сокрушающагося и мщеніемъ дыщаго.

Между тѣмъ мудрый Улиссъ и его соупутники вступають въ Хрисское пристанище, угошворяють жертву, парусъ свертываютъ, щоглу вынимають, водружаютъ якорь, и корабль къ пристани прикрѣпляютъ. Помощь изводятъ сто жертвенныхъ воловъ на сушу. Дщерь Хризова, тако по сѣдымъ волнамъ сердитаго моря въ опечесство свое возвратившаяся, исходитъ на берегъ послѣдняя. Улиссъ ведетъ ее къ священному Аполлонову храму, и тамо предъ свѣшлымъ олшаремъ его, вручая прелестную дѣву опцу ея Хризу, тако вѣщаетъ ему:

Миръ достопочтенному жрецу! къ спрашному свяшилищу Феба прихожу я съ покорными молитвами опъ велиаго сына Амреева. Днесъ безъ искупленія пріими прекрасную дщерь твою чисту и непорочну; пріими угошованную Греками спотельную жертву и всесожженіемъ ея умоли спрѣломещаго бога лвого, да преспанетъ поражать Ахейское воинство.

Тогда старецъ чадолюбно объемлетъ младую, въ недавномъ времени щещно взыскуемую, и шолікія горести приключавшую ему дѣву. Пошѣмъ близъ Аполлонова жершвенника успанавливаютьъ они въ порядокъ спо привезенныхъ шельцевъ, омываютъ руки свои водою, и пригошавляютъ священную соль и ячмень. Между шѣмъ жрецъ, воздѣвъ съ благоговѣніемъ руки свои къ небу, шако возсылаешъ шоржеспивенную свою молишву:

О шы, охраняющій божеспивенную Циллу, ограждающій силою швоею Тенедъ, и пріапшную Хрису свѣшозарными позлащающій лучами, богъ сребренаго лука! склони ко мнѣ свой слухъ. Моленіями жреца швоего преклоненный воздвигъ шы спрашную руку свою, кинулъ спрѣлы и свирѣпую распросперъ язву: днесъ паки преклони ко мнѣ ухо швое, ошвраши губишельное зло, ослаби лукъ швой, и милосердіемъ лице свое просвѣши.

Тако рекъ Хризъ и Аполлонъ молишву его услышалъ. Тогда Греки начинаютъ угошавляшъ спомельчную жершву, посыпають между рогами соль и ячмень, и обративъ къ небу главы воловъ, жершвеннымъ закалають ихъ ножемъ. Пошѣмъ ошдирають кожу ошъ мяса, ошсѣкають предназначенныя богамъ спегна, и ошдѣляютъ ошъ каж-

даго класпа избранный кусъ, въ извлеченные изъ ушробъ шуки двукратно оный завершывають и на жершвенникъ возлагають. Жрецъ же самъ, предстоя олшарю, священными руками своими возливаетъ чермное вино, возжигаетъ сухое хврасіе, и зришь восходящія пламы. Юноши съ острыми ножами окружають огонь. Когда сшегна и ушробы въ пламени испребились, тогда оставшіяся опъ всесоженія части мясь раздѣляють они между собою, вонзають на рожны о пяхи зубцахъ и жаряшь. Помомъ спавяшь, сполы и пригошовляють пиръ. Каждый съ доставшеюся ему долею сажидся на мѣсто. По ушолени же перваго глада юноши обносять кругомъ полныя чаши вина. Тако до самаго закаша солнечнаго продолжаешся ихъ пиршесство и божешвенными, возглашаемыми въ веселіи сердцеъ пѣніями, наполняется воздухъ. Освобожденные опъ бѣдъ Ахеяне присоединяють къ пѣснопѣніямъ ихъ благодаршвенные гласы свои, величаютъ спрѣломещущаго бога, и онъ преклоняетъ къ нимъ свой слухъ.

Наступаетъ ночь: вожди ложатся при кораблѣ своемъ. Когда же возстающе ушпру побагровѣль сводъ небесъ, тогда опрѣщають они корабль опъ присшани и подъемлють щоглу. Благопріятные вѣтры, посланные опъ Феба, вѣють въ паруса: бѣлая

шкань чреватѣль ошъ ихъ дуновеніа; разсѣваемое кораблемъ море пѣнишя и плещетъ. Быстро лешащъ они по скачущимъ волнамъ, и вскорѣ Ахейскій спанъ открываешя ихъ взорамъ. Далеко на крушиану берега влекущъ они черный корабль свой, и желтые пески сыплюшя по обѣимъ спранамъ ошъ согбенныхъ ребрь его; потѣмъ ошходящъ шуда, гдѣ, вокругъ лукоморья, разбѣянные шащры и корабли ихъ спояли.

Но сынъ Пелеевъ, гнѣвный Ахиллъ, непреклоненъ и яростенъ, сѣдишъ еще внутри корабля своего, не исходишъ на брань, не присуществуетъ въ совѣтахъ: въ удрученномъ печалію умѣ его вращающя черныя мысли убійствъ и мщенія; душа его жаждетъ ужасовъ и кровавыхъ зрѣлищъ.

Между шѣмъ насшаешъ вторыйнадесять день, и уже разсвѣтающее утро зовешъ боговъ на вышю Олимпа. Безсмертныя шествующъ на небеса, Юпитеръ грядетъ въпереди всѣхъ. Фетида не выпускаетъ изъ памяти моленій сына своего: она, подобно упренному шуману, исходишъ на поверхность моря и направляетъ полетъ свой къ божественному, во вѣки непоколебимому престолу. Тамо, гдѣ вѣшій Олимпъ спомя главами подпираетъ небо, сѣдишъ повелитель громовъ, единъ, превыше всѣхъ. Богиня

предстала предъ него, и единою рукою обнявъ колѣна, другою же глядя подбородокъ его, шако вѣщала: опецъ боговъ! есѣли была я когда либо угодна шебѣ моею бесѣдою, или полезна моими дѣланіями, склони ко мнѣ слухъ свой: вознагради крашкую жизнь сына моего честію и славою. Агамемнонъ нанесъ ему жестокою обиду: насильственной рукою опнялъ у него данную ему опъ всѣхъ Грековъ награду; но шы, о вѣчно праведный и мудрый! вступишь за него, вознеси Троянъ и унизи Ахеянъ, доколѣ гордый царь ихъ множайшими почестіями не изгладишь нанесеннаго цмъ сыну моему безславія.

Рекла; но громомешашель молчалъ, скрывая во глубинѣ сердца своего пайную думу. Оешида же не преспавала усердно обнимать колѣна его, и шако неопступною прозьбою снова ему спужала: опче боговъ и человекъ! ушверди моленіе мое, или оприни оное. Чего Юпитеръ спрашишься можешь? Промолви, да возрадуюся о благоволеніи швоемъ, или да возсѣбую нещасная, что изъ всѣхъ небожителей я единая не обращаю на себя швоего вниманія.

Вѣщала и умолкла. Тогда повелишель буръ и громовъ шако съ въздыханіемъ опшѣствовалъ ей: ахъ! о чемъ шы меня умоляешь? Какое несогласіе водворяешь въ домъ

мой! Какіе раздоры и плевелы сѣешь между мною и Юноною! уже и шакъ въ присущіи боговъ раздражаешь она меня укоризнами, яко бы я во браняхъ пошворствую Троянамъ. Удались немедленно опсела, да не увидишь высокобрана супруга моя бесѣды моей съ шобою. Гряди съ миромъ; желаніе швое исполнишся. Подтверждаю божественную воду мою мановеніемъ священныхъ главы моей: знакъ обща швердый, ненарушимый, непреложный. Тако рекъ, и спрашный взоромъ, пошупя черныя брови, во знаменіе вѣчнаго завѣща благоуханными власами своими пошрясь: швердь небесъ и концы міра вострепещали.

Бывшу сошщанію сему богиня опъ свѣплыхъ вышъ небесныхъ ниспускается въ глубокія морскія бездны, Юпиперъ же возношсь во многозвѣздное свое обшашлице.

(не доконтено).

Конецъ седьмой части.

Часть VII.

25

066 425 A A 30

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06739 5577

